

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 188

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1973

В настоящий сборник ученых записок помещены научно-исследовательские работы членов кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, выполненные в 1972 году. Сборник посвящен общетеоретическим проблемам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства - проблеме пределов действия советских уголовно-правовых норм, роли общественности в стадии предварительного расследования преступлений, а также вопросу совершенствования отдельных институтов уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практике их применения.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов и студентов старших курсов, а также практических работников, интересующихся проблемными вопросами теории советского уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

2000 23 283

С I-10-2-062y 73
М 812(II)-73

(С) Редакционно-издательский отдел ЛУ им. П. Стучки, 1973 г.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ УГОЛОВНО-
ПРАВОВЫХ НОРМ.

1. Сущность уголовно-правовых норм, регулирующих пределы действия советского уголовного закона до сих пор не была предметом самостоятельного исследования, хотя этот вопрос представляет большой теоретический и практический интерес.

Речь идет о той группе уголовно-правовых норм, которые устанавливают пределы действия всех прочих норм уголовного права в пространстве, во времени и по лицам, т.е. которые ограничивают действие уголовно-правовых норм определенной территорией, определенным временем и определенным кругом лиц.

Следует отметить, что общая теория советского права говорит как о пределах действия правовых норм¹, так и о пределах действия законов и иных нормативных актов.²

В теории советского уголовного права говорится о пределах действия советского уголовного закона во времени и пространстве.³

1 См. Денисов А. И. Теория государства и права. Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948, стр. 482; Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 416; Недайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960, стр. 281.

2 См. Теория государства и права. Изд-во МГУ, М., 1967, стр. 306; Теория государства и права. Изд-во "Юридическая литература" М., 1968, стр. 477.

3 См. Шаргородский М. Д. Уголовный закон. Юридическое изд-во МЮ СССР, М., 1948, стр. 214 и 233; Уголовное право. Часть Общая. Изд-во "Юридическая литература", М., 1966, стр. 65-71; Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. Изд-во "Юридическая литература" М., 1967, стр. 128; Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. Изд-во МГУ, М., 1967, стр. 195 и 247; Ю. И. Ляпунов. Советское уголовное право. Часть общая, М., 1968, стр. 15 и 22; Советское уголовное право. Общая часть. Изд-во "Юридическая литература", М., 1969, стр. 37 и 45; Советское уголовное право. Общая часть, Изд-во МГУ, М., 1969, стр. 48.

О пределах действия советского уголовного закона или о действии советского уголовного закона говорится в советском¹ и зарубежном² уголовном законодательстве, при этом имеется в виду решение вопроса о применении норм уголовного права, содержащихся в этих уголовных законах.

Если исходить из единства и внутренней дифференциации норм права, образующих систему права и систему той или иной отрасли права, и стремиться более точно отразить существующую правовую классификацию и исследовать объективно существующие связи между институтами права, следовало бы говорить о пределах действия уголовно-правовых норм. Однако, поскольку не только общая теория права и теория уголовного права, но и уголовное законодательство пользуются понятием пределов действия уголовного закона, мы не считаем необходимым настаивать на иной формулировке, не вносим предложения об изменении действующего законодательства, потому что не усматриваем противоречия по существу.

Однако в плане теоретического анализа указанной группы правовых норм, регулирующих пределы действия советского уголовного закона или норм советского уголовного права, будем пользоваться последним понятием.

Раскрытие сущности и специфики правовых норм, регулирующих пределы действия всех прочих уголовно-правовых норм, представляет несомненный теоретический интерес, потому что дает возможность более глубоко изучить очень важные и недостаточно разработанные вопросы структуры отдельных отраслей

¹ См. УК РСФСР ред. 1922 года; УК РСФСР ред. 1926 г.; УК РСФСР 1960 г.; Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; УК Латв. ССР 1961 г.

² См. Уголовные кодексы Венгерской Народной Республики, 1961 г., Чехословацкой Социалистической Республики, 1961 г., Народной Республики Болгарии, 1968 г.; Румынской Социалистической Республики 1970 г.; Польской Народной Республики, 1969 г.

права, особенности отдельных институтов определенной отрасли права и комплексных институтов права, некоторые вопросы системы права, системы законодательства и науки советского права.

Решение упомянутых нами проблем представляет также большой практический интерес, потому что служит целям совершенствования советского законодательства в области уголовного права и уголовного процесса и практики их применения, что, в свете решений XXIV съезда ВКСС, представляется особенно важной задачей.

В данной работе мы попытаемся уяснить место всей совокупности норм, регламентирующих пределы действия советских уголовно-правовых норм, в системе уголовного права, характер этого института и его специфическую роль, внутреннюю систему этого института, пути его дальнейшего развития, а также определить место этого института в системе советского уголовного законодательства и место учения о нем в науке советского уголовного права.

Нормы, регулирующие пределы действия советских уголовно-правовых норм, по своему содержанию и форме характеризуются всеми свойствами, присущими советскому уголовному праву в целом, однако они имеют свои особенные черты. Анализ этого особенного на базе общего является весьма важным, поскольку вне этого нельзя до конца понять *differentia specifica* этих норм^I как самостоятельного института советского уголовного права.

2. Прежде чем начать анализ комплекса правовых норм, регулирующих пределы применения советских уголовно-правовых норм во времени и пространстве, необходимо отметить, что

^I См. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во Ленинградского университета. Л. 1963, стр. 101.

почти любая из отраслей советского социалистического права содержит аналогичный комплекс правовых норм, поскольку любая из этих отраслей, независимо от того, какие общественные отношения она регулирует и какой метод в этих целях использует, не может обойтись без установления пределов действия соответствующих правовых норм.

Такие комплексы правовых норм содержатся в гражданском, в брачно-семейном, трудовом, уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном праве и др. отраслях права.

Встает вопрос о природе совокупности всех упомянутых правовых норм, содержащихся в различных отраслях советского права. В этой связи необходимо выяснить, являются ли упомянутые комплексы норм правовым институтом только каждой из отраслей права, т.е. регулируют ли они только те общественные отношения, которые регулирует данная отрасль права в целом, или же вся совокупность юридических норм различных отраслей права, определяющих пределы действия соответствующих правовых норм, кроме того, составляет еще и единый правовой институт, который можно было бы назвать "институт пределов действия советской правовой нормы" или "институт действия советской правовой нормы во времени и пространстве".

Решая поставленный нами вопрос, следует исходить только из того, представляют ли эти отраслевые институты в совокупности сочетание правовых норм в пределах объективно существующей системы права.

На этот последний вопрос может быть дан только отрицательный ответ. Сам по себе факт, что многие отрасли права содержат родственные правовые нормы, направленные на установление границ применения норм определенной отрасли права (единая служебная роль), не дает основания для объединения их в единый институт, так как соответствующие комплексы правовых норм различных отраслей права отличаются по предмету

и методу правового регулирования, по целям и задачам, стоящим перед этими отраслевыми комплексами норм.

Поэтому мы приходим к выводу, что совокупность правовых норм, определяющих пределы действия норм советского уголовного права, автономна, независима от соответствующих родственных комплексов норм других отраслей права.

Этот вывод не исключает задачи систематизации правового материала, сгруппирование его систематизатором для определенной цели, главным образом, для научного исследования и обобщения или для анализа законодательства.¹

Нам представляется, что систематизация отраслевых правовых норм, регулирующих пределы действия соответствующих норм права во времени, в пространстве и по лицам, в целях их научного анализа и обобщения не только целесообразна, но даже необходима.

Этим вопросом должна заниматься и занимается общая теория советского права², однако занимается явно недостаточно.³

В учебной литературе последних лет анализу норм, регулирующих пределы действия советской правовой нормы, уделяется все меньше внимания, а в некоторых учебниках, учебных пособиях и даже теоретических курсах данный вопрос вообще опущен.⁴

1 Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Выпуск первый. Свердловск, 1963, стр. 214; его же: Общие теоретические проблемы системы советского права. Госюриздат 1961.

2 См. Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве. Изд-во "Юридическая литература" М., 1965; Нелбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат. М., 1960, стр. 281-323.

3 См. Денисов А.И. Теория государства и права. Юрид. изд-во МЮ СССР, М., 1948, стр. 482-485; Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 416-419; Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1960, стр. 303-308; Основы теории государства и права, Госюриздат, М., 1963, стр. 403-408; Теория государства и права, Изд-во МГУ М., 1967, стр. 306-308; Теория государства и права. Изд-во "Юридическая литература" М., 1968, стр. 477-483.

4 См. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госюриздат, М., 1961; Общая теория советского права. Изд-во "Юридическая литература" 1966; Основы теории государства и права. Изд-во "Юридическая литература" М., 1971, Отв. ред. проф. С.С. Алексеев.

Вывод, к которому мы пришли выше, о самостоятельности анализируемых нами правовых норм, независимости их от других отраслей права недостаточен для решения вопроса об их природе.

Необходимо, прежде всего, выяснить, можно ли считать, что упомянутые правовые нормы, регулирующие пределы действия всех прочих советских уголовно-правовых норм, составляют самостоятельный институт советского уголовного права.

Для решения этого вопроса недостаточно будет использовать только даваемые общей теорией права определение и признаки института права. Необходимо углубиться в анализ уголовного права, как одной из отраслей советского права в общей его системе.

Вопросам системы права и ее подразделению на отрасли уделено большое внимание в общей теории советского права.^I

В настоящее время в теории советского права преобладает мнение о том, что в основу разграничения его отраслей, в основу распределения норм по отдельным отраслям права положены два взаимосвязанных признака: предмет правового регулирования (материальный, внеправовой классификационный критерий) и метод правового регулирования (правовой классификационный критерий).

В общей теории права и в теории отраслевых наук большинством ученых признано также, что любая отрасль права регулирует качественно однородные общественные отношения специфическим для этой отрасли права методом.

Однако, нет единого мнения о предмете и методе регулирования советского уголовного права.

С.С.Алексеев указывает, что уголовное право занимает специфическое место среди материальных отраслей права, ибо "здесь нормированию подлежат не отношения, соответствующие интересам советского народа, а отношения, по природе своей чуждые социалистическому строю, — отношения между обществом и

^I См. подробнее в работах: О.С.Моффе, М.Д.Шаргородский. Вопросы теории права, Госюриздат, М., 1961, стр. 326-361; С.С.Алексеев. Общие теоретические проблемы системы советского права. Госюриздат, 1961; С.С.Алексеев. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963, стр. 209-238.

лице социалистического государства и преступником. Отсюда своеобразие их правового регулирования: целью регулирования является не охрана, закрепление и развитие указанных отношений, а наоборот, их неуклонное вытеснение из жизни социалистического общества".¹

С.С.Алексеев полагает, что, если отвлечься от "своеобразия уголовно-правовой формы регулирования", то предмет регулирования вообще не поддается точной обрисовке, ибо уголовное право направлено на охрану и политических, и имущественных, и семейных, и многих других отношений, однако эти отношения сами по себе не делают необходимым существование уголовно-правового регулирования.² Поэтому он считает предметом регулирования уголовного права особый вид общественных отношений - между обществом в целом в лице Советского государства и преступником, поставившим себя вне общества. Эти общественные отношения, по его мнению, определяют и характерный только для уголовного права метод правового регулирования.³

В более поздней работе С.С.Алексеев указывает на то, что уголовное право определяет круг общественно опасных деяний (преступлений) и устанавливает наказание, применяемое к преступникам, как и на то, что уголовное право охраняет от преступных посягательств основы Советского общественно-государственного строя, социалистическую собственность, законные права и интересы граждан и др. интересы, но уже вообще не говорит о предмете правового регулирования. Остаётся нерешенным вопрос: какие же отношения регулирует уголовное право.

1 Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Выпуск первый. Свердловск. 1963; стр. 229.

2 См. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. Госиздат, М., 1961., стр. 27-28; также М.Д. Шаргородский. "Советское государство и право", 1944 № 4, стр. 41.

3 См. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права; Госиздат, М., 1961, стр. 28.

Четкого ответа на этот вопрос не дают и многие другие авторы, исследовавшие эту проблему.¹

А.И.Денисов предметом уголовного права считает регулирование карательной деятельности соответствующих органов государства.²

Справедливости ради следует отметить, что все упомянутые выше авторы правильно подчеркивают значение норм уголовного права для защиты советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, установленного советским государством правопорядка, обеспечивающего свободу граждан СССР, осуществление ими своих демократических прав, свобод и законных интересов, однако с этим назначением уголовного права не связывают предмета его регулирования.

Ученые, работающие в области теории права, не используют в полной мере достижения в разработке данного вопроса теорией советского уголовного права.

В послевоенный период по данному вопросу заслуживающие внимания соображения высказаны Н.Д.Дурмановым,³ А.А.Герцензоном⁴, А.А.Пионтковским⁵.

1 См. Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1960, стр. 389-390; Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 499-500; Теория государства и права. Изд-во МГУ, М., 1967, стр. 317-318; Теория государства и права. Изд-во "Юридическая литература", М., 1968, стр. 600-601;

2 См. Денисов А.И. Теория государства и права. Изд-во МЮ СССР, М., 1948, стр. 424.

3 Дурманов Н.Д. Понятие преступления, Изд-во АН СССР, М., 1948.

4 См. Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. Госюриздат, М., 1955.

5 См. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. Госюриздат, М., 1961.

Значительный вклад в разработку данной проблемы внес Б.С.Никифоров еще двенадцать лет тому назад в своей монографии, посвященной объекту преступления.¹ Заслуживают внимания соображения, высказанные по этому вопросу также М.И.Федоровым.²

Не опровергнуты взгляды Б.С.Никифорова на предмет регулирования советского уголовного права и его критические замечания по поводу сложившегося в общей теории права мнения на этот счет. Авторы большинства работ по общей теории права не учитывают эти критические замечания, хотя такое отношение к достижениям в развитии теории отраслевой науки права отнюдь не способствует развитию общего учения о системе советского права и его отраслей.

Б.С.Никифоров убедительно показал, что любая правовая норма, в том числе и уголовно-правовая, — это правило, призванное направлять поведение людей в целях закрепления порядков, выгодных господствующему классу, что советское уголовное право, как любая другая отрасль советского права, закрепляет устои социализма, его ведущие принципы, социалистические общественные порядки, закрепляет определенные отношения между людьми в обществе — общественные отношения социализма.³

Б.С.Никифоров вполне обоснованно ставит под сомнение противопоставление друг другу различных отраслей права по тому признаку, что одни из них закрепляют или "регулируют"

1 См. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. Госюриздат. М., 1960, стр. 8 и сл.

2 См. Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву. "Ученые записки" Пермского государственного университета им.М.Горького, т. XI, вып.4, кн.2, 1957 г., стр. 182 и сл.

3 Никифоров Б.С. цитир. работа, стр. 10-14 и 27.

общественные отношения, а другие только охраняют их. Он показывает, что понятием "регулирование", во-первых, охватывается и правовая охрана общественных отношений (имущественных, трудовых, по землепользованию, брачно-семейных), и, во-вторых, охрана общественных отношений в отличие от их регулирования вовсе не является специфическим признаком уголовного права.

Поэтому Б.С. Никифоров и приходит к обоснованному выводу, что в отличие от других отраслей советского права, советское уголовное право охраняет общественные отношения социализма от существенного ущерба — существенного либо ввиду важности самих общественных отношений или соответствующих элементов общественных отношений, либо ввиду относительной серьезности ущерба, причиняемого иным общественным отношениям.

Следует отметить при этом, что Б.С. Никифоров не без основания подчеркивает охранительную сторону уголовного права, однако рассматривает уголовно-правовую охрану социалистических общественных отношений как средство их закрепления.

Схожие взгляды на предмет правового регулирования советского уголовного права были высказаны и другими советскими криминалистами, посвятившими свои исследования различным узловым проблемам советского уголовного права — учению о преступлении, об объекте и объективной стороне преступления, о последствиях преступления и др.¹

Учебная литература по советскому уголовному праву последних лет в основном правильно освещает задачи советского уголовного права и его назначение, дает правильное определение советского уголовного права как одной из отраслей советского права.²

¹ См. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. Изд-во МГУ, М., 1969, стр. 76.

² См. Советское уголовное право, часть Общая. Госариздат, М., 1962, стр. 3-5; Советское уголовное право, Общая часть. Изд-во МГУ, М., 1969, стр. 4-5.

Однако, все же четкая грань между предметом регулирования советского уголовного права и его методом у многих авторов отсутствует.

Некоторые авторы при определении советского уголовного права указывают только на метод регулирования.

Так, авторы соответствующего раздела учебника по уголовному праву П.И.Гришаев и Б.В.Здравосмыслов, давая определение советского уголовного права, совершенно правильно определяют предмет регулирования, полностью раскрывают и метод регулирования,¹ а затем утверждают, что "предметом регулирования советского уголовного права являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления. Эти общественные отношения регулируются советским уголовным правом путем применения к лицам, совершившим преступление, мер уголовного наказания, назначенного судом, следовательно, эти отношения являются юридическими или правовыми."²

Аналогичная точка зрения отстаивается и другими авторами.³

Речь здесь в действительности идет не о предмете регулирования советского уголовного права, а о его специфическом методе правового регулирования.

Однако и метод регулирования раскрывается этими авторами не полностью.

1 См. Советское уголовное право, часть Общая. Изд-во "Юридическая литература", М., 1964, стр. 4-5.

2 там же, стр. 6.

3 См. Советское уголовное право. Часть Общая. Изд-во Ленинградского университета 1960, стр. 4; Уголовное право, Часть Общая, "Юридическая литература", М., 1969, стр. 3-4.

4. Под методом правового регулирования общая теория права, понимает специфический способ, при помощи которого государство на основе данной совокупности юридических норм обеспечивает нужное ему поведение людей.¹

Метод уголовно-правового регулирования заключается не только в том, что в соответствии с нормами уголовного права советский суд применяет уголовное наказание к лицам, совершившим преступления, но и в том, что нормы уголовного права обязывают граждан совершать определенные действия и воздерживаться от совершения других, предоставляя право суду применять предусмотренное уголовным законом наказание. В этом важная предупредительная функция уголовного права. Сам факт установления уголовно-правовой нормы является одним из методов охраны социалистических общественных отношений от преступных посягательств.²

Нельзя игнорировать то обстоятельство, что нормы советского уголовного права реализуются не только через правоотношение; они реализуются также в результате соблюдения гражданами требований норм права.³

Если же согласиться с тем, что предметом уголовно-правового регулирования являются общественные отношения, порожденные фактом совершения преступления, то наказание совершивших преступление лиц становится самоцелью, а с этим согласиться никак нельзя, о чем достаточно убедительно сказано в уголовно-правовой литературе.

1 См. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Госприздат, М., 1961, стр. 354.

2 См. Уголовное право, часть Общая. Из-во "Юридическая литература" М., 1966, стр. 19.

3 См. подробнее. М.Блум. Структура нормы уголовного права. В сборнике: "Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики". Ученые записки, Латвийского Госуд. Унив., том 93. Рига, 1968, стр. 65-112.

Б.С. Никифоров в ранее упомянутой работе показал, что регулирование поведения граждан правовыми средствами не самоцель и не конечная цель права, а только средство для закрепления определенных отношений, которым может быть причинен ущерб в случае совершения преступлений.¹

М.Д. Шаргородский, говоря о целях наказания в социалистическом уголовном праве, показал, что наказание не имеет цели кары, но даже исправление и перевоспитание правонарушителя — это не конечная цель наказания, а всего лишь средство ее достижения. Цель наказания в социалистическом обществе в конечном счете — это предупреждение совершения общественно опасных деяний (общее и специальное предупреждение).

Наказание достигает своих целей, когда оно содействует сокращению действий, угрожающих существованию и интересам общества.²

Полезно напомнить слова К.Маркса о том, что "наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушения условий его существования".³

Таким образом, законодатель, устанавливая, какие общественно опасные деяния являются преступлением и какое наказание может быть назначено лицам, совершившим преступление, и суд, применяя наказание к лицам, совершившим преступления, охраняют социалистические общественные отношения от преступных посягательств, закрепляют социалистические общественные отношения в интересах всего советского народа.

Достаточно четко вопрос о предмете и методе уголовно-правового регулирования решен в статье первой Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а так-

1 См. Никифоров Б.С. цитир. работа, стр. 10.

2 См. Шаргородский М.Д. Цели наказания в социалистическом уголовном праве и его эффективность. В сборнике статей: "Преступность и ее предупреждение", Изд-во Ленинградского университета, Л., 1971, стр. 104-113.

3 К.Маркс и Ф.Энгельс., Соч. т.8, стр. 531.

же в уголовных кодексах союзных республик, где сказано : "Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств.

Для осуществления этой задачи уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик определяет, какие общественно опасные деяния являются преступными, и устанавливает наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления".

Круг общественных отношений, охраняемых методом уголовного права, меняется, а сам метод остается неизменным.

5. Предмет и метод регулирования, характеризующие советское уголовное право в целом, характеризуют и каждый его институт, каждую его норму, поэтому и должны служить критерием для признания определенной совокупности уголовно-правовых норм институтом советского уголовного права.

Общая теория советского права под правовым институтом понимает определенную группу правовых норм, регулирующих однородные, связанные между собой в качестве самостоятельной подгруппы общественные отношения.¹

С.С.Алексеев подчеркивает, что правовые институты в пределах определенной отрасли права характеризуются юридической однородностью, ибо регулируют те или иные разновидности общественных отношений определенного вида и отличаются друг от друга своим фактическим содержанием.²

В то же время значимость правового института объясняется и тем, что правовые нормы функционируют только в пределах определенного института.

¹ См. Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 485; Теория государства и права. Изд-во "Юридическая литература", М., 1968, стр. 587.

² См. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Выпуск первый. Свердловск. 1963, стр. 213-214.

Таким образом, предмет правового регулирования является материальным критерием классификации не только отраслей права, но и институтов внутри каждой из отраслей. Как справедливо указывает С.С.Алексеев, "не сами по себе разновидности общественных отношений предопределяют внутриотраслевую дифференциацию правовых норм, и здесь в основе распределения институтов на отдельные группы лежат такие разновидности общественных отношений, регулирование которых связано с известными юридическими особенностями данной области правового регулирования".¹

Таким институтом, как нам представляется, и является правовой институт, устанавливающий пределы действия уголовно-правовых норм.

Однако природа этого правового института весьма сложна и своеобразна.

По своему значению и роли институт пределов действия советской уголовно-правовой нормы существенно отличается от всех прочих институтов общей части советского уголовного права, таких, как институт необходимой обороны, институт соучастия, институт прикосновенности, институт условного осуждения, институт давности, институт погашения и снятия судимости и другие институты.

Кроме свойственной институту права роли, институт пределов действия уголовно-правовой нормы выполняет еще одну самостоятельную функцию. Составляющие этот институт правовые нормы регулируют применение всех прочих уголовно-правовых норм, устанавливая известные границы их действия во времени и пространстве.

В связи с тем, что анализируемый нами институт регулирует применение уголовно-правовых норм, устанавливает пределы охраны социалистических общественных отношений методами

¹ Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. Госюриздат, М., 1961, стр. 21.

уголовного права, он в какой-то мере противопоставляется всем прочим институтам уголовного права, ставится над всеми прочими институтами уголовного права, а все прочие институты - в зависимое от него положение: стоит только внести изменение в нормы, составляющие институт пределов действия советской уголовно-правовой нормы, как это тут же сказывается на применении всех прочих уголовно-правовых норм и институтов.

Нам представляется, что совокупность норм, определяющих пределы действия уголовно-правовых норм во времени и пространстве, может быть названа правом применения норм советского уголовного права.

6. Этот вывод обязывает с большим вниманием отнестись к анализу указанной группы правовых норм, дает ключ к решению вопроса о месте анализируемых норм в уголовном законодательстве, в частности, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в уголовных кодексах союзных республик и к решению вопроса о систематизации этих норм. Этот вывод предполагает необходимость в дальнейшем развитии данного института с тем, чтобы наилучшим образом обеспечить выполнение советским уголовным правом своей задачи - охраны социалистических общественных отношений от преступных посягательств.

Иными словами, значимость рассматриваемого комплекса правовых норм диктует необходимость обеспечить должное его развитие и совершенствование, дальнейшее развитие самого права применения уголовно-правовых норм, поскольку от него в значительной мере зависит обеспечение правильного применения всех прочих уголовно-правовых норм.

В действующем праве применения уголовно-правовых норм имеются значительные пробелы.

Устанавливая пределы действия уголовно-правовых норм в пространстве, законодатель указал только на то, что "лица,

совершившие преступление на территории СССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления" (ст.4 Основ уголовного законодательства). Это же положение закреплено и получило дальнейшую конкретизацию в уголовных кодексах союзных республик. Так, например, в УК Латвийской ССР говорится, что "лица, совершившие преступление на территории Латвийской ССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим на территории Латвийской ССР.

Лица, совершившие преступления на территории других союзных республик, если они преданы суду на территории Латвийской ССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления". (ст. 4 УК Латвийской ССР).

В этих правовоположениях, во-первых, не решен вопрос о том, какие объекты вне пределов Союза ССР по вопросу уголовной юрисдикции приравниваются к территории Союза ССР и соответственно к территории союзной республики. Иными словами, не решен очень существенный и практически очень важный вопрос о возможности и условиях применения норм уголовного права (Союза ССР и союзных республик) к лицам, совершившим преступления на борту морских и воздушных судов вне пределов Союза ССР, на объектах, запущенных в космическое пространство или находящихся на одной из планет.¹

Во-вторых, отсутствует также определение места совершения преступления, что приводит к коллизиям при применении республиканского законодательства. В нашем государстве, на территории которого действуют пятнадцать уголовных кодексов, должны быть предусмотрены интерлокальные коллизионные нормы, которые устраняли бы возможные коллизии при применении уголовного законодательства союзных республик. Вопрос о месте совершения преступления должен быть решен в законодательстве.

I. Этот вопрос решен в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных социалистических государств, а также в законодательстве капиталистических государств.

Научное толкование статьи 4 Основ уголовного законодательства не может обеспечить правильное применение уголовных законов, не говоря уже о том, что в науке уголовного права нет единого мнения по этому вопросу: различное комментирование статьи 4 Основ приводит к еще большему разнообразию на практике.

Определение места совершения преступления должно обеспечить правильное и единообразное применение уголовно-правовых норм во всех случаях совершения дистанционного преступления (совершения преступления на расстоянии), когда не совпадают место совершения общественно опасного действия или бездействия и место наступления общественно опасных последствий; когда соучастники единого преступления участвовали в его совершении на территории различных республик; когда лицо своими общественно опасными действиями на территории одной республики стремилось к достижению общественно опасного результата на территории другой республики, но по независящим от воли виновного обстоятельствам преступление не было доведено до конца; когда было совершено продолжаемое или длящееся преступление на территории нескольких республик; когда на территории нескольких республик были совершены отдельные стадии оконченного преступления; когда на территории нескольких республик были совершены идентичные преступления и др. подобные нерешенные случаи применения уголовного закона в пространстве.

3 В-третьих, не регламентирован вопрос о времени совершения дистанционных преступлений, когда не совпадают время совершения определенного действия или бездействия и время наступления преступных последствий (этот вопрос особенно важен для исчисления сроков давности привлечения к ответственности); когда соучастники единого преступления участвовали в его совершении в различное время; когда лицо совершило преступное действие во время действия одного закона, а результат, не наступивший по причинам, не зависящим от воли ви-

новного, должен был наступить во время действия нового закона; когда продолжаемое или длящееся преступление совершалось в период действия различных уголовных законов; когда отдельные стадии оконченного преступления были совершены в период действия различных уголовных законов; когда в период действия различных уголовных законов были совершены повторные идентичные преступления и др.

В-четвертых, в законодательстве не регламентирован вопрос о том, какой закон должен быть признан смягчающим и таким образом имеющим обратную силу, если в сопоставляемых законах одновременно снижен минимальный предел наказания и повышен максимальный его предел или наоборот.

В-пятых, не установлены пределы обратимости более мягкого закона, т.е. не указано, распространяется ли закон, смягчающий наказание, только на лиц, в отношении которых приговор еще не вступил в законную силу, или также в отношении лиц, отбывающих уже наказание, или даже отбывших назначенное им наказание.

Все перечисленные нами вопросы касаются только применения уголовно-правовых норм, однако мы назвали далеко не все вопросы, нуждающиеся в законодательной регламентации. Отсутствие соответствующих правовых норм затрудняет применение норм советского уголовного права в пространстве, во времени и по лицам, приводит к разнобою в судебной практике, что не способствует укреплению социалистической законности.

Таким образом, приходим к выводу, что обеспечение единообразного применения норм советского уголовного права в борьбе с преступностью требует совершенствования самого права применения уголовно-правовых норм.

7. Перед законодателем стоит не только задача совершенствования и развития права применения уголовно-правовых норм в пространстве и во времени, но и приведение всех прочих норм уголовного права в соответствие с требованием права

применения уголовно-правовых норм. Устанавливая нормы уголовного права, предусматривающие преступность и наказуемость деяний, законодатель должен учесть требования действующего права применения уголовно-правовых норм и в этом аспекте оценивать пригодность той или иной нормы уголовного права для выполнения стоящей перед ней задачи.

Эти требования не всегда выполняются; иногда законодатель не учитывает в полной мере требований права применения уголовно-правовых норм и поэтому не предвидит те трудности, которые могут возникнуть или даже неизбежны в результате этого при применении данной уголовно-правовой нормы.

Так, например, устанавливая порядок назначения наказания при совершении нескольких преступлений, в статье 35 Основ уголовного законодательства не учтено требование ст. 4 этих же Основ. Законодатель определил порядок назначения наказания только для тех случаев, когда лицо признано виновным в совершении двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона. Если совершены два или более одинаковых преступлений на территории одной республики, то решение вопроса о квалификации преступлений бесспорно.¹

Однако законодатель не определил, как следует назначать наказание при совершении нескольких одинаковых преступлений на территории различных республик. Практика пошла по пути квалификации одинаковых преступлений, совершенных на территории различных республик, по уголовному законодательству всех этих республик с учетом повторности как квалифицирующего обстоятельства, что соответствует требованию ст. 4 Основ уголовного законодательства. Однако, наказание в этих случаях определяется по правилам, предусмотренным ст. 35 Основ уголовного законодательства и соответствующими статьями

¹ Некоторые авторы в этом случае усматривают наличие совокупности преступлений, с чем никак нельзя согласиться

уголовных кодексов союзных республик, хотя для применения этих статей нет никаких оснований.

В постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 года дается разъяснение судам о том, что хищения, совершенные лицом в различных союзных республиках, ни за одно из которых виновный не был осужден, квалифицируются по соответствующим статьям той союзной республики, где было совершено каждое из хищений, с учетом повторности этих деяний¹.

В постановлении не решается вопрос о порядке назначения наказания.

Решение может быть найдено таким образом, что законодателем будет предусмотрен специальный порядок назначения наказания за одинаковые преступления, совершенные на территории различных республик. Для этих случаев наиболее правильным было бы установить обязательное поглощение менее строгого наказания более строгим.

Без учета требований ст. 4 Основ уголовного законодательства определена ответственность за хищение государственного или общественного имущества в крупных и особо крупных размерах.

Нельзя признать оправданной существующую практику квалификации хищения государственного или общественного имущества, совершенного на территории нескольких республик и образующего в общей сложности особо крупные размеры, как повторно совершенное хищение в крупных размерах только потому, что ни в одной отдельно взятой союзной республике хищение не составило особо крупных размеров.

Такое решение было принято по делу Сигунова, Ломакина, Леонова и др., которые совершали кражи денег и товаров из магазинов на территории РСФСР, Украинской ССР и Молдавской ССР. Московский областной суд, рассмотрев это дело, признал,

¹ См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972 г., № 4, стр. 12.

что кражи, совершенные на территории каждой союзной республики образуют самостоятельный состав преступления, а поэтому отказался признать в действиях обвиняемых хищение в особо крупном размере.¹

Создание привилегированного положения для расхитителей государственного или общественного имущества в связи с тем, что они совершали хищения в особо крупных размерах на территории нескольких республик, не способствует интересам борьбы с наиболее опасными случаями хищения социалистического имущества.

Поэтому следует полностью согласиться с толкованием уголовного закона, которое дано в этом плане Пленумом Верховного Суда Союза ССР от 11 июля 1972 года, признавшего, что совершение нескольких хищений любым способом на территории нескольких республик, если эти хищения в общей сложности составляют особо крупные размеры, следует рассматривать как совершенное в особо крупных размерах в любом случае без учета того, на какую сумму похищено в каждой из этих республик. В этих случаях содеянное следует квалифицировать по закону той союзной республики, где совершено последнее хищение.²

С таким толкованием можно согласиться по существу. Однако, поскольку такое толкование закона непосредственно не вытекает из текста статьи 4 Основ уголовного законодательства, мы полагаем, что в данном случае желательно было бы, чтобы в таком же плане было дано легальное толкование ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 5 июля 1961 года "Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями"³ Президиумом Верховного Совета Союза ССР, потому что с позиций требования ст. 4 Основ уголовного законодательства только общесоюзному закону, а не закону союзных республик, может быть дано такое толкование.

1 См. Социалистическая законность 1971 г., стр. 51., № 7.

2 Бюллетень Верховного Суда Союза ССР, 1972 г., № 4, стр. 12.

3 См. Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1961.

Теоретически неоправданным должно быть признано предложение отдельных авторов рассматривать указанные случаи в качестве единого продолжаемого преступления, ибо это существенным образом исказило бы само понятие продолжаемого преступления.¹

По вопросу квалификации хищений, совершенных на территории нескольких республик и причинивших в общей сложности крупный ущерб, Пленум Верховного Суда Союза ССР дал иное разъяснение, чем в случае хищения в особо крупных размерах, а именно: только единое продолжаемое хищение, совершенное на территории нескольких республик и в общей сложности составляющее крупное хищение, может быть рассмотрено как единое хищение в крупном размере и его надлежит квалифицировать по закону той союзной республики, в которой преступная деятельность закончилась или была пресечена; во всех прочих случаях хищения, совершенные лицом в различных союзных республиках, хотя в общей сложности и составляют хищение в крупных размерах, должны быть квалифицированы по соответствующим статьям уголовных кодексов тех союзных республик, где было совершено каждое из хищений.²

Иное толкование Пленум Верховного Суда Союза ССР не мог дать, не выходя за пределы своих полномочий, ибо только такое толкование соответствует требованиям права применения уголовно-правовых норм.

Однако нам представляется, что в соответствии с требованиями ст. 4 Основ уголовного законодательства следовало бы в статьи уголовных кодексов союзных республик, определяющих понятие повторности (ч.3 ст. 85 и ч.3 ст. 139 УК Латвийской ССР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик), внести дополнение, указав, что повторными признаются перечисленные в статье преступления, совершенные лицом на территории любой из союзных республик.

¹ См. Социалистическая законность, 1971, № 7, стр. 52.

² См. Бюллетень Верховного Суда Союза ССР, 1972, № 4, стр. 12.

Законодательная и правоприменительная деятельность в области уголовного права должны осуществляться в строгом соответствии с требованиями права применения уголовно-правовых норм.

8. Требования права применения уголовно-правовых норм должны быть учтены также и при установлении уголовно-процессуальных норм, непосредственно связанных с нормами уголовного права.

Так, например, без учета права применения советских уголовно-правовых норм сформулирован пункт 9 ст. 5 УПК Латвийской ССР и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

В этом пункте говорится, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению в отношении лица, в котором имеется вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению, т.е. в соответствии с этим правилом (*non bis in idem*) исключается возможность вторичного привлечения лица к уголовной ответственности по одному и тому же обвинению.

В то же время уголовно-правовая норма, содержащаяся в ст. 5 Основ уголовного законодательства, обязывает привлекать к уголовной ответственности граждан Союза ССР и находящихся в Союзе ССР лиц без гражданства за преступления, совершенные за пределами Союза ССР, в отношении которых имеется вступивший в силу приговор и даже которые понесли наказание за границей. Из этого следует, что пункт 9 ст. 5 УПК Латвийской ССР должен быть согласован со ст. 5 УК Латвийской ССР; в нем должно быть указано, что речь идет только о приговоре, вынесенном и вступившем в законную силу на территории Союза ССР.¹

¹ Мы полагаем, что назрела необходимость обсудить вопрос о распространении положения "*non bis in idem*" и на приговоры, вынесенные на территории других социалистических государств.

9. Анализируемый нами институт пределов действия советского уголовного права, обозначенный нами как право применения уголовно-правовых норм во времени и в пространстве, обладает еще одной особенностью, дающей нам основание причислить его к категории комплексных правовых институтов, ибо, по нашему мнению, он сочетает в себе элементы методов правового регулирования уголовного права и уголовного процесса.

В теории права под комплексным (смешанным) правовым институтом понимается составная часть данной отрасли права, которая содержит в себе отдельные элементы метода правового регулирования иной отрасли права.

С.С.Алексеев характеризует этот институт следующим образом: "Это - институт права, ибо данная совокупность норм является неотъемлемой частью определенной отрасли права. И вместе с тем это - КОМПЛЕКСНЫЙ институт, ибо в его состав входят элементы метода, характерные для другой отрасли. Таким образом, правовое содержание комплексного института в целом однородно и монолитно."¹

Так, например, норма, содержащаяся в ч. I и ч. II ст. 5 Основ уголовного законодательства, применение уголовно-правовых норм ставит в зависимость от применения норм уголовно-процессуального права.

В данной статье устанавливается, что: "Граждане СССР, совершившие преступления за границей, подлежат уголовной ответственности по уголовным законам, действующим в союзной республике, на территории которой они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду.

На тех же основаниях несут ответственность находящиеся в СССР лица без гражданства, совершившие преступления за пределами СССР".

Аналогичным образом решен вопрос об ответственности иностранцев за преступления, совершенные вне пределов СССР, которые

¹ Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права, Госсприздат, М., 1961, стр. 83.

в соответствии с международными соглашениями подлежат ответственности по советским законам. Хотя в ч. IV ст. 5 Основ уголовного законодательства это непосредственно и не записано, только такое толкование вытекает из контекста данной статьи.

Применение уголовно-правовых норм во времени также зависит от применения норм уголовно-процессуального права — от времени рассмотрения уголовного дела в суде, ибо сопоставляются по строгости законы времени совершения преступления с законами времени рассмотрения дела в суде.¹

В данном случае речь идет о сочетании правовых норм в пределах объективно существующей системы права, а не о результате систематизации правового материала.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть значение института пределов действия советского уголовного закона для правильного применения норм уголовно-процессуального права. В известной мере институт пределов действия советского уголовного права регламентирует даже применение уголовно-процессуальных норм.

Так, вопрос о месте производства дознания и предварительного следствия, как и вопрос о территориальной подсудности уголовных дел, т.е. вопросы, непосредственно связанные с применением уголовно-процессуальных норм, решаются главным образом в зависимости от места совершения преступления. Соответствующие нормы содержатся в уголовно-процессуальных кодексах всех союзных республик (ст. ст. 34, 119 и 129 УПК Латвийской ССР и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик).

Решение вопроса об обстоятельствах, исключających производство по уголовному делу, в некоторых случаях зависит от соответствующей уголовно-правовой регламентации. Так, в уголовно-процессуальном законодательстве установлено, что уго-

¹ См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 2, стр. 30

ловное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению за истечением сроков давности, а также в отношении лица, не достигшего к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, по достижении которого возможна уголовная ответственность (пункт 3 и пункт 5 статьи 5 УПК Латвийской ССР и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик). Однако сроки давности установлены уголовно-правовыми нормами и находятся в зависимости от регламентации вопроса о том, что считать временем совершения преступления (в ст. 45 УП Латвийской ССР говорится о дне совершения преступления, в пункте 6 статьи 5 о моменте совершения преступления), а этот вопрос решается и должен решаться нормами, составляющими институт пределов действия уголовно-правовых норм.

10. Институт пределов действия уголовно-правовых норм или право применения уголовно-правовых норм во времени и пространстве имеет свою внутреннюю систему. Составляющие этот институт правовые нормы можно разбить на группы в зависимости от того, какого характера границы они устанавливают для применения уголовно-правовых норм.

В литературе по общей теории права и теории уголовного права на этот счет существуют различные мнения. Некоторые авторы признают существование трехчленной системы этих норм¹, другие - только двухчленной².

¹ См. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Госюриздат, 1960, стр. 281-323; Денисов А.И. Теория государства и права. Юридическое изд-во Мин. юст. СССР, 1948, стр. 482-484; Теория государства и права. Изд-во "Юридическая литература", М., 1968, стр. 477-483; Основы теории государства и права. Госюриздат, 1960, стр. 303-308; Основы теории государства и права, Госюриздат, М., 1963, стр. 403-408.

² См. Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 416-419;

К последней группе относится большинство криминалистов¹. Отдельные ученые полагают, что провести грань между нормами, определяющими действие уголовно-правовых норм в пространстве и по лицам, невозможно.²

Мы приходим к выводу, что анализируемый нами институт имеет трехчленную систему и она четко отражена в действующем уголовном законодательстве - в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в уголовных кодексах союзных республик. В этой системе правовых норм следует выделить: 1) нормы, регламентирующие пределы действия советских уголовно-правовых норм в пространстве; 2) нормы, регламентирующие пределы действия советских уголовно-правовых норм по лицам и 3) нормы, регламентирующие пределы действия советских уголовно-правовых норм во времени.

Действующее уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик очень удачно отражает существующую систему института пределов действия советских уголовно-правовых норм и специфику всех трех групп правовых норм.

Статья 4 Основ уголовного законодательства и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик содержат уголовно-правовые нормы, устанавливающие пределы действия уголовного закона в пространстве, т.е. закрепляют территориальный принцип действия уголовного закона. Название этих статей - "Действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в отношении деяний, совершенных на территории СССР" или в союзной республике - "Действие уголовных законов в отношении деяний, совершенных на территории Латвийской ССР и

¹ Советское уголовное право, Госиздат, М., 1962, стр. 42-56; Уголовное право, Часть общая, Изд-во "Юридическая литература", М., 1966, стр. 65-75; Уголовное право, часть общая, Изд-во "Юридическая литература", М., 1969, стр. 37-54; Советское уголовное право, Общая часть, Изд-во Московского университета, М., 1969, стр. 48-60; Советское уголовное право, Часть общая, "Юридическая литература", М., 1972, стр. 38-46.

² См. Теория государства и права, Изд-во Московского Университета, М., 1967, стр. 307.

на территории других союзных республик" - отражает тот неоспоримый факт, что в пределах территориальных границ Союза ССР и соответственно территориальных границ союзной республики безраздельно действует уголовный закон Союза ССР или данной союзной республики и применяется ко всем без исключения деяниям, не взирая на совершивших эти деяния лиц. Таким образом, любое лицо, могущее быть субъектом преступления, отвечает по соответствующим советским уголовным законам, если только установлено, что преступление совершено в пределах Союза ССР и соответственно в пределах территории определенной союзной республики.

Мы не согласны с высказанным в литературе¹ мнением, что имеется изъятие из этого положения, что якобы к лицам, пользующимся дипломатическим иммунитетом, не применимы законы места совершения преступления.

Эти лица не подсудны по уголовным делам советским судебным органам, но, как правильно указал Н.Д. Дурманов, дипломатический иммунитет отнюдь не исключает преступности и наказуемости деяний, которые совершают лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, а исключает только возможность привлечения их к уголовной ответственности, рассмотрения уголовного дела советским судом и осуждения виновного без согласия аккредитовавшего государства.²

Если имеет место ясно выраженное согласие аккредитовавшего государства на осуществление уголовной юрисдикции Союзом ССР в отношении лица, пользовавшегося дипломатичес-

¹ См. Уголовное право. Часть общая. Изд-во "Юридическая литература", М., 1966, стр. 68; Уголовное право, Часть общая. "Юридическая литература", М., 1969, стр. 49; Советское уголовное право, Часть общая "Юридическая литература", М., 1972, стр. 40.

² См. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. Изд-во Московского Университета, М., 1967, стр. 233.

ким иммунитетом¹, то будут применены уголовные законы той союзной республики, на территории которой совершено преступление.

Из указанных статей советского уголовного законодательства следует также, что на территории Союза ССР иностранное уголовное законодательство не применяется. Таким образом у территориального принципа действия уголовного закона нет исключений в праве применения уголовно-правовых норм.

В этом проявляется государственный суверенитет. В этом проявляется и глубокое уважение к территориальному суверенитету других государств, ибо советское законодательство действие своих уголовных законов не распространяет на территорию других государств.²

Статья 5 Основ уголовного законодательства и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик объединяют все уголовно-правовые нормы, устанавливающие пределы действия советского уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступные деяния вне пределов Союза ССР.

Применение советских уголовно-правовых норм в этом случае зависит от государственно-правового статуса субъектов преступления, от того, являются ли они гражданами Союза ССР, лицами без гражданства или иностранцами.

Название статьи Основ уголовного законодательства и уголовных кодексов союзных республик - "Действие уголовных законов Союза ССР и союзных республик в отношении деяний, совершенных за пределами СССР" или соответственно в уголовных кодексах союзной республики - "Действие уголовных законов Союза ССР и Латвийской ССР в отношении деяний, совершенных за

¹ См. ст. 13 Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик от 23 мая 1966 г., (Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1966, № 22, стр. 387) и ст. 32 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. (Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1964 г., № 18, стр. 221).

² Исключения устанавливаются только нормами международного права.

пределами СССР" - недостаточно отражает содержание этих уголовно-правовых норм, устанавливающих пределы применения советского уголовного закона в зависимости от гражданства совершивших преступления лиц.

В этих статьях уголовного законодательства закреплены принцип гражданства и универсальный принцип: первый отражает обязанность граждан соблюдать законы своего Отечества и вне его пределов; второй - международную солидарность государств в борьбе с определенными категориями преступлений, представляющих опасность для государств с различным общественным и государственным строем.

Уголовные кодексы некоторых Европейских социалистических государств отразили действие уголовно-правовых норм по лицам в самом названии соответствующего параграфа или раздела.

Так, например, § 80 УК ГДР назван "Действие уголовного закона в пространстве и в отношении лиц"¹. В УК Венгерской Народной Республики соответствующая группа статей названа "Территориальное и персональное действие уголовного закона"².

Несмотря на весьма определенную позицию советского законодательства по вопросу действия советского уголовного закона по лицам, в теории советского уголовного права иногда ставится под сомнение необходимость выделения в самостоятельную группу норм о действии уголовно-правовых норм по лицам, полагая, что эти нормы должны быть отнесены к нормам, определяющим действие уголовно-правовой нормы в пространстве, а в большинстве случаев этому вопросу вообще не уделяется должное внимание.

1 См. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. Изд-во "Юридическая литература", М., 1972, стр. 71.

2 См. Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики. Изд-во Корвина, Будапешт, 1963 г., стр. 35-36.

Для применения советских уголовно-правовых норм за совершенные за пределами Союза ССР преступления не имеет значения, преступно и наказуемо ли это деяние по месту совершения преступления; не учитывается и строгость наказания, предусмотренного уголовным законодательством места совершения преступления.

В статье 6 Основ уголовного законодательства и соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик содержатся уголовно-правовые нормы, регламентирующие действие советских уголовных законов во времени, что отражено и в названии этих статей. В них отражены принципы законности и гуманизма в применении уголовно-правовых норм.

II. Выше мы показали, что нормы советского уголовного права, определяющие пределы действия уголовно-правовых норм, в целом отражены в советском уголовном законодательстве. Однако некоторые уголовно-правовые нормы, определяющие пределы действия норм уголовного права, содержатся не в уголовном законодательстве, а в других законодательных актах, в то же время в уголовном законодательстве, предусматривающем определение пределов действия уголовно-правовых норм, содержатся уголовно-процессуальные нормы.

Так, уголовно-правовая норма, определяющая понятие места совершения преступления, содержится в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Вопрос о месте совершения преступления решается в ст. 4 УПК РСФСР, а в статье 34 УПК Латв.ССР и в ст. 203 УПК Узбекской ССР установлено не только то, что следует понимать под местом совершения преступления, но указано и на то, какую территорию следует считать местом совершения преступления для продолжаемых и длящихся преступлений.

Эта норма является уголовно-правовой и ее место в УК союзной республики.

Правовая норма, относящаяся к институту пределов действия уголовно-правовой нормы, к праву применения уголовно-правовых норм во времени и пространстве, содержится также в Кодексе Торгового мореплавания Союза ССР. Из ст. 58 данного кодекса следует, что к преступлениям, совершенным на судне, находящемся в плавании, применяются уголовные законы той республики, на территории которой расположен порт приписки.¹

В то же время в ч.3 ст. 4 Основ уголовного законодательства решается вопрос об изъятии из уголовной юрисдикции советских судебных учреждений дел о преступлениях, совершенных дипломатическими представителями иностранных государств. Эта норма является уголовно-процессуальной.

Сущность этих норм не изменилась от того, что по воле законодателя они включены в уголовный кодекс или уголовно-процессуальный кодекс союзной республики, или даже в Кодекс торгового мореплавания Союза ССР или в другие законодательные акты.

В работах по общей теории права, посвященных проблемам системы советского права и системе законодательства, подчеркивается, что хотя между системой права и системой законодательства нет и не может быть полного разрыва, ибо система права является объективной основой для системы законодательства, все же система законодательства зависит не только от содержания права, но и от прямого усмотрения законодателя, поэтому система законодательства отличается от системы права.²

В отличие от системы права, складывающейся на основе строго классификационных признаков, обусловленных характером подлежащих регулированию общественных отношений, систематика законодательства, хотя и проводится с учетом объективных качеств общественных отношений, все же может иметь в значитель-

¹ См. Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1968, № 39, стр. 351, стр. 627.

² См. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963, стр. 233-234.

ной мере субъективный характер.¹

В этой связи наука советского уголовного права должна способствовать совершенствованию уголовного законодательства с тем, чтобы максимально приблизить систему советского уголовного законодательства к системе уголовного права.

12. Известный интерес представляет также вопрос о месте уголовных законов, содержащих правовые нормы, регулирующие применение уголовно-правовых норм во времени, в пространстве и по лицам, в советском уголовном законодательстве, а также вопрос о месте учения о пределах действия советского уголовного закона в курсе советского уголовного права.

Как известно, в действующем уголовном законодательстве, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в уголовных кодексах большинства союзных республик - правовые нормы о пределах действия советской уголовно-правовой нормы помещены в первом разделе (главе), которая названа "Общие положения". В этом разделе (главе), кроме упомянутых норм, сосредоточены основополагающие уголовно-правовые нормы, определяющие задачи советского уголовного законодательства и основание уголовной ответственности.

Мы полагаем, что законодатель Союза ССР правильно поступил, предусмотрев нормы, определяющие пределы действия советской уголовно-правовой нормы, вслед за прочими основополагающими нормами. Отнесение уголовно-правовых норм о пределах действия советского уголовного закона к данному разделу возводит их в "ранг" основополагающих норм, против чего нет оснований возражать. По своей значимости и месту в системе уголовного права они безусловно такими являются.

Однако они отличаются от всех прочих основополагающих норм, которые утверждают определенные принципы советского уголовного права, своей специфической ролью, дающей основание,

¹ См. также Законодательная техника. Изд-во Ленинградского университета. Л., 1965; Теоретические вопросы систематизации законодательства. Госюриздат, М., 1961; Общая теория советского права, Изд-во "Юридическая литература", М., 1966.

как мы уже показали, выделить их в особую группу, которую мы называли правом применения уголовно-правовых норм.

Поэтому следует признать правильным позицию уголовных кодексов некоторых союзных республик - УК РСФСР, УК УССР, УК Грузинской ССР и УК Таджикской ССР, которые выделили уголовно-правовые нормы, определяющие пределы действия советских уголовных законов, в самостоятельную главу. Мы полагаем, однако, что более правильным было бы предусмотреть самостоятельный раздел в самих Основах уголовного законодательства, как это было до 1958 года в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года.

Кроме того, следует отметить неточность названия этой главы в уголовных кодексах союзных республик. Она названа "Пределы действия уголовного кодекса", хотя более точно было бы назвать главу: "Пределы действия уголовного закона".

Содержащиеся в этой главе уголовно-правовые нормы определяют не только пределы действия уголовного кодекса данной республики, а вообще пределы действия всех советских уголовных законов, как общесоюзных, так и республиканских, еще не включенных в уголовные кодексы союзных республик, но действующих на территории данной республики.

Так, например, во всех союзных республиках приняты Указы Президиума Верховного Совета Союзной республики "О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма", которые содержат ряд уголовно-правовых норм.

Эти указы вступили в силу в союзных республиках, однако еще не включены в уголовные кодексы союзных республик. На применение этих Указов тоже распространяются правовые нормы о пределах действия советских уголовно-правовых норм.

Кроме того, в статье 6 Основ уголовного законодательства, определяющей действие уголовного закона во времени, вообще не идет речь о действии во времени только норм уголовного кодекса данной республики.

Большинство уголовных кодексов Европейских социалистических государств выделяет нормы, определяющие пределы действия уголовно-правовых норм, в самостоятельные главы.

Так, новый УК Германской Демократической Республики предусмотрел самостоятельную главу - "Сфера действия уголовных законов и давность уголовного преследования" и в этой главе в самостоятельный раздел выделил главу "Сфера действия уголовных законов Германской Демократической Республики".¹

Уголовный Кодекс Народной Республики Болгарии также предусмотрел специальную главу - "Задачи и пределы действия Уголовного кодекса", которая содержит два самостоятельных раздела: 1. Задачи Уголовного кодекса и 2. Пределы действия Уголовного кодекса.²

В самостоятельной главе этот комплекс правовых норм содержится в УК Венгерской Народной Республики³ и в УК Чехословацкой Социалистической Республики⁴ и в УК Федеративной Народной Республики Югославии⁵, озаглавивших данную главу "Действие уголовного закона".

1 См. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики, Изд-во "Юридическая литература", М., 1972, стр. 71-72.

2 См. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии, Изд-во "Юридическая литература", М., 1970, стр. 14-15.

3 См. Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики, Изд-во Корвина, Будапешт, 1963, стр. 35-36.

4 См. Бюллетень Чехословацкого права, издаваемый объединением чехословацких юристов, 1962, № 1-2, стр. 76-78.

5 См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств, Федеративная Народная Республика Югославия, Госюриздат, М., 1957, стр. 19-20.

В УК Румынской Социалистической Республики соответствующий самостоятельный раздел назван "Применение уголовного закона".¹

В Уголовных кодексах большинства Европейских социалистических государств статьи о пределах действия уголовных законов помещены в первой главе Общей части сразу за статьей, определяющей задачи уголовного кодекса², или, во всяком случае, этой группе статей отведена одна из первых глав (или разделов) Общей части наряду с прочими основополагающими нормами.

В уголовном кодексе Польской Народной Республики 1969 года статьи о пределах действия Уголовного закона отнесены к первой главе Общей части, озаглавленной "Принципы уголовной ответственности"³.

Однако не все уголовные кодексы Европейских социалистических государств нормы, определяющие пределы действия уголовного закона, поместили вслед за нормами, устанавливающими задачи уголовного законодательства и принципы уголовного законодательства.

Так, в УК Народной Республики Югославии глава "Действие уголовного закона" помещена в конце Общей части.⁴

1 См. Уголовное законодательство зарубежных Социалистических государств. Румынская Народная Республика. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями, внесенными до 1 января 1963 г., Госприздат, М., 1962, стр. 8.

2 См. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. Изд.-во "Юридическая литература", М., 1972, стр. 14; Уголовный кодекс Румынской Народной Республики, Госприздат, М., 1962, Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики, Изд.-во Корвина, Будапешт, 1963, стр. 36.

3 См. Современное Польское право. Изд.-во Польской Академии Наук, 1971, № 15, стр. 76.

4 См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Федеративная Народная Республика Югославия, Госприздат, М., 1957, стр. 19-20.

Также в УК ГДР главе, содержащей раздел - "Сфера действия уголовных законов Германской Демократической Республики" отведена пятая, последняя глава Общей части, однако в первой главе, озаглавленной "Принципы социалистического уголовного права Германской Демократической республики", помещена специальная статья "Принципы действия уголовных законов" (ст. 8).¹

Мы полагаем, что институт пределов действия уголовного закона должен быть помещен в уголовных кодексах республик непосредственно после главы (раздела) "Общие положения", в которых определены задачи и принципы советского уголовного права, соответственным образом выделив и озаглавив этот институт, отразив таким образом его значимость и основополагающий характер содержащихся в нем норм.

13. Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о месте учения о пределах действия советского уголовного закона в курсе советского уголовного права.

Большинство авторов учебников и учебных пособий по советскому уголовному праву, как и более обширных курсов по общей части советского уголовного права, рассматривают вопросы пределов действия советского уголовного закона в разделе (главе), посвященном учению о советском уголовном законе. Этот раздел чаще всего расположен вслед за введением в курс Советского уголовного права² или вслед за разделами, озаглавленными "Общие положения"³, т.е. после рассмотрения

1 См. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. Изд-во "Юридическая литература", М., 1972, стр. 39.

2 См. Советское уголовное право. Часть общая. Госюриздат, М., 1962; Советское уголовное право. Часть общая. Изд-во "Юридическая литература", М., 1964; Курс советского уголовного права. Часть общая. т. 1. Изд-во Ленинградского университета, Л., 1968; Уголовное право. Часть Общая. Изд-во "Юридическая литература" М., 1969; Советское уголовное право. Общая часть, Изд-во Московского университета, М., 1969; Советское уголовное право. Часть общая, Изд-во "Юридическая литература", М., 1972.

3 См. Уголовное право. Часть общая. Изд-во "Юридическая литература", М., 1966.

понятия советского уголовного права, его задач, предмета и метода, его принципов и системы.

Это следует признать правильным по существу и соответствующим системе советского уголовного законодательства.¹

Излагая вопросы пределов действия советского уголовного закона в разделе "Учение о советском уголовном законе", одна часть авторов учебников и учебных курсов выделяет эти вопросы в самостоятельную главу, хотя и не всегда соответственно озаглавив ее.²

Такая же позиция занята в отдельных монографиях, посвященных учению об уголовном законе.³

Другая часть авторов учебников и учебных курсов вообще не выделяет пределы действия советского уголовного закона в особую главу, не анализирует совокупность уголовно-правовых норм о действии уголовных законов во времени, в пространстве и по лицам в их диалектическом единстве в качестве самостоятельного института советского уголовного права.

Эти авторы посвящают по отдельному параграфу действию советского уголовного закона во времени и действию советского уголовного закона в пространстве, не связывая рассматри-

1 В учебных курсах тридцатых, сороковых и даже пятидесятых годов раздел "Уголовный закон" помещался в качестве третьего раздела после разделов, посвященных предмету науки уголовного права и истории развития Советского уголовного права. (см. Уголовное право, Общая часть. Юрид. изд-во НКЮ СССР, М., 1939; А.А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, Изд-во РИО ВЮА М., 1948; В.Д. Меньшарин, З.А. Вышинская, Советское уголовное право, Госюриздат М., 1950, стр. 3-68.

2 Советское уголовное право. Часть общая, Госюриздат М., 1962, стр. 42-55; также Советское уголовное право. Общая часть. Изд-во МГУ, 1969., стр. 48-60.

3 Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. Изд-во "Юридическая литература", М., 1967, стр. 128-157.

ваемые вопросы между собой и не отражая того неоспоримого факта, что речь идет о различных аспектах одной проблемы.

Поскольку все остальные вопросы учения о советском уголовном законе данными авторами также выделены в отдельные параграфы, в их работах не отражается особая значимость института пределов действия уголовного закона, составляющего по существу право применения советского уголовного закона.¹

Таким образом, вся проблема права применения уголовно-правовых норм выпадает из поля зрения данных исследователей.

Эта недооценка сущности и значения целого института привела к тому, что рассмотрению вопросов о действии уголовного закона во времени и пространстве незаслуженно уделяется все меньшее внимание в учебной литературе.²

Наиболее серьезному анализу подвергалось изучение вопросов действия советского уголовного закона во времени и пространстве в монографии Н.Д.Дурманова.³

Однако Н.Д.Дурманова можно упрекнуть в некоторой непоследовательности. Как автор соответствующего раздела учебников по Общей части советского уголовного права, он выделяет в самостоятельную главу "Пределы действия советского уголовного закона", * в то же время в монографии, специально посвя-

1 Советское уголовное право. Часть Общая. Изд-во "Юридическая литература", М., 1964, стр. 33-38; Уголовное право. Часть Общая, Изд-во "Юридическая литература", М., 1969, стр. 37-55; Советское уголовное право, Часть Общая. Изд-во "Юридическая литература", М., 1972, стр. 38-45.

2 См. Советское уголовное право, Часть Общая, Изд-во "Юридическая литература", М., 1972, стр. 38-46.

3 См. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. Изд-во Московского Университета, М., 1967, стр. 195-284.

4 См. Советское уголовное деправо. Общая часть. Изд-во МГУ, М., 1969.

щенной советскому уголовному закону, отказывается не только от аналогичной главы, но и от самого понятия пределов действия уголовного закона.

Мы полагаем, что как монографическая, так и учебная литература призваны должным образом отражать существо и значение института пределов действия советского уголовного закона.

Мы считаем целесообразным в самом заглавии раздела, посвященного советскому уголовному закону, отразить значение этого института и его особое место в учении о советском уголовном законе. Поэтому полагаем, что раздел, посвященный советскому уголовному закону, должен быть озаглавлен: "Учение о советском уголовном законе и пределах его действия".

В этом разделе должны быть рассмотрены сначала все общие вопросы учения о советском уголовном законе, включая и вопросы толкования советских уголовных законов, а затем должен быть рассмотрен институт пределов действия советского уголовного закона.

Мы считаем, кроме того, неоправданным и безмотивным отказ учебной и монографической литературы от рассмотрения вопросов действия советского уголовного закона по лицам.

Поэтому предлагаем, после рассмотрения общих вопросов института пределов действия уголовного закона рассмотреть отдельно специальные вопросы действия советского уголовного закона во времени, в пространстве и по лицам.

Такое рассмотрение проблемы должно способствовать совершенствованию института пределов действия советского уголовного закона и оказать значительную помощь судебно-следственной практике.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УГОН СРЕДСТВ МЕХАНИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

В уголовном кодексе Латвийской ССР, в уголовных кодексах некоторых других союзных республик уже с момента их принятия была включена норма об уголовной ответственности за совершение угона средств механического транспорта. В тех союзных республиках, уголовные кодексы которых не имеют такой статьи, виновные в совершении данного преступления привлекались к уголовной ответственности в зависимости от мотивов, цели и последствий угона за хулиганство или самоуправство. Отсутствие состава угона в уголовном законодательстве ряда союзных республик зачастую приводило к необоснованной квалификации и к нарушению статей 3 и 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, граничило с возвратом к аналогии. Понятие хулиганства и самоуправства толковалось чрезмерно широко, так как угон средств механического транспорта может существенно отличаться как от одного, так и от другого из этих преступлений при наличии некоторых общих черт в их составах.

В настоящее время в уголовном законодательстве всех союзных республик имеется специальная норма, в которой угон средств механического транспорта выделен в самостоятельный состав преступления, однако имеются существенные различия в оценке данного преступления, различно также определены признаки основного состава преступления и квалифицирующие обстоятельства.

Статья, предусматривающая ответственность за угон средств механического транспорта, законодателем союзных республик помещена в различные главы оговоренной части уголовных кодексов.

Так, уголовные кодексы Армянской ССР / ст. 180/, Молдавской ССР / ст. 182/, Казахской ССР / ст. 221/ отнесли данное преступление к главе "Транспортные преступления". Норма об уголовной ответственности за угон средств механического транспорта в уголовных кодексах РСФСР / ст. 212¹ /, Белорусской ССР / ст. 207² /, Грузинской ССР / ст. 243/, Украинской ССР / ст. 215³ /, Таджикской ССР / ст. 227/, Азербайджанской ССР / ст. 213/, Эстонской ССР / ст. 197/, Литовской ССР / ст. 250/ и Туркменской ССР / ст. 243/ предусмотрена в главе "Преступления против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения".

Уголовный кодекс Узбекской ССР / ст. 209² / отнес угон средств механического транспорта к главе "Преступления против общественного порядка".

В уголовных кодексах Латвийской ССР / ст. 197/ и Киргизской ССР / ст. 208/ данное преступление предусмотрено в главе "Преступления против порядка управления".

На наш взгляд, при решении вопроса о месте нормы об ответственности за угон средств механического транспорта в особенной части уголовного кодекса, следует исходить из объекта данного преступления и поэтому наиболее правильным представляется отнесение угона к главе "Преступления против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения", как это сделано в уголовных кодексах большинства союзных республик.

При выделении же норм о преступлениях, связанных с движением транспорта в отдельную главу "Транспортные преступления" родовый объект подменяется одним из возможных объектов преступного посягательства и считаем, что такое выделение недостаточно обосновано, ибо принципы разделения на отдельные главы по видам преступлений требуют учета тех интересов, которым причиняется наиболее существенный вред.

Отнесение угона средств механического транспорта к главе "Преступления против порядка управления" также лишено основания, так как родовым объектом преступлений, предусмотренных данной главой, является правильная деятельность государственного аппарата, органов власти и органов государственного управления, а также правильная деятельность лиц и общественных работников, все это охватывается единым понятием "порядок управления".¹ Представляется, что угон средств механического транспорта не может посягать на порядок управления и своим объектом имеет общественный порядок и общественную безопасность. Правила, существующие на транспорте, призваны охранять порядок движения и пользования транспортом, а также общественную безопасность. Нарушение этих правил зачастую связано с нарушением безопасности движения транспорта, но последнее наносит ущерб и угрожает в конечном счете все-таки интересам общественного порядка и общественной безопасности. Лица, совершающие угон, в большинстве случаев не имеют прав на управление автотранспортными средствами и навыков по управлению, что может привести к нарушению безопасности движения, а это в свою очередь существенно нарушает интересы общественного порядка и общественной безопасности.

При сопоставительном анализе норм, предусматривающих ответственность за угон средств механического транспорта приходим к выводу, что только в двух уголовных кодексах /УК РСФСР и УК Белорусской ССР/ эти статьи текстуально совпадают. Редакция аналогичных статей в уголовных кодексах других союзных республик существенно отличается.

Так, в уголовных кодексах Киргизской ССР /ст. 208/ и Казахской ССР/ст. 211/ законодателем подчеркивается самовольный характер данного деяния, в уголовном кодексе

¹ См. Советское уголовное право. Особенная часть. Издательство МГУ, Москва, 1971, стр. 334-335.

Латвийской ССР подчеркнута незаконность угона средств механического транспорта. По нашему мнению, выделение указанных признаков является необоснованным, так как само понятие "угона" предполагает самовольное и незаконное действие.¹

Различно трактуют уголовные кодексы также и цель угона. Уголовные кодексы РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Белорусской ССР, Туркменской ССР и Киргизской ССР подчеркивают отсутствие признаков хищения или говорят об угона без цели хищения.

В уголовных кодексах Таджикской ССР, Грузинской ССР, Эстонской ССР и Литовской ССР в качестве цели угона указывается временное пользование угнанным транспортным средством.

Статьи 213 УК Азербайджанской ССР и 197 УК Латвийской ССР предусматривают уголовную ответственность за угона средств механического транспорта без цели присвоения. Такое решение представляется не совсем удачным, так как присвоение является одной из форм хищения, поэтому следует признать, что наиболее правильным является указание в законе на отсутствие цели хищения.

Закон не раскрывает самого понятия угона транспортных средств. Этому вопросу уделяется большое внимание в постановлениях Пленумов Верховных судов некоторых союзных республик и в юридической литературе.

Так, в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР разъясняется, что под угоном автотранспортных средств или других самоходных машин без цели хищения следует понимать захват транспортных средств и поездку на них.²

¹ Ушаков. Толковый словарь русского языка. Москва. 1940, т. 40, стр. 879

угнать: 1/ увести, похитить/ животное или экипаж, уехав на нем же;/
2/ отправить, послать куда-то помимо желания.

² Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 22 октября 1969 года. Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1970, № 1, стр. 4.

М.А.Ефимов под угоном понимает "самовольный/ открытый или тайный/ захват транспортного средства, принадлежащего социалистической организации или гражданину на праве личной собственности, для совершения на нем поездки в личных целях."¹

По мнению Б.А. Куринова угон означает незаконное, умышленное завладение чужим транспортным средством путем незаконной поездки на этом транспортном средстве.²

Несколько иной точки зрения придерживается Д.И. Ляпунов, который под угоном понимает самовольное, то есть без надлежащего разрешения со стороны собственника, владельца управомоченного лица, завладение /захват/ транспортным средством и его перемещение в пространстве хотя бы на некоторое расстояние от места стоянки.³

Во всех этих определениях авторы пытаются охарактеризовать основные черты угона средств механического транспорта. Наиболее удачным из них представляется определение, данное Д.И. Ляпуновым.

Для наличия состава преступления, как мы полагаем, необходимо, чтобы имелись два действия: незаконное завладение/захват/ и перемещение транспортного средства. Поэтому особого внимания заслуживает вопрос о том, когда следует считать данное преступление оконченным, что является спорным в теории и практике.

Большинство авторов считает преступление оконченным, если совершено незаконное завладение транспортным средством и начато перемещение на нем от места, на котором оно находилось. Не требуется, чтобы виновный автомашину или другое

¹ Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Издательство "Высшая школа", Минск, 1971, стр. 86.

² Куринов Б.А. Автотранспортные преступления. Издательство "Юридическая литература", Москва, 1970, стр. 155.

³ Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Издательство "Высшая школа МВД", Москва, 1970, стр. 95.

транспортное средство угнал за пределы территории учреждения, предприятия и т.д. или на значительное расстояние от места его стоянки.

Иную точку зрения высказывает М.А.Ефимов, который считает, что угон средств механического транспорта окончен с момента угона транспортного средства, при этом предполагается, что оно угнано за пределы гаража, хозяйственного двора, за пределы территории жилого дома и т.д. Покушением же по мнению автора является действия виновного, который с целью угона уже завел машину и стронул ее с места, не успев уехать.¹

Представляется, что такие выводы являются необоснованными, так как угон, по нашему мнению, следует считать для нас преступлением и его состав реализован с момента противоправного захвата, соединенного с перемещением транспортного средства. Незаконно владея этим транспортным средством и перемещая его, виновный как бы все время совершает преступление и тем самым постоянно реализует состав данного преступления. Для данных преступлений характерно то, что длится само деяние и уже реально наступившие последствия, а состав продолжает находиться в процессе осуществления, и именно в таком составе возможно соучастие.

В народном суде Московского района города Риги в 1971 году было рассмотрено уголовное дело по обвинению Таратутина и других в совершении угонов и хищений транспортных средств. В этом деле имеется следующий эпизод: "М. угнал путем толкания из сарайчика мопед "Стадион", имея цель покататься. О своих намерениях и о том, что мопед угнан, М. рассказал своему знакомому Б., который оказал ему помощь в толкании мопеда, а затем вдвоем они завели мопед и разъезжали по ули-

¹ Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Издательство "Высшая школа". Минск, 1971, стр. 86.

цам города Риги. Оба были привлечены к уголовной ответственности по ст. 197 ч. I УК Латвийской ССР. В приговоре суда отмечено, что Б. выступал как соучастник-соисполнитель, хотя и не принимал участия в самом захвате, сопряженном с его первоначальным перемещением, однако принял участие в дальнейшей реализации состава преступления-угона мопеда, хотя и не с самого начала совершения угона М."

Перечень предметов угона в уголовных кодексах союзных республик существенно отличается.

Так, в уголовных кодексах Белорусской ССР и РСФСР говорится об угонах автотранспортных средств или других самоходных машин.

В уголовных кодексах трех союзных республик /Узбекской ССР, Грузинской ССР и Азербайджанской ССР/ необоснованно сужается предмет посягательства, который может подвергнуться угону. Так, уголовные кодексы Узбекской ССР и Грузинской ССР предусматривают уголовную ответственность за угон автомобиля, мотоцикла или другого вида автотранспорта, в УК Азербайджанской ССР говорится лишь только об угонах автомашин или мотоцикла.

Уголовным кодексом Армянской ССР, наоборот, предмет угона определен очень широко - кроме машины и мотоцикла в качестве конкретного предмета угона указывается на другое средство передвижения.

Непосредственным предметом угона по уголовному законодательству Туркменской ССР и Латвийской ССР являются автомашины, мотоциклы или иные средства механического /механизированного/ транспорта. В соответствии с Правилами движения по улицам городов, населенным пунктам и дорогам СССР, а также постановлением Пленума Верховного суда РСФСР от 22 октября 1969 года "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также их угона" /§ 3 п. 6/

под средствами механического транспорта следует понимать автотранспортные средства, подлежащие регистрации в Государственной автоинспекции, пассажирские и грузовые трамваи, троллейбусы, все виды тракторов, а также дорожные, уборочные, сельскохозяйственные и тому подобные машины, которые приводятся в движение без помощи живой силы, за исключением велосипедов с двигателями и мопедов с рабочим объемом двигателя менее $49,8 \text{ см}^3$. Подобным же образом формулируется понятие транспортного средства в § 7 Постановления Пленума Верховного суда БССР от 17 июня 1970 года "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также из угона".¹ В связи с этим определением возникает вопрос: можно ли к вышеперечисленным средствам механического транспорта отнести моторные лодки, мотоботы, катера и другие средства передвижения на воде. Ряд авторов, на наш взгляд, обоснованно считают, что угон этих средств также влечет за собой ответственность по соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик.² Однако представляется необходимым иметь соответствующие разъяснения по данному вопросу для исключения ошибок при решении вопроса о наличии состава преступления в действиях того или иного лица, совершившего угон средств передвижения,

¹ Комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР. Издательство БГУ им. В.И.Ленина. Минск, 1971, стр. 333.

² Куринов Б.А. Автотранспортные преступления. Издательство "Юридическая литература". Москва, 1970, стр. 150.
Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Издательство "Высшая школа". Минск, 1971, стр. 85-86.

которые согласно указанным выше Правилам не относятся к средствам механического транспорта. Имело бы смысл дополнить или истолковать статью 197 УК ЛССР и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик расширительно и считать предметом угона средства механического водного транспорта и легкомоторного воздушного транспорта, как это, на наш взгляд, правильно решено в уголовном законодательстве некоторых зарубежных социалистических государств. Так например, § 201 уголовного кодекса Германской Демократической Республики, предусматривающий уголовную ответственность за неправомерное управление транспортными средствами, гласит: "Кто управляет против воли управомоченного лица автомобилем, средствами водного, воздушного или рельсового транспорта, для вождения которых требуется разрешение, подлежит ответственности перед общественным органом правосудия либо наказывается общественным порицанием, штрафом, условным осуждением или лишением свободы на срок до одного года."¹ В примечании к данной статье также разрешен вопрос и об ответственности лиц, совершавших неправомерное управление других средств транспорта - "неправомерное использование велосипедов, средств водного или другого транспорта, для управления которых не требуется разрешения, может преследоваться как административное нарушение." Представляется, что подобным образом следовало бы решить этот вопрос и в уголовном законодательстве союзных республик.

Мало бы, по нашему мнению, целесообразным также в законодательном порядке решить вопрос об уменьшении минимального предела рабочего объема двигателя средств передвижения, относимых к средствам механического транспорта. Если отказаться от расширительного толкования предмета угона, то можно

¹ Уголовный и уголовно-процессуальные кодексы Германской Демократической Республики. Издательство "Юридическая литература". Москва, 1972, стр. III.

прийти к тому, что угон вышеназванных транспортных средств будет вновь квалифицироваться как самоуправство или хулиганство, а в ряде случаев, при отсутствии умысла на кражу или совершение иного преступления, виновные в угоне будут вообще освобождаться от уголовной ответственности.

Так например, К. совершил угон мопеда "Рига-5", рабочий объем двигателя которого 45см^3 . В уголовном преследовании против него было отказано за отсутствием состава преступления, так как угнанный мопед не является средством механического транспорта и К. по существу остался безнаказанным. Анализ практики показывает, что такие примеры не единичны.

В уголовных кодексах Таджикской ССР, Эстонской ССР и Литовской ССР подчеркивается признак предмета угона, который не известен законодательству других союзных республик - здесь речь идет об угоне чужой автомашины или иного механизированного транспорта. В связи с этим возникает вопрос - могут ли быть субъектом преступления работники транспорта?

Завладение средствами механического транспорта должно быть самовольным; лицо, совершающее преступление, завладевает таким транспортным средством, которое ему не принадлежит на праве личной собственности и не находится в его правомочном владении, не закреплено за ним по службе и работе и он не имеет права распоряжаться им. Если же лицо имело какое-либо из перечисленных выше прав, то состав угона отсутствует. Работники транспорта также могут быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 197 УК ЛССР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, однако следует иметь в виду, что все эти лица при самовольном угоне совершают указанное преступление, не используя личных взаимоотношений с владельцем механического транспорта или иное служебное положение. В противном случае

в понятие незаконного угона будут необоснованно включены все случаи самовольных поездок, совершенные работниками транспорта на автомашинах того учреждения или предприятия, в котором работал виновный.

В уголовных кодексах некоторых союзных республик/УК РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Киргизской ССР, Эстонской ССР, Грузинской ССР и Латвийской ССР/, предусматривается повышенная уголовная ответственность за повторный угон автотранспортных средств или иных средств механического транспорта, повторный угон выделен в самостоятельную часть статьи. Уголовные кодексы остальных союзных республик не знают квалифицированного вида угона средств механического транспорта и повторность не рассматривается в качестве квалифицирующего признака.

В УК Киргизской ССР /ч.2 ст. 208/ наряду с признаком повторности предусмотрен и такой признак, как причинение существенного ущерба. На наш взгляд, такое положение объясняется тем, что ч.1 ст. 220 УК Киргизской ССР - нарушение правил движения лицом, не являющимся работником транспорта, не предусматривает в качестве материального последствия причинения существенного ущерба. В уголовных кодексах остальных союзных республик, предусматривающих ответственность за угон, такой отягчающий признак не выделяется, так как в случае угона и нарушения правил движения, в результате чего причинен существенный ущерб, ответственность наступит по совокупности ст. 197 и 213 УК ЛССР /или по совокупности соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик/.

Некоторые ученые полагают, что следовало бы указать в соответствующих статьях уголовных кодексов, предусматривающих ответственность за угон средств механического транспорта, и на другие отягчающие обстоятельства при совершении угона, которые наиболее часто встречаются в судебной практике. Такими обстоятельствами, по их мнению, могут быть угон транспортных средств лицами, находящимися в нетрезвом

состоянии, или лицами, не имевшими водительских прав, а также угон, сопровождавшийся грубым нарушением правил безопасности движения, которое могло бы повлечь тяжёлые последствия.¹

Правильность такого вывода может подтвердиться глубоким анализом практики, поэтому автором данной статьи он не оспаривается, однако некоторое изучение дел данной категории даёт основание полагать, что целесообразным было бы включение в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение угона группой лиц.

В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 22 октября 1969 года разъяснено, что в случаях, когда угон совершается несколькими лицами по предварительному сговору, действия каждого из них, в зависимости от содержания, должны рассматриваться как соучастие или соисполнительство. Действия соисполнителей квалифицируются по статье 212¹ УК РСФСР независимо от того, кто из участников группы фактически управлял угнанным транспортом. Однако данное разъяснение истолковывается в отдельных случаях неправильно и уголовное преследование против соучастников прекращается за отсутствием состава преступления.

Например, Б. совместно с И. и К. по предварительному сговору совершил угон мотоцикла "ИЕ-56" и автомашины ГАЗ-51. Б. был привлечён к уголовной ответственности по ч. II ст. 197 УК Латвийской ССР, а в отношении И. и К. в уголовном преследовании было отказано за отсутствием состава преступления. Такое решение, по нашему мнению, является неправильным, на что также было указано в частном определении народного суда Пролетарского района, рассматривавшего данное уголовное дело, так как И. и К. также принимали активное участие в совершении угона и следовали на угнанных транспортных средствах.

Считаем, что ошибки подобного рода могут быть исключены при дополнении статьи 197 УК ЛССР и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик таким квалифици-

¹ Куринов Б.А. Автотранспортные преступления. "Юридическая литература". 1970, стр. 166.

рующим признаком, как совершение угона группой лиц по предварительному сговору. Целесообразность такого дополнения объясняется и тем, что в практике встречаются устойчивые, сплоченные группы, систематически занимающиеся угоном транспортных средств. Так, народным судом Московского района города Риги в 1971 году была осуждена группа несовершеннолетних /уголовное дело по обвинению Таратутина и других, всего 8 человек/, которыми было совершено восемь угонов. В том же году народным судом Московского района было рассмотрено уголовное дело по обвинению Дургайтис, Шершнева и Осипова, которые в течение полугода совершили 29 угонов и покушений на угон транспортных средств. Действия таких групп имели место и в других районах города Риги. Так, например, народным судом Пролетарского района города Риги в 1971 году /уголовное дело по обвинению Руецкого и других/ была осуждена группа лиц, совершивших 15 угонов. Наши выводы совпадают с выводами Постановления Пленума Верховного суда Латвийской ССР от 24 марта 1969 года № 3 "О судебной практике по уголовным делам о незаконном угоне средств механического транспорта", который в своем постановлении отмечает, что имеются факты, когда несовершеннолетние, создав устойчивые преступные группы, занимаются угоном средств автотранспорта.

Сопоставление санкций соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик, предусматривающих уголовную ответственность за угон средств механического транспорта показывает, что они, как правило, альтернативные, что является безусловным достоинством и позволяет дифференцировать подход к различным проявлениям и строго индивидуализировать вид и меру наказания. Это позволяет сделать вывод о том, что в санкциях в основном правильно отражена общественная опасность данного преступления. Однако виды и сроки наказа-

I Бюллетень Верховного суда Латвийской ССР, 1969, № 2, стр. 15.

ний за совершение аналогичного преступления — угона средств механического транспорта существенно отличаются.

Так, большинство уголовных кодексов союзных республик, имеющих основной и квалифицирующий состав угона, устанавливает несколько видов наказания. Часть I статьи 212¹ УК РСФСР предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или штраф в размере до ста рублей, или применение мер общественного воздействия, в УК Белорусской ССР и Эстонской ССР за угон средств механического транспорта без отягчающих обстоятельств предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до одного года или исправительные работы на тот же срок, или штраф в размере до ста рублей, или применение мер общественного воздействия. Такие же виды наказаний, за исключением мер общественного воздействия, предусмотрены и частью I ст. 197 УК Латвийской ССР.

При наличии квалифицирующих признаков в санкции части II статьи 197 УК Латвийской ССР и статьи 197 УК Эстонской ССР предусмотрен лишь один вид наказания — лишение свободы на срок до трех лет. Законодатель РСФСР и Белорусской ССР в данном случае предусматривает альтернативную санкцию — лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года.

По разному также решается вопрос о видах и мере наказания в уголовных кодексах тех союзных республик, которые имеют только основной состав угона транспортных средств.

Например, статья 221 УК Казахской ССР за самовольный угон автотранспортных средств или других самоходных машин без цели хищения устанавливает наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет или исправительные работы на срок до одного года или штраф в размере до ста рублей или применение мер общественного воздействия. Такое же альтернативное наказание предусматривает и статья 182 УК Молдавской ССР, исключая лишь возможность применения мер общественного воз-

действия. По уголовному кодексу Литовской ССР /ст. 250 / угон средств автотранспорта влечет наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет или исправительные работы на срок до одного года.

Санкция же соответствующих статей уголовных кодексов Узбекской ССР и Азербайджанской ССР - лишение свободы на срок до одного года или штраф в размере до ста рублей, а в уголовном кодексе Армянской ССР кроме указанных видов наказания за самовольный угон средств передвижения предусматривается и исправительные работы сроком до одного года.

Таким образом, анализ санкций соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик, устанавливающих ответственность за угон средств механического транспорта показывает, что вопрос о наказании за совершение данного вида преступления почти во всех союзных республиках решается различно, что вряд ли можно признать правильным.

Из проведенного сопоставления норм, предусматривающих ответственность за угон средств механического транспорта, можно прийти к выводу, что многие вопросы, касающиеся как элементов состава преступления, так и наказания, уголовными кодексами союзных республик решаются различно. Представляется, что в настоящее время созрела необходимость усовершенствования этой уголовно-правовой нормы, что в свою очередь повысит эффективность уголовно-правовой борьбы с угоном транспортных средств.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Для дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства большое значение имеет как изучение и обобщение исторического опыта отечественного законодательства, практики его применения, так и сравнительное исследование уголовного законодательства зарубежных государств. Особое внимание следует уделить зарубежным социалистическим странам, большинство которых в настоящее время имеют на своем вооружении принципиально новые уголовные кодексы.

Настоящая статья представляет собой попытку проследить развитие советского уголовного законодательства по борьбе с мошенничеством, проанализировать действующее законодательство союзных республик в области ответственности за мошенничество и сопоставить его основные положения с уголовно-правовыми нормами некоторых зарубежных социалистических стран Европы.

Мошенничество является одним из видов преступных посягательств на социалистическое имущество и личное имущество граждан. Мошенничество можно отнести к так называемым "интеллектуальным" преступлениям, так как преступник, используя обман или злоупотребляя доверием потерпевшего, получает имущество или право на имущество последнего как будто добровольно.

История буржуазного уголовного права знает немало примеров оправдания мошенничества, отнесения его к вполне приемлемым, естественным поступкам. Еще в начале 18 века английский судья Холт воскликнул: "Можем ли мы обвинить кого-либо за то, что он одурачил другого?"¹ Русский юрист И.Я. Фой-

I

P. J. Fitzgerald, Criminal Law and Punishment, Oxford, 1962, p. 47

ницкий в своей работе цитирует Спинозу: "Лицо, оставившее другое в дураках вследствие преобладания над ним в умственном отношении, поступает согласно естественному праву; и чем более оно практикует свой ум, тем справедливее его действие."¹ Правильно отметил Энгельс, что "в условиях развитого капиталистического способа производства ни один человек не разберет, где кончается честность и начинается мошенничество."²

Вполне понятно, что советское уголовное право не могло использовать уголовноправовые институты дореволюционного законодательства. Нет надобности останавливаться подробнее на анализе мошенничества по русскому дореволюционному уголовному законодательству. Приведем лишь весьма яркую его характеристику, данную в 1906 году Д.А.Червонецким - "Действующее законодательство о мошенничестве состоит из громадного количества статей, лишенных системы и отличающихся обычными свойствами нашего "увольняемого в отставку" уложения - казуистичностью, неясностью и противоречиями."³

В советском уголовном законодательстве впервые о мошенничестве упомянуто в декрете СНК РСФСР от 5 мая 1921 года "Об ограничении прав по судебным приговорам", в котором был дан перечень сравнительно небольшого числа преступлений, обуждение за которые могло повлечь ограничение в правах, в том числе и за мошенничество. В Инструкции к составлению отчетности губревтрибуналам, утвержденной 27 августа 1921 года Верховным Трибуналом ВЦИК, содержалась номенклатура преступлений, согласно которой, мошенничество и обман были отнесены к числу "прочих общеуголовных преступлений."⁴

¹ Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву, Спб, 1871, часть 2, стр. 11

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 22, стр. 520

³ Червонецкий Д.А. Мошенничество по Уголовному уложению. Дрьев, 1906, стр. 11

⁴ Сборник циркуляров Пленума Верховного Трибунала ВЦИК за 1921 год. И., 1922, стр. 68

Понятие мошенничества впервые было дано в главе об имущественных преступлениях УК РСФСР 1922 года /ст. 187/ - получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обманом. Особенно следует отметить, что в примечании к ст. 186 было дано толкование обмана - сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно.

Мошенничество делилось на два вида - направленное против интересов частных лиц /ст. 187/ и причинившее убыток государственному или общественному учреждению /ст. 188/. Наказание за первый вид было определено в виде лишения свободы на срок до шести месяцев или исправительно-трудовых работ на тот же срок, за второй вид мошенничества - в виде лишения свободы на срок до одного года.

УК РСФСР 1926 года в ст. 169 определял мошенничество как злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество, или иных выгод. Часть 1 ст. 169 предусматривала ответственность за мошенничество в отношении личного имущества граждан, часть 2 - в отношении государственного или общественного имущества.

Как видно - понятие мошенничества расширилось - кроме получения имущества или прав на имущество была предусмотрена ответственность за получение иных личных выгод. Состав мошенничества в отношении личного имущества граждан имел конструкцию усеченного состава, так как преступление считалось оконченным с момента совершения действия - обмана или злоупотребления доверием в целях получения имущества или права на имущество, или иных личных выгод. Состав мошенничества в отношении государственного или общественного имущества /ч.2 ст. 169/ для оконченного преступления требовал наступления последствий - получение имущества или имущественных выгод.

Уголовные кодексы Белорусской ССР и Туркменской ССР воспроизводили определение мошенничества, данное в ст. 169

УК РСФСР 1926 года, а уголовные кодексы Украинской, Грузинской, Азербайджанской и Узбекской союзных республик - понятие мошенничества, данного в УК РСФСР 1922 года.

7 августа 1932 года был принят общесоюзный закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной /социалистической/ собственности."¹ Согласно этому Закону всякое хищение государственного или общественного имущества, независимо от формы его совершения, в том числе и мошенничество, могло влечь уголовную ответственность. Закон от 7 августа 1932 года был далеко не совершенен. Хищение не было дифференцировано на виды, санкции установлены чрезмерно суровые, параллельно с Законом силу сохранили соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик.² В дальнейшем судебной практикой установилось применение Закона лишь к лицам, совершившим хищение в крупных размерах, систематически или организованной группой.

В целях установления единства в законодательстве по борьбе с хищениями социалистического имущества Президиум Верховного Совета СССР 4 июня 1947 года издал Указ "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества." Этим Указом была установлена раздельная ответственность за хищение государственного и общественного имущества, что вряд ли можно было считать обоснованным. Ответственность в зависимости от формы хищения не была дифференцирована. За мошенничество в отношении личного имущества граждан ответственность по-прежнему определялась уголовными кодексами союзных республик.

В 1959-61 г.г. во всех союзных республиках были приняты новые уголовные кодексы. Все они четко дифференцируют ответственность в зависимости от формы совершенного хищения.

¹ СЗ СССР, 1932, № 62, ст. 360

² Подробнее см. Курс советского уголовного права, т. IУ, М., 1970, стр. 297-298

Уголовные кодексы всех союзных республик в главе "Преступления против социалистической собственности" предусматривают ответственность за хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества и одинаково определили данный вид мошенничества как завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием.

Хотя закон непосредственно не дает развернутого понятия обмана /как УК РСФСР 1922 года/ и злоупотребления доверием, в советском уголовном праве общепризнано, что обманом является сообщение ложных сведений или умолчание о таких обстоятельствах, сообщение о которых было обязательно. Злоупотребление доверием представляет использование с целью завладения государственным или общественным имуществом данной виновному доверенности, и в использовании доверчивости лиц, которые передают виновному имущество.¹

Санкция части I ст. 89 УК Латвийской ССР /ст. 93 УК РСФСР/ и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик за простое хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества определяет наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или исправительных работ на срок до одного года.

Часть 2 ст. 89 УК Латвийской ССР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик предусматривает повышенную ответственность за мошенничество, совершенное повторно и по предварительному сговору группой лиц, определяя наказание в виде лишения свободы до шести лет. Только в УК Эстонской ССР /ст. 91 ч.2/ срок лишения свободы установлен от одного года до шести лет, а УК Украинской ССР /ст. 83 ч.2/ предусмотрел дополнительное факультативное наказание - конфискацию имущества.

¹ См. Курс советского уголовного права, т. IV, М., 1970, стр. 382

Одинаково все уголовные кодексы определяют и особо квалифицированный состав мошенничества - причинение крупного ущерба государству или общественной организации, или совершение особо опасным рецидивистом.

Большинство уголовных кодексов союзных республик предусмотрели наказание за такой вид мошенничества в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Часть 3 ст. 89 УК Латвийской ССР определяет максимальный срок лишения свободы в тринадцать лет, а ч.3 ст. 83 УК Украинской ССР предусматривает обязательную конфискацию имущества и дополнительное факультативное наказание - высылку до пяти лет.

Все уголовные кодексы в отдельных статьях предусмотрели ответственность за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах и мелкое хищение/ст. 89¹ и 90 УК Латвийской ССР/. Эти статьи охватывают и хищение в форме мошенничества.

Из вышеприведенного анализа видно, что ответственность за хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества практически во всех союзных республиках установлена единая, за исключением незначительного разнообразия в санкциях за квалифицированные составы.

В то же время ответственность за мошенничество в отношении личного имущества граждан в уголовных кодексах союзных республик определяется далеко не одинаково.

Статья 1 ст. 142 УК Латвийской ССР определяет мошенничество как получение личного имущества граждан или прав на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Термин "получение" заменяется "завладением" в уголовных кодексах РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Казахской ССР, Азербайджанской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР, и "приобретением" - в уголовных кодексах Узбекской ССР и Молдавской ССР. Следует согласиться с Г.Н. Борзенковым, что наиболее точно смыслу мошенничества соответствует завладение /получе-

ние/ имуществом и получение прав на имущество, так как физически можно завладеть имуществом, но не правом на имущество, а "приобретение" обычно означает возмездное получение имущества.¹

Кроме того, в уголовных кодексах Литовской ССР, Узбекской ССР, Грузинской ССР, Молдавской ССР, Эстонской ССР и Киргизской ССР состав мошенничества дополнен "получением иных выгод имущественного характера". Но, поскольку преступное извлечение имущественной выгоды без получения самого имущества или права на имущество непосредственно не нарушает право собственности лица на определенную вещь, следует признать правильным отказ большинства УК от включения в состав мошенничества "получение иных выгод имущественного характера."²

Уголовные кодексы большинства союзных республик за простое мошенничество предусмотрели наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или исправительных работ до одного года. В уголовных кодексах Литовской ССР, Узбекской ССР и Азербайджанской ССР наказание предусмотрено только в виде лишения свободы до двух лет, в УК Армянской ССР — до трех лет, а в УК Эстонской ССР — до одного года шести месяцев или исправительными работами до одного года.

Неодинаковую ответственность уголовные кодексы союзных республик предусматривают за квалифицированные виды мошенничества. В большинстве УК в части второй соответствующих статей предусмотрена ответственность за мошенничество, совершенное повторно или по предварительному сговору группой лиц. В уголовных кодексах Украинской ССР, Молдавской ССР, Грузинской ССР, Эстонской ССР и Киргизской ССР там же предусмотрена ответственность за мошенничество, причинившее значительный ущерб потерпевшему. Надо отметить, что ст. 148 УК Киргиз-

¹ Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество. М., 1971,

стр. 6
2 там же, стр. 20-21

ской ССР состоит всего из двух частей, и часть вторая, кроме вышеперечисленных квалифицирующих обстоятельств, включает также мошенничество, совершенное особо опасным рецидивистом.

Санкции за квалифицированное мошенничество /части второй статей/ определены в уголовных кодексах восьми республик /РСФСР, Белорусской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР, Туркменской ССР и Таджикской ССР/ в виде лишения свободы на срок до четырех лет, а УК Узбекской ССР предусмотрел также высылку как дополнительное факультативное наказание. В уголовных кодексах Латвийской ССР, Украинской ССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР и Молдавской ССР максимальный предел санкции повышен до пяти лет, также уголовные кодексы Украинской ССР, Латвийской ССР и Молдавской ССР предусмотрели факультативно дополнительное наказание - конфискация имущества. В УК Киргизской ССР предусмотрено наказание в виде лишения свободы от четырех до десяти лет с высылкой на срок до пяти лет или без таковой.

В части 3 соответствующих статей уголовных кодексов восьми республик /включая РСФСР/ предусмотрена ответственность за мошенничество, причинившее значительный ущерб потерпевшему и совершенное особо опасным рецидивистом. Наказание за такое мошенничество определено в виде лишения свободы от трех до десяти лет /УК Азербайджанской ССР - от четырех лет/. Конфискация имущества как дополнительное факультативное наказание предусмотрели лишь уголовные кодексы Туркменской ССР и Армянской ССР. В УК Узбекской ССР в качестве дополнительных обязательных наказаний предусмотрены конфискация имущества и ссылка.

В части 3 соответствующих статей уголовных кодексов Латвийской ССР, Украинской ССР, Казахской ССР, Грузинской ССР, Молдавской ССР и Эстонской ССР предусмотрена ответственность за мошенничество, совершенное только особо опасным рецидивистом. В уголовных кодексах Латвийской ССР, Грузинской ССР, Молдавской ССР и Эстонской ССР основное нака-

зание предусмотрено в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет, УК Украинской ССР - от четырех до десяти лет, УК Казахской ССР - от пяти до пятнадцати лет. Лишь уголовные кодексы Латвийской ССР и Молдавской ССР предусмотрели конфискацию имущества как дополнительное факультативное наказание, а УК Украинской ССР - обязательное наказание / как дополнительное факультативное наказание в УК Украинской ССР предусмотрена еще и высылка/.

Из вышеприведенного обзора видно, что понятие мошенничества в отношении личного имущества граждан и ответственность за это преступление определены далеко не одинаково в уголовных кодексах союзных республик. Нельзя признать правильным, что в уголовных кодексах Латвийской ССР и Казахской ССР вообще не предусмотрена повышенная ответственность за мошенничество, причинившее значительный ущерб потерпевшему. Во-первых, почти все составы имущественных преступлений /как в отношении социалистического, так и личного имущества граждан/ предусмотрели такое квалифицирующее обстоятельство как причинение значительного /крупного/ ущерба. Во-вторых, из материалов судебной практики видно, что в ряде случаев мошенничества потерпевшим причинен весьма значительный ущерб, причем размеры этого ущерба уже заранее охвачены умом виновного лица, что не всегда имеет место в случаях других имущественных преступлений.

Трудно объяснить такое неоправданное разнообразие в уголовно-правовом регулировании ответственности за мошенничество в отношении личного имущества граждан какими-либо специфическими особенностями союзных республик, и представляется, что достижение единства уголовной ответственности только способствовало бы более успешной борьбе с этим видом преступления.

Для сравнительного анализа уголовно-правового регулирования мошенничества использованы уголовные кодексы зарубежных социалистических стран Европы, которые весьма ощутимо отличаются по времени их принятия. Из использованных нами уголовных кодексов самый "старший" действует в Социалистической Федеративной Республике Югославии /1951 года/. Почти одновременно с новыми уголовными кодексами советских социалистических республик вступил в силу УК Венгерской Народной Республики / в 1961 году/, гораздо позже были приняты новые уголовные кодексы в Германской Демократической Республике и Народной Республике Болгарии / в 1968 году/¹.

Прежде всего необходимо отметить, что само понятие мошенничества в уголовном законодательстве зарубежных социалистических стран уже, так как охватывает лишь обман. Злоупотребление доверием выделяется в отдельные составы. Так, ст. 260 УК Югославии предусматривает ответственность за злоупотребление доверием - если лицо, "представляя имущественные интересы какого-либо лица или осуществляя надзор за его имуществом, не выполнит своего долга и злоупотребит данными ему полномочиями, стремясь извлечь для себя или другого лица какую-либо имущественную выгоду или повредит лицу, имущественные интересы которого он представляет или за имуществом которого осуществляет надзор." Аналогичные составы имеются в УК ГДР /отдельно против интересов народного хозяйства и личной собственности - §§ 165 и 182/ и УК Народной Республики Болгарии /ст. 265/. В последнем кодексе понятие злоупотребления доверием дано более конкретно - "сознательное причинение ущерба чужому имуществу, вверенному виновному для управления или хранения." По ст. 265 УК НРБ за злоупотребление доверием от-

¹ См. Федеративная Народная Республика Югославия. Уголовный кодекс. М., 1957.
Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики. Будапешт, 1963.
Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии, М., 1970.
Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. М., 1972.

вечает и представитель или уполномоченный, который сознательно действовал против законных интересов представляемого, а ч. 2 ст. 260 УК Югославии предусматривает повышенную ответственность, если злоупотребил доверием опекун или адвокат.

Несмотря на то, что в уголовных кодексах ВНР и ГДР говорится о мошенничестве, а в уголовных кодексах Югославии и НРБ - об обмане, фактически они предусматривают одни и те же признаки.

Так, § 293 УК ВНР, который помещен в главе "Преступления против общественной собственности, а также против имущества граждан" определяет мошенничество как причинение ущерба путем введения другого в заблуждение или держание его в заблуждении с целью получить имущественную выгоду. Ст. 209 УК НРБ определяет обман как "причинение имущественного вреда государственной, кооперативной, общественной организации или другому юридическому лицу / ст. 261 - физическому лицу / путем введения кого-либо в заблуждение или поддержания имеющегося у него заблуждения с целью получения для себя или для другого лица имущественной выгоды."

Квалифицирующими обстоятельствами мошенничества /обмана/ является - деяние, совершенное в виде промысла /УК Югославии/, совершенное рецидивистом, группой лиц по предварительному сговору и причинившее особо крупный ущерб /УК ГДР/, повторно, должностным лицом и если виновный выдавал себя за должностное лицо, по предварительному сговору группой лиц, в случаях опасного рецидива, с использованием поддельных документов /УК НРБ/.

Следует также отметить, что в УК ГДР мошенничество по степени общественной опасности делится на три вида - преступное мошенничество, проступок и нарушение, а по УК НРБ наказание понимается в маловажных случаях.

В уголовном законодательстве зарубежных социалистических стран наказание за мошенничество /обман/ предусмотрено сравнительно суровое. Максимальные сроки лишения свободы за квалифицированные виды мошенничества колеблются в пределах от восьми лет /УК Югославии/ до десяти /УК ГДР/ и пятнадцати лет /УК ВНР и НРБ/.

Из такого, хотя и далеко не полного, сравнительного анализа уголовно-правовых норм, посвященных борьбе с мошенничеством, можно сделать вывод, что нет принципиальных различий в определении мошенничества в уголовном законодательстве союзных республик и зарубежных социалистических стран. Однако, выделение последними злоупотребления доверием в отдельные составы не лишено оснований и заслуживает внимания. Изученная нами судебная практика позволяет сделать вывод, что мошенничество путем злоупотребления доверием в "чистом" виде не встречается. Обман и злоупотребление доверием взаимно переплетаются, но вместе с этим нельзя считать злоупотребление доверием одним из видов обмана. Кроме того, ряд статей уголовных кодексов союзных республик включает в составы элемент злоупотребления доверием — злоупотребление опекунами правами /ст. 120 УК Латв.ССР/, присвоение вверенного имущества /ст. 144 УК Латв.ССР/, злоупотребление служебным положением, если отношения доверия обусловлены служебным положением. Из этого можно заключить, что при дальнейшем изучении этой проблемы можно будет решить вопрос об исключении злоупотребления доверием из состава мошенничества.

I Борзенков Г.И. Ответственность за мошенничество, стр. 68

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ленинские идеи о творческой и решающей роли народных масс, о необходимости широкого привлечения трудящихся к охране общественного порядка получили свое воплощение уже в первом уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, разработанном при непосредственном участии В.И. Ленина и утвержденном Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. Кодекс предусматривал возможность участия представителя общественной организации в судебном процессе в качестве общественного обвинителя /ст. 50/, в качестве представителя интересов потерпевшего /ст. 51/ и в качестве общественного защитника /ст. 53/. Кроме того, в соответствии со ст. 91 этого кодекса, заявления различных объединений и организаций являлись поводом для возбуждения уголовного дела. Аналогичные положения содержали первые кодексы других советских республик. Привлечение общественности в стадии расследования преступления кодексы не предусматривали. Свое дальнейшее развитие участие общественности в уголовном судопроизводстве получило в законодательстве 1958-1961 годов.

Опыт борьбы с преступностью и, в частности, расследование уголовных дел показывает, что без участия общественности нельзя достичь эффективных результатов в укреплении социалистической законности и установлении истины по уголовным делам. Практика показывает, что без помощи трудовых коллективов и общественных организаций немисливо успешно установить причины и условия, способствующие преступлениям, и тем более, без активного участия общественности нельзя устранить эти причины и условия и предупредить преступления. Поэтому, в соответствии с решениями XX и XXI съездов КПСС, осуществляется дальнейшая демократизация советского уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальные кодексы республик СССР, принятые в 1960-1961 годах, сравнительно широко предусматривают участие общественности в уголовном судопроизводстве .

Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской ССР, утвержденный Верховным Советом Латвийской ССР 6 января 1961 г. и заменивший действовавший до этого на территории Латвийской ССР УПК РСФСР 1923 г., содержит следующие виды участия общественности в судопроизводстве:

- 1/ передача на поруки общественной организации или коллективу трудящихся /ст.6/;
- 2/ передача материалов прекращенного уголовного дела на рассмотрение товарищеского суда /ст. 7/ или в Комиссии по делам о несовершеннолетних /ст.8/;
- 3/ возобновление судопроизводства по ходатайству общественности в отношении лица, взятого на поруки, при отказе от поручительства/ст. 10/;
- 4/ поручительство общественной организации за явку подозреваемого или обвиняемого по вызову дознавателя, следователя, прокурора или суда /ст. 75/;
- 5/ сообщение общественной организации - как повод для возбуждения уголовного дела /ст. 107/;
- 6/ помощь общественности в расследовании /ст. 143/;
- 7/ участие представителя общественной организации в качестве общественного защитника /ст. 250/;
- 8/ участие в судебном заседании представителя общественности в качестве общественного обвинителя/ст.250/;
- 9/ возможность допроса представителя общественности в качестве свидетеля в судебном заседании по делам о несовершеннолетних /ст.251/;
- 10/ передача условно осужденного общественной организации или трудовому коллективу для перевоспитания и исправления /ст. 305/;

II/ ходатайство общественных организаций или коллективов трудящихся о прекращении применения принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетнему/ст.306/;

12/ право ходатайства общественных организаций о снятии судимости /ст. 375/;.

Как видим, уголовный процесс сегодняшнего дня почти на всех стадиях предусматривает участие общественности, что свидетельствует о высоком уровне демократизации советского судопроизводства.

Из 12 перечисленных статей Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР, пять статей относятся к Общим положениям, четыре - к разделу производства в суде первой инстанции, две статьи входят в раздел: "Возбуждение уголовного дела. Дознание и предварительное следствие" и одна статья предусматривает участие общественности при исполнении приговора.

Такой важный принцип советского уголовного процесса, каким является участие в нем общественности, еще не получил должной регламентации, хотя в соответствии с марксистско-ленинским учением о движущей силе народа, указанием В.И. Ленина о первостепенной роли трудящихся в укреплении социалистической законности, участие общественности в уголовном судопроизводстве является одним из его основных положений.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство впервые закрепило право следователя привлекать общественность к расследованию преступлений. Статья 143 УПК ЛССР говорит: "Производя расследование, следователь может широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений или розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и установления причин и условий, способствующих совершению преступления."

В каких целях закон предлагает использовать помощь общественности при расследовании преступлений? В статье 143 УПК ЛССР названы: а/ раскрытие преступления; б/ розыск

виновного; в/ выявление причин совершения преступления ;
г/ выявление условий, способствующих совершению преступления.

Попытаемся уточнить каждую из этих целей.

В литературе и среди практических работников нет единого мнения о том, что следует понимать под "раскрытием" преступления. Существует несколько точек зрения. Одни рассматривают это понятие в широком плане, как охватывающее весь процесс предварительного следствия. Так, например, Г.Ф. Горский пишет: "Преступление можно считать раскрытым не с момента предъявления обвинения конкретному лицу, а лишь в том случае, когда в полном объеме доказаны причины, обусловившие преступление".¹ Раскрыть преступление, пишут другие, значит установить весь состав преступления/объект, субъект, объективную и субъективную стороны преступления/² Иные ограничивают содержание термина "раскрыть преступление" фактом установления преступного деяния /например, совершения убийства, аварии, хищения материальных ценностей и т.п./.³ и говорят о "раскрытии преступления и изобличении виновного".

¹ Горский Г. Ф. Выявление и изучение причин преступности. Изд. Воронежского университета, Воронеж, 1964, стр. 16.

² Митричев С. П. Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1962, стр. 13, абз. 6. Лиеле А. А. Уголовный процесс и судебные доказательства/на лат. яз./ Изд. "Лиесма" Рига, 1970, стр. 9-10. Ратинов А. Р. Криминалистика, т. III, ВШ МВД СССР, 1970, стр. 461.

³ По мнению проф. Чельцова М. А. - деятельность органов дознания и предварительного следствия направлена: "по раскрытию преступлений и изобличению лиц, виновных в его совершении" ... Уголовный процесс. Изд. "Юридическая литература" М., 1969, стр. 7; Советский уголовный процесс, Госюриздат, 1951, стр. 227. То же у Д. С. Карева, Советский уголовный процесс, М., 1953, стр. 122. То же у М. С. Дьяченко. Уголовный процесс. Изд. "Юридическая литература" М., 1969, стр. 182. Проф. А. Н. Васильев пишет: "Под раскрытием преступления принято понимать лишь обнаружение преступления и установление виновных, т.е. определенный этап в расследовании". Криминалистика, Изд. МГУ, 1971, стр. 3-4.
О "раскрытии и расследовании" преступлений пишет в своих

Следовательно, задачей предварительного следствия, согласно этой точке зрения, является - раскрыть преступление, установить и привлечь в качестве обвиняемого лицо, совершившее преступление, установить причины преступления и т.д.

Последняя точка зрения наиболее распространена среди процессуалистов, т.к. раскрыть преступление, строго говоря, есть ни что иное, как установить общественно-опасное деяние. В этом плане пользуются и таким сочетанием, как "раскрыть и расследовать" преступление.

Статья 7 Уголовного кодекса Латвийской ССР аналогично кодексам других республик определяет преступление, как "общественно-опасное деяние, /действие или бездействие/...".

В этой связи, как правильно отмечает В.А.Стремовский, изобличение лиц, совершивших преступления, и тем более выявление причин и условий совершения преступлений выходит за пределы понятия "раскрытие преступления". Он считает, что понятие раскрытия преступления необходимо придавать узкое значение.¹

туда профессор С.П.Митричев. Советская криминалистика, М., 1962, стр.3. Криминалистика. Изд. "Юридическая литература" М., 1963, стр.3. Проф. Р.С.Белкин говорит "о раскрытии и расследовании преступлений" Криминалистика-Юридическая литература, М., 1968, стр.3. П.И.Тарасов-Родионов определяет задачи следствия и пишет, что таковыми являются: "раскрытие преступления, выявление и привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, и подготовка материалов для суда" / П.И.Тарасов-Родионов. Предварительное следствие. Госбиздат, 1955, стр.4-5. Органы дознания и следствия пользуются в своих отчетах термином "нераскрытие" преступлений, подразумевая, что преступник еще не установлен.

¹ Стремовский В.А. - Содержание предварительного следствия в советском уголовном процессе. Учебное пособие. Научные труды № 138 Кубанского гос. ун-та. Краснодар, 1971, стр.36.

Можно понять и широкое толкование понятия: "раскрыть преступление", если исходить из задач доказывания состава преступления. В таком случае "раскрыть преступление" предполагает установление всех сторон преступления. Большинство же авторов /А.И. Винберг, С.П.Митричев, Р.С.Белкин и др./ пользуются термином "раскрыть преступление" как в широком, так и в узком смысле.

Представляется, однако, что наиболее часто в работах криминалистов и особенно в художественной литературе встречается термин "раскрыть преступление" в смысле установления преступного деяния и преступника.

Различное понимание рассматриваемого термина вошло так широко в обиход, что настаивать на дословном его понимании было бы бесполезно. Нельзя дать и иное определение преступления чем то, которое указано в законе.

Преступление и преступник являются разнозначными понятиями. Статья 2 Уголовно-процессуального кодекса ЛССР, так же как и статья 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, среди задач уголовного судопроизводства называет "полное раскрытие преступлений, изобличение виновных...", т.е. раскрытие преступления и изобличение виновного ставятся как две самостоятельные задачи.

Следовательно, нужно ли понимать, что ст. 143 УПК ЛССР предусматривает помощь общественности только для раскрытия преступления но не для изобличения виновного?

Большинство общественно-опасных деяний к моменту возбуждения уголовных дел в какой-то мере уже установлены, т.е. частично раскрыты. Основное усилие предварительного следствия направлено на установление лица, совершившего преступление. Это, как правило, является более трудоемким процессом по сравнению с раскрытием преступления. Поэтому и помощь общественности в изобличении преступника является более необходимой, чем для установления события преступления.

Однако, как мы видим, то закон не предусматривает участия общественности непосредственно в этих целях.

По всей вероятности мы сталкиваемся здесь с некоторой непоследовательностью словоупотребления в законе. Ведь было бы бессмысленно полагать, что помощь общественности должна ограничиться только установлением факта преступления. По аналогии со ст. 2 УПК ЛССР и в статье 143 УПК ЛССР следовало бы после "раскрытия преступлений" сказать "и для изобличения и розыска лиц."

Никто не исключает возможности и необходимости привлечения общественности к установлению виновного лица.

Как следующая цель по использованию помощи общественности в расследовании преступлений ст. 143 УПК ЛССР называет розыск лиц, совершивших их.

Общественность может оказать большую помощь следователю в розыске скрывшихся подозреваемого или обвиняемого, но еще важнее роль общественности в установлении и обнаружении лица, совершившего преступление, но еще не известного следователю, т.к. общественность располагает неисчерпаемыми возможностями отыскать преступника. Розыск понимается здесь не в духе следственного действия о розыске скрывшегося обвиняемого, согласно статьи 199 УПК ЛССР, а в том смысле, как найти, обнаружить. Устаревшим понятием слова "розыск" толковый словарь¹ называет систему мероприятий по обнаружению преступников.

К установлению лица, совершившего преступление, направлены все следственные действия, а это значит, что в общественность может оказать помощь в обнаружении доказательств, направленных на выявление преступника. Помощь общественности для розыска лица, совершившего преступление, необходимо понимать широко, как участие общественности в установлении и

¹ Словарь современного русского литературного языка. т. 12. Изд. АН СССР. Москва-Ленинград, 1961, стр. 1430.

изобличении преступника. Латвийский текст этой статьи вместо "для розыска лиц" содержит "для установления лиц".

И, наконец, статья 143 УПК ЛССР говорит о помощи общественности для выявления и установления причин и условий, способствующих совершению преступления. Это очень важная и определенная цель привлечения общественности к процессу расследования, преследуемая на всех этапах следствия и дознания.

Не трудно заметить, что все цели, для достижения которых следователь может использовать помощь общественности, направлены на расследование и предупреждение преступлений.

УПК ЛССР не обязывает следователя привлекать общественность, а предоставляет ему право на использование помощи общественности в процессе расследования. И это правильно. Нельзя обязывать следователя по всем в его производстве находящимся делам привлекать общественность, если это не вызывается необходимостью. В настоящее время большинство дел расследуется без привлечения сил общественности. Такое положение наблюдается не только в Латвийской ССР, но и в других республиках, несмотря на то, что уголовно-процессуальные кодексы ряда республик даже обязывают следователей широко использовать помощь общественности в процессе расследования.

Все уголовно-процессуальные кодексы, включившие статью об использовании помощи общественности на предварительном следствии предусматривают "широкое" ее использование. Представляется, что слово "широкое" неуместно в законодательном акте. В таком же духе можно было говорить о широком использовании показаний свидетелей, результатов осмотров и т.д. Терминология законодательства должна быть точной и определенной.

I Ст. 128 УПК РСФСР, ст. 23 УПК УССР, ст. 109 УПК Узб.ССР, ст. 128. УПК Груз.ССР, ст. 128 УПК Аз.ССР, ст. 108 УПК Молд.ССР.

Одна из важнейших задач уголовного судопроизводства - это расследование уголовного дела в кратчайшие сроки. А это возможно, если следователь будет производить только необходимые действия. "Широкое" расследование может привести по существу к безграничному производству по уголовному делу, особенно по выявлению и установлению причин и условий, способствующих совершению преступления.

Если считать, что под причинами конкретного преступления следует понимать: "... те явления и процессы, которые породили антиобщественные взгляды данного лица и вызвали его преступное действие /бездействие/..."¹ и, если учесть, что: "... каждое конкретное преступление определенного человека вызвано не одной какой-либо изолированной причиной, а совокупностью ряда обстоятельств, действовавших в разное время и в разных условиях..."², а следовательно необходимо выявлять обширный комплекс явлений, станет очевидным исключительная сложность задач, стоящих перед органом расследования и суда по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Не решен пока вопрос: должен ли и может ли следователь установить все причины преступления по каждому делу? Можно ли считать расследование оконченным, если криминологическая сторона уголовного дела не выяснена?

Совершенно ясным является пока одно, что успешное выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, невозможно без помощи общественности.

В литературе высказывается иногда мысль, что устранение этих причин и условий входит в обязанность органов следствия и суда, не указывая в то же время на формы и методы

¹ Кудрявцев В.Н. Причины и условия, способствующие совершению конкретного преступления. В кн.: "Криминология", М., 1968, стр. 144.

² Там же.

устранения. Статья 48 УПК ЛССР обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора и суд: "принять меры к их устранению", а ст. 144 УПК ЛССР обязывает следователя вносить в соответствующее предприятие, учреждение и общественные организации представление о принятии мер по устранению этих причин и условий. Однако такого предписания в адрес прокурора, суда и лиц, производящих дознание, закон не делает. Поэтому, представляется, что более правильную позицию занял УПК Украинской ССР, предписывающий в ст. 23 раздела "Общие положения", что лицо, производящее дознание, следователь, прокурор при установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, вносят в соответствующее предприятие, учреждение или организацию мотивированное представление о принятии мер для устранения этих причин и условий, а суд выносит частное определение.

Таким образом в границах уголовного судопроизводства может идти речь только об обязанности содействовать устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений в принятой процессуальной форме.

Нет пока единого понимания причин и условий, способствовавших совершению преступлений, как и не дано точного их определения, дающего конкретного базиса для разработки рекомендаций в области установления этих причин и условий.

В литературе встречаются предложения использовать силы общественности при производстве следственных действий, причем делается ссылка на статью 128 РСФСР.¹

Ошибочность взгляда о возможности участия общественности в производстве отдельных следственных действий объясняется, на наш взгляд, неправильным пониманием общественности и неверным пониманием закона.

¹ Кочаров Г.И., Миньковский Г.М. Теория доказательства в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966, стр. 572.

Так, например, В.Т.Томин без всякого основания пишет: "Участие в принципе допустимо в любом следственном действии, если закон не содержит прямого запрещения такого участия."¹

Круг участников следственных действий, их обязанности и права определены законом. Участие общественности в производстве следственных действий уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

Деятельность общественности в уголовном процессе осуществляется на добровольных началах, а поэтому она не подлежит регламентации в законе. Совершенно правильным является утверждение Н.А.Якубочич: "Помощь общественности при расследовании уголовного дела реализуется не как правовая, а как нравственная обязанность. Эта помощь обуславливается только моральным долгом советских людей."²

Отдельные авторы совершенно необоснованно рассматривают понятых, переводчиков и специалистов представителями общественности. Граждане выполняют функции понятого, переводчика, специалиста по требованию следователя. Они не выполняют поручение общественности и закон их не называет представителями общественности.

Рекомендации о привлечении общественности к производству отдельных следственных действий противоречат уголовно-процессуальному закону, указывающему, кто имеет право участвовать при производстве отдельных следственных действий. Статья 128 УПК РСФСР обязывает следователя использовать общественность для раскрытия преступлений, для розыска преступников и для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, однако, она не предусматривает участия и, тем более, форму участия общественности в производстве отдельных следственных действий.

¹ Томин В.Т. Участие трудящихся в расследовании преступлений органами ООП. Автореферат, 1964, стр.14.

² Якубочич Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. Учебное пособие. ВШ МВД СССР, М., 1971, стр.92.

Статьи же 169, 179, 183 УПК РСФСР строго определяют участников обыска, осмотра следственного Эксперимента и не ссылаются на ст. 128 УПК РСФСР. Участие общественности в производстве отдельных следственных действий не предусматривает ни один уголовно-процессуальный кодекс страны. Вполне очевидно, что редакция ст. 128 УПК РСФСР, как и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов других республик предполагает общие мероприятия, выходящие за рамки следственных действий, на что совершенно правильно указывает М.Ю. Рагинский в комментариях к ст. 128 УПК РСФСР.^{1-А}

Несмотря на значительное количество хороших работ в области проблем участия общественности в борьбе с преступностью, в них отсутствует четкое понимание общественности и разработка способов и форм привлечения общественности к расследованию.

Говоря об общественности, авторы употребляют различные термины, как-то: граждане, массы, широкие массы, население, общественность, общественные организации, коллективы учреждений и предприятий, представители общественности, группа лиц, отдельные лица и т.д.

Д.Е. Цинцадзе свои кандидатскую диссертацию посвятил проблемам участия общественности в стадии предварительного следствия. По мнению автора все, кроме лиц, проводящих следствие, является общественностью или представителями общественности. Представителями общественности он называет и понятых, и переводчика, и личного поручителя. Подводя итоги своим размышлениям, Д.Е.Цинцадзе приходит к неизбежному выводу о том, что "лучше пользоваться терминами "участие советских граждан в борьбе с преступностью", чем понятием общественности".²

¹ Цинцадзе Д.Е. Участие общественности в стадии предварительного следствия. Автореферат, 1966, стр. 13, 14.

² Там же, стр. 12.

^{1-А} Комментарий УПК РСФСР, Госприздат, М., 1963, стр. 277-278.

Иная точка зрения, например, у Н.Е.Павлова и В.Т.Томина. Н.Е.Павлов под общественность понимает "граждан, народ, население".¹ В.Т.Томин считает, что под общественность следует понимать любое лицо, "на которое не возложено правовой обязанности принимать участие в расследовании."² В.Т.Томин полагает более точным употребление вместо термина "общественность" термин "трудящиеся, граждане"³, т.е. совокупность лиц.

Ф.А.Лопушанский под общественность понимает: а/ организационно оформленные объединения трудящихся и б/ отдельных граждан или группы граждан, организационно не оформленные, но оказывающие содействие в производстве расследования.⁴

В.Г.Танасевич пользуется и таким термином, как "общественность определенного коллектива."⁵

А.Н.Васильев общественность считает партийные, профсоюзные и комсомольские организации, народные дружины по охране общественного порядка, товарищеские суды, общественные инспекции, коллективы трудящихся и отдельных предста -

¹ Павлов Н.Е. Вопросы теории и практики участия общественности в расследовании преступлений. Автореферат, М., 1965, стр. 5

² Томин В.И. Участие трудящихся в расследовании преступлений органами ООП. Автореферат, М., 1964, стр. 5.

³ Там же, стр. 5, 6.

⁴ Лопушанский Ф.А. Участие общественности в работе следователя по предупреждению преступлений. Автореферат, Киев, 1967, стр. 5.

⁵ Танасевич В.Г. Общественность в борьбе с преступностью. М., 1959, стр. 39.

вителей общественности.¹ Представителем общественности он называет любого гражданина, добровольно согласившегося оказать помощь в расследовании преступления.²

Л.Б.Зусь пишет: "По нашему мнению, применительно к уголовному судопроизводству под общественностью следует понимать сам советский народ".³ Понятие, по мнению Зусь, также являются представителями общественности.

М.И. Гуткин под общественностью понимает различные самодеятельные организации трудящихся.⁴ Но вместе с тем он пишет: "Когда представители общественности участвуют в производстве следственных действий, их деятельность приобретает процессуальный характер, у них появляются некоторые права и обязанности."⁵

А это значит, что понятию М.И. Гуткин также считает представителями общественности. Деятельность внештатных сотрудников милиции он называет "одной из форм связи с общественностью".

Ф.Д. Дьяченко считает очевидцев преступления представителями общественности.⁶

А.Н. Косаревиц пользуется таким термином как "общественность предприятий и учреждений".⁷

¹ Васильев А.Н. Предупреждение преступлений. М., 1963, стр. 9.

² Там же, стр. 13.

³ Вопросы современного развития советской юридической науки. Тезисы докладов. Изд. Ленинградского ун-та, 1968, стр. 108.

⁴ Гуткин М.И. Взаимодействие милиции с общественностью при производстве дознания. В сб. МООП РСФСР, М., 1963, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ Дьяченко Ф.Д. Участие общественности в производстве первоначальных / неотложных / и иных следственных действий. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 1. Киев, 1964, стр. 90.

⁷ Косаревиц А.Н. Советская общественность в борьбе с преступностью. М., 1959, стр. 10.

Н.Е.Павлов пользуется и таким термином, как "представитель населения."¹

Как видим, в понятие общественности вкладывается разное содержание: от общественности, как совокупности людей /народа, жителей административной единицы, коллективов и т.п./ до общественности в виде отдельного гражданина/пнятого, поручителя и т.п./.

В вопросах передачи преступников на перевоспитание общественности без определенного понятия не обойтись. Поэтому здесь предполагается реальная форма совокупности людей: трудовой коллектив.

Большая советская энциклопедия /т.30 стр. 418/ поясняет, что общественность: " 1/ совокупность людей, принимающих активное участие в общественной жизни. 2/ Общественные организации, страны, города, учреждения, предприятия, учебного заведения и пр. /О.СССР, О.Москва, партийная о., профсоюзная о., научная о., литературная о., педагогическая о. и пр./ 3/ Народ, общество. 4/ Общественное мнение."

Из данной трактовки вытекает, во-первых, что народ, общество и общественность - понятия однозначные, и, во-вторых, что под общественностью следует понимать также отдельные общественные организации. Нет границы между понятием первым и понятием вторым, т.к. совокупность людей может участвовать в общественной жизни только в форме общественной организации, а общественные организации всегда активно участвуют в общественной жизни.

Во всех случаях здесь идет речь о множестве людей и, следовательно, отдельное лицо не признается общественностью. Самая малая совокупность людей - это общественная организация. БСЭ понимает общественность в широком смысле этого

¹ Павлов Н.Е. Очерк истории участия общественности в расследовании преступлений. В кн.: Труды Высшей школы МВД СССР. № 24, №. 1969, стр. 267.

слова, как народ, общество и в узком смысле, как отдельные общественные организации страны. Следует выяснить, какая форма совокупности людей наиболее приспособлена к борьбе с преступностью и какова сущность представительства общест-венности.

Для того, чтобы правильно решить эти вопросы и подойти к определению сущности общественности, необходимо обратиться к классикам марксизма-ленинизма и выяснить соотношение в возможностях коллективного труда и отдельного члена коллектива; в чем заключается сила отдельного гражданина по сравнению с силой организационно-оформленной или неоформленной совокупностью людей. Выяснение этого вопроса поможет нам найти реальный путь для привлечения общественности к расследованию преступлений.

Понятие общественности обязательно должно нацеливать на возможность использовать помощь общественности для осуществления борьбы с преступностью.

Слово "общественность" ведет начало от общества, под которым К.Маркс подразумевал совокупность различных, связанных друг с другом видов отношений /деятельности/ различных групп людей.¹ "Общество - совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни", сказано в Большой советской Энциклопедии.

Такое широкое понятие общества предполагает большие массы людей, состоящих в однородных производственных отношениях. Сюда можно отнести такие понятия, как социалистическое общество, коммунистическое общество, капиталистическое, буржуазное общество и даже современное общество. "Внешний мир - говорил К.Маркс, - есть или природа, или общество."²

¹ К.Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 223.

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Изд. второе, т. 20, стр. 629.

Общество в узком смысле слова — это организация, обусловленная определенными отношениями, в которые вступила часть населения. Эти отношения порождены: "... социальной структурой /отношения классовые, национальные, профессиональные, служебные и т.п./ в отличие от личных, индивидуальных, единичных связей /дружеских, семейных и пр./ подобно тому, как мы различаем общественные и личные интересы, потребности, цели и т.д."¹ Отношения, возникшие в силу воли людей, объединившихся в общество, называются общественными отношениями. Общественные интересы и личные, общественные отношения и личные — суть разные.

В силу ст. 126 Конституции СССР советские люди могут объединяться в общества: технические, научные, спортивные и т.д. имеющие общее название общественных организаций. Волонтерская деятельность совокупности людей возможна только в каких-то организационных формах. Только такие формы придадут трудящимся массам конкретное содержание и, следовательно, для реального осуществления поставленных задач возможно общество в узком смысле слова, т.е. организационная часть населения или общественность. В исключительных случаях к решению отдельных задач может быть привлечено общество в широком его понятии.

Какие же признаки характеризуют общественность, как силу, располагающую возможностью помочь в борьбе с преступлениями, и в чем реально заключается эта сила?

В решении задач коммунистического строительства, в укреплении социалистической законности и в воспитании гармонически развитого человека решающее значение имеет такая совокупность людей, как трудовой коллектив, являющийся основным звеном социальной структуры советского общества. В коллективе проводит человек свое наиболее активное время и

¹ Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. Изд. Ленинградского ун-та. 1966, стр. 25.

здесь, главным образом, формируется личность. Общность задач, стоящих перед коллективом, формирует чувство дисциплинированности, ответственности, чести и т.д. Трудовой коллектив и его общественные организации оказывают наибольшее воспитательное влияние на своих членов. Чем каждый "дышит" - об этом лучше всего могут судить товарищи по работе;

Осуждение антиобщественного поступка коллективом оказывает воздействие не только на самого нарушителя, но и на других членов коллектива. Личность и коллектив в условиях социализма находятся в тесных и активных взаимоотношениях, но не всегда эти отношения гармоничны.

На XXIV съезде нашей партии было подчеркнуто, что трудовые коллективы являются базисом социалистического общества. "Здесь формируются новые, социалистические качества трудящихся, складываются отношения дружбы и товарищеской взаимопомощи. Ответственность каждого перед коллективом и ответственность коллектива за каждого работника - вот неотъемлемая черта нашего образа жизни."¹

Общественное мнение возникает в результате общих интересов, стремлений, общей деятельности в направлении достижения единых целей. Совершенно ясно, что общественное мнение является результатом суждений масс.

Прав. Г.Б.Виттенберг, отмечавший: "Формой выражения общественного мнения является мнение коллектива или общественной организации."² "Но коллективный разум не существует, как нечто, не зависящее от индивидуального сознания; общественное сознание существует и реализуется в индивидуальном и через индивидуальное сознание."³

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 80.

² Виттенберг Г.Б. Уголовная ответственность и ответственность перед общественностью. В кн.: Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1969, стр. 22.

³ Голованов В.Н. Законы в системе научного знания. "Мысль", М., 1970, стр. 210.

Мнение отдельного человека может не совпадать с общественным мнением, поэтому ошибочным является утверждение, что любой гражданин представляет общественность/ если он даже вовлечен в сферу уголовного процесса в качестве понятого, переводчика и т.д./ . Совершенно права Ц.А.Ямпольская, утверждая, что: "... нельзя отождествлять общенародную власть с волей отдельного коллектива и волю отдельного коллектива с индивидуальной волей, точно также как нельзя проводить аналогического отождествления применительно к общественному, коллективному и индивидуальному сознанию, неотъемлемым элементом которого является воля."¹

Необходимо здесь подчеркнуть, что в социалистическом обществе нет почвы для возникновения антагонистических противоречий между личным мнением и мнением общества. Наличие различных точек зрения и, возможно даже противоречивых мнений по отдельным вопросам у отдельных трудовых коллективов и общественных организаций, являющихся вполне закономерным явлением как фактора прогресса, не лишает эти коллективы и общественные организации характера общественности. Представляется, что А.Б.Сахаров неправ, когда утверждает: "Бывает и так, что неправильную позицию в том или ином конкретном вопросе занимает сама общественная организация или коллектив трудящихся. В подобных случаях организация или коллектив действуют фактически уже не как общественность, утрачивают это качество, встречая решительное осуждение и противодействие со стороны подлинной общественности"².

То, что трудовой коллектив и общественная организация являются "подлинной общественностью", ни у кого не вызывает сомнения, и их лицо общественности не может меняться в зависимости от содержания высказанных мнений.

¹ Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие социалистической государственности. М., 1965, стр. 29.

² Сахаров А.Б. Роль общественности в укреплении советского правопорядка и законности. "Вопросы философии", № 3, 1960, стр. 32.

С выражением общественного /не своего личного/ мнения могут выступать не только коллективы, но и отдельные граждане. Активность выражения мнения зависит от активности входящих в коллектив лиц. Совокупность мнений ряда коллективов, общественных организаций может вылиться в общественное мнение города, района, страны. Такое общественное мнение может быть получено и путем непосредственного опроса населения и оно должно, безусловно, выражать взгляд большинства населения. Однако, в сфере приложения общественного мнения к задачам расследования могут быть реально использованы коллективы общественных организаций. Представляется, что исходя из такого утверждения, возможно рекомендовать конкретные формы и методы привлечения общественности к процессу установления истины по уголовным делам. Кроме того, связь работников следствия с коллективами и общественными организациями обеспечивает широкую пропаганду и возможность предупреждения преступлений.

Представляется, что элементами, составляющими понятие общественности могут быть следующие: 1/ совокупность граждан; 2/ организованность; 3/ совместная деятельность; 4/ государственно полезная цель.

Как уже сказано, общественность - это обязательно масса трудящихся вступивших в определенные взаимоотношения для достижения цели и решения задач, отвечающих их интересам. Установившиеся взаимоотношения должны основываться на законе и получить свою организацию. Таковыми могут быть трудовые коллективы и общественные организации, выступающие в плане самодеятельности и добровольности.

Организация, для того, чтобы она была общественной силой, обязана действовать. Бездействие не дает ей права на звание общественности. Общественность - это массовость умов, объединение многостороннего и богатого опыта и суждения.

Неосновательно сужает понятие общественности Я.С.Аврах, считающий общественность только общественные организации. Он пишет: "Общественность - широкие слои трудящихся масс, объединенные в общественные организации, принимающие активное участие во всех делах общества и государства и оказывающие влияние на жизнь страны путем выражения общественного мнения."¹

Нельзя признать общественность совокупность людей, объединившихся для совершения преступлений или других антинародных, противоречащих социалистическим правилам общности действий.

Считаем возможным дать следующее определение советской общественности.

Советская общественность - это совокупность трудящихся или учащихся, находящихся в законных, организационных и длительных взаимоотношениях для выполнения задач построения коммунизма в нашей стране.

Общественность в узком смысле этого слова являются трудовые коллективы и общественные организации. Население и народ представляют общественность в широком ее понятии.

К общественным организациям следует условно отнести так называемые самостоятельные добровольные учреждения, отличающиеся по структуре, членству, форме деятельности и т. д. от массовых общественных организаций, но носящие постоянный характер и насчитывающие значительное количество людей. Это различные комитеты, комиссии, советы, бюро и т.п., организованные при Советах депутатов трудящихся, учебных заведениях, лабораториях, исследовательских институтах, на

¹ Аврах Я.С. О некоторых вопросах участия общественности в уголовном судопроизводстве. Изд-во Казанского ун-та, 1964, стр. 9.

предприятиях, в учреждениях и т.д. и составляющие известную коллективную силу, которую можно использовать в процессе расследования. Такие объединения являются общественными организациями и соответствуют в большей степени характеру общественной организации.

Не являются представителями общественности, как уже было сказано, переводчики, потерпевшие, лица, участвующие в охране места происшествия, обыска и т.д.

Широко распространены взгляды на общественных помощников прокурора, следователя, нештатных сотрудников в системе МВД как на представителей общественности. Проанализируем этот взгляд.

Поместив статью "Общественные помощники прокуроров" в разделе "Общественность - на страже порядка"¹, редакция журнала "Социалистическая законность" считает, что помощники прокурора являются или общественностью или представителями общественности. В чем же выражается работа общественных помощников прокурора, каковы их задачи?

В статье определяется: "Главная задача общественных помощников прокуроров - содействовать органам прокуратуры в предотвращении правонарушений, своевременном их обнаружении, выявлении и устранении причин, порождающих нарушение законности."

Поставленная задача безусловно является актуальной, важной, весьма обширной и под силу общественности, поэтому представляется что общественный помощник прокурора, если его считать представителем общественности, должен действовать связывающим звеном между прокурором и коллективом трудящихся и в соответствии с указанием прокурора организует и направляет деятельность общественности по выявлению и устранению причин и условий, способствующих правонарушениям. На деле этого не бывает, а их работа замкнута в выполнении отдельных поручений, к чему общественность не касается.

¹ "Социалистическая законность", № 10, 1970, стр. 59-61.

В статье говорится: "Прокуроры поручают им проверки жалоб, заявлений и других сигналов о нарушении законности. Их привлекают к участию в проверках исполнения законов на предприятиях". Статья подчеркивает, что самостоятельность общественных помощников недопустима и отмечает большим недостатком, когда общественные помощники "... вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность различных предприятий и организаций, проверяя состояние весового хозяйства, сохранности зерна на токах, состояние хранения техники минеральных удобрений и пр." И далее: "Институт общественных помощников - своеобразный резерв органов прокуратуры."

Сказанное дает основание для вывода, что общественные помощники прокурора не представляют общественность и не являются общественностью.

Рекомендуется, например, при выемках использовать "помощь общественности" в том смысле, что добровольцы могут помочь следователю, например, отобрать нужные документы. Перед этим следователь должен их обучить и проинструктировать. Разве в этом заключается значение и сила общественности? Такой отбор документов ни что иное как техническая, безвозмездная помощь следователю и соответствующий специалист за оплату сделал бы то же самое и, как правило, конечно лучше.

Предлагают, например, привлекать общественность к проведению обысков, для охраны подходов, охраны помещения и т.д., имея в виду отдельных граждан, добровольцев. Спрашивается, нужна ли сила общественности для охраны, скажем дома, где производится обыск. Конечно, нет, ведь речь идет о выполнении только указаний следователя по охране объекта, которому последний всегда при наличии возможности поручает работникам милиции. Для обеспечения надежной охраны нужны квалифицированные работники.

Термин "в общественном порядке" стал синонимом "на добровольных началах", "безвозмездно".

Большую благодарность заслуживают граждане, которые свое свободное время отдадут делу охраны общественного порядка как общественные помощники следователя или прокурора, но то, что они эту помощь оказывают безвозмездно, не дает основания считать их представителями общественности, Ведь такую же работу /и по форме и по содержанию/ выполнял бы, скажем, штатный секретарь, курьер, специалист и т.д.

Вполне очевидно, что общественные помощники действуют не от имени общественности и не выполняют каких-либо поручений общественности. Они не выполняют работу общественно-го характера, а являются именно помощниками в плане осуществления функций прокурора или следователя.

Сила общественности в знании местных условий. А разве общественный помощник прокурора знает условия тех различных организаций, куда он направляется прокурором? Нет, конечно. Поэтому и качество его проверки будет невысоким. Недаром поэтому в ряде документов прокуратуры СССР ставится вопрос о том, чтобы общественных помощников следователя и прокурора доводить до "уровня" следователя и прокурора.

Общественный помощник может, таким образом, что-то подсчитать, переписать, подобрать, принести, доставить, составить проект документа и т.п., т.е. в полном смысле этого слова - помочь. Разве в этом проявляется "представительство" общественности?

Как уже сказано, общественные помощники выполняют весьма полезную работу и этот институт заслуживает положительной оценки. Необходимо, чтобы общественные помощники работников прокуратуры, МВД находились под действенным надзором тех, кто их выдвигал на эту должность.

Прав. Ф. М. Бурлацкий, который пишет: "Во-первых, надо, чтобы переход к бесплатному выполнению своего общественного долга сопровождался действительным улучшением дела управления. Во-вторых, необходимо, чтобы и люди, работающие в

аппарате бесплатно, находились под постоянным контролем масс, избирались или периодически менялись."¹

Общественный помощник должен хорошо знать запросы и мнения трудящихся масс и не должен стремиться стать "должностным" лицом, хотя бы на общественных началах. Он должен остаться общественным помощником, а не заменой должностного лица.

П.П.Якимов, рассуждая о субъектах права общественно-го обвинения и защиты, справедливо пишет, что нужно признать субъектами права общественного обвинения и защиты общественные организации и коллективы трудящихся и правильно считает, что "никакие другие объединения группы граждан и, тем более, отдельные лица, не могут признаваться субъектами права общественного обвинения и защиты. В самом деле, какой общественной силой обладает; например, случайно собравшаяся группа жильцов для проведения единственного собрания? - Никакой."²

Прав Ц.М.Каз, когда она пишет: "Являясь представителями общественности в суде, общественные обвинители и защитники должны выразить в суде мнение делегировавшей их в суде организации и в этом смысле несут перед ней моральную обязанность."³

Общественный помощник прокурора не имеет права выступать в суде в качестве общественного обвинителя, т.к. он не является представителем общественности.

Нельзя считать общественностью отдельного гражданина⁴.

¹ Бурлацкий Ф.М. Государство и коммунизм. М., Соцэкгиз, 1963, стр. 196-197.

² Якимов П.П. Субъекты права общественного обвинения и защиты. В к-ле "Правоведение", 1968, № 3, стр. 89.

³ Каз Ц.М. К вопросу об участии общественных обвинителей и общественных защитников в доказывании. - Ученые записки. Вып. XVI, Саратовский юридический институт, Саратов, 1969, стр. 153.

Если, например, кто-то по своей инициативе, намерен помочь следственным органам в раскрытии преступления, то он действует не от имени и не по поручению общества и, следовательно, он не является представителем общественности.

В гражданском процессе общепринято, что общественность — это общественные организации и коллективы.¹ "Когда говорят об общественности, имеют в виду любое добровольное, самоуправляющееся общественное объединение людей, которое осуществляет на общественных началах и в порядке самостоятельности управление делами общества, используя методы убеждения, воспитания и поощрения и добиваясь соблюдения своих велений мерами общественного воздействия, авторитетом общественного мнения."²

Возврат к такой форме расследования дел как сосовместительству 30-х годов предлагает Т.Т. Тагиров, считающий целесообразным: "производство отдельных действий и оформление их поручить общественникам-специалистам, нежели самому следователю". Он считает, что это ускорит сроки расследования, заинтересует общественников и придаст участие общественности в расследовании преступлений постоянный характер.³ Автор предлагает узаконить самостоятельное производство следственных действий помощникам следователя и прокурора. По мнению автора, в расследовании дела должно участвовать много лиц — специалистов и каждому из них предоставляется право допрашивать, производить осмотры, назначать экспертизы и т.п.

¹ Сатыбеков С.С. Участие общественности в гражданском процессе. Автореферат канд. дисс. Изд. МГУ, 1967, стр. 10. Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности. М., 1965, стр. 38, и др.

² Розенберг Я.А. Правоспособность и представительство общественности в гражданском процессе. "Правоведение", 1967, № 6, стр. 59.

³ Тагиров Т.Т. Участие общественности в расследовании преступлений. В кн.: "Ученые записки", т. XIX первая книга. Дагестанский филиал АН СССР. Институт истории, языка и литературы. Махачкала, 1968, стр. 290-291.

Прерогативы следователя Т.Т.Тагиров усматривает лишь в предъявлении обвинения, составлении обвинительного заключения и возбуждения уголовного дела. Ничего автор не говорит о руководстве следователя специалистами. Трудно себе представить, к каким результатам может привести такой взгляд на процесс расследования. Как известно, соцсовместительство и в прошлом себя не оправдало.

Для того, чтобы общественность была реальной силой, она должна обладать формой, содержанием и количественным показателем. Два человека - это не общественность. Если людей не объединяют цели, задачи, интересы - это не общественность. Если совокупность людей не делает ничего для достижения своей цели - она теряет лицо общественности.

Скопление людей хотя бы и очень большое, на улице, в парке, в универсальном магазине, театре и т.п. не составляет общественности и, естественно, что такое простое, случайное, скопление людей не представляет силу, которую можно было бы привлечь к расследованию преступлений. Кто же является представителем общественности?

Представитель, как поясняет Толковый словарь русского языка, это: 1/ лицо; действующее в соответствии с полученным им от кого-то поручением; 2/ должностное лицо, представляющее интересы своей организации или 3/ человек, представляющий в своем лице тот или иной разряд людей, ту или иную область деятельности.

Как видим, то основное, чем характеризуется человек, как представитель, является его деятельность во имя и по поручению того, кого он представляет. Следовательно, представитель обязан действовать и осуществлять данное ему поручение, которое, должно иметь конкретный характер. Бездействие или действие не соответствующее порученному, лишает лицо представительства.

Не будет представителем общественности прохожий, который на зов милиционера помог задержать преступника. Другинник же действующий по поручению общественной организации по охране общественного порядка, выполняющий свои обязанности и задержавший преступника, является представителем общественности.

Нельзя рассматривать поручением общественности, например, наказ трудового коллектива помощнику следователя "хорошо работать и оправдать доверие коллектива". Такой наказ абстрагирован и ни о чем конкретно не говорит, а общественный помощник следователя действует, как уже сказано, по поручению и от имени следователя, а не по поручению общественности.

Представителем общественности /в широком смысле этого слова/ является любой советский гражданин, выражающий словом и делом мнение и волю большинства.

Представителем общественности /в узком смысле этого слова/ является член трудового /учебного/ коллектива и общественной организации, действующей в соответствии с их поручением.

В сфере участия общественности в расследовании преступлений основную роль играет общественность как таковая, как сила масс трудящихся, а представители общественности выступают здесь в меньшей мере.

"Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности" — учил В.И. Ленин.¹

Напрашивается вопрос: является ли привлечение общественности к расследованию преступлений процессуальным действием? Лупинская П.А. называет процессуальными действиями такие, которые направлены на обнаружение и процессуальное укреп-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.35, стр. 57.

ление доказательств.¹ Общеизвестно, что следственные действия являются процессуальными действиями.

Привлечение общественности к расследованию преступлений не является следственным действием, а формой обращения к помощи трудящихся в целях обнаружения доказательств. Оказание помощи следователю общественностью осуществляется на добровольных началах и процессуальному оформлению не подлежит.

Если, например, кто-либо из присутствующих на собрании коллектива в ответ на просьбу следователя указать очевидцев происшествия назовет своего соседа квартиры, то процессуальное действие в виде допроса свидетеля распространится на этого соседа. Выступление же следователя на собрании и сделанное на нем указание на очевидца не являются процессуальной деятельностью. Закон не регламентирует формы, порядок, пределы и т.д. использования помощи общественности и, тем более, не дает понятия общественности в его уголовно-процессуальной трактовке.

Уголовно-процессуальный закон, регламентируя использование помощи общественности в расследовании преступлений, указывает на соответствующее поведение следователя, но не предполагает порядок поведения при этом общественности.

"Уголовно-процессуальное регулирование", как правильно пишет профессор П.С.Элькинд: "предполагает собой специфическую форму юридического воздействия социалистического государства, с помощью норм уголовно-процессуального права на поведение участников общественных отношений, возникающих, развивающихся, изменяющихся и превращающихся в сфере уголовного судопроизводства."²

Использование помощи общественности не является методом получения доказательств, а лишь способом получения информации о возможных доказательствах.

¹ Уголовный процесс под ред. М.А.Чельцова, М., 1969, стр. 121.

² Элькинд П.С. Нормы уголовно-процессуального права и правоотношения. "Вестник Ленинградского ун-та", в 11, 1966, стр. 103.

Регламентация помощи общественности в расследовании преступлений является новеллой уголовно-процессуального законодательства. Статья 143 УПК СССР, разрешающая использовать помощь общественности, носит рекомендательный характер, закрепляет ленинские идеи о большой творческой роли трудящихся в укреплении социалистической законности. Привлечение общественности, использование помощи общественности не поддается конструированию в какое-либо следственное действие. Нельзя, например, допросить общественность. Общественность не может участвовать в каком-либо следственном действии и составлении процессуального документа. Напротив, результаты использования помощи общественности могут вылиться в следственные действия: осмотр, допрос, обыск и т.д.

Норма, рекомендующая использовать помощь общественности, необоснованно помещена в главу "Общие условия производства предварительного следствия" УПК Латвийской ССР. Также это сделано в кодексах других союзных республик, за исключением УПК Украинской ССР. Поскольку статья носит общий характер и помощь общественности должна быть использована также и в процессе дознания и судебного разбирательства, то статья эта уместна была бы в общих положениях уголовного судопроизводства, как это правильно сделал УПК Укр. ССР.

Участие общественности в уголовном судопроизводстве является действенным средством борьбы с преступностью, важной функцией уголовного процесса. В литературе на наш взгляд, правильно подчеркивается, что в современных условиях советскому уголовному процессу присущи следующие процессуальные функции: 1/ предупреждение преступлений; 2/ обвинение / изобличение виновного /; 3/ защита; 4/ правосудие; 5/ участие общественности; 6/ воспитание.

^I См. Мариупольский Л.А., Гольст Г.Р. К вопросу о процессуальных функциях следователя. "Советское государство и право." 1963 № 6, стр. 115.

Закон должен содержать точные, выполнимые указания. Термин "общественность" не может нацелить следователя на конкретные мероприятия, поэтому целесообразнее и точнее было бы в законе пользоваться понятиями "трудовой коллектив" и "общественная организация", как это уже сделано в некоторых статьях УПК Латвийской ССР.

Сопоставляя части вторую и третью статьи 23 УПК Украинской ССР можно сделать категорический вывод о том, что законодатель под общественностью здесь понимает общественные организации и коллективы трудящихся. Во второй части этой статьи идет речь об использовании "помощи общественности" в судопроизводстве, а третья часть статьи обязывает в необходимых случаях сообщать "общественной организации или коллективу трудящихся" о совершении членом коллектива преступления для того, "чтобы мнение общественности могло быть учтено при решении вопроса об ответственности виновного лица." Указание на необходимость сообщать общественности о совершении преступления ее членом было бы беспредметным, если не конкретизировать понятие общественности, как это имеет место в законе.

Беспредметным является указание закона об использовании помощи общественности в расследовании преступлений, если общественность не рассматривать как совокупность граждан, объединенных определенной организационной формой. Перечисляя поводы к возбуждению уголовного дела, статья 94 УПК Укр. ССР называет "заявления или сообщения ... представителей власти, общественности или отдельных граждан ...". Законодатель не считает, как это вытекает из редакции статьи, отдельных граждан представителями общественности. Поэтому помощь общественности в расследовании преступлений также следует рассматривать как помощь общественных организаций и трудовых коллективов, в представителей общественности как представителей общественных организаций и коллективов трудящихся, причем как представителей в полном и точном смысле этого слова.

Например, УПК Чехословацкой СР предусматривает сотрудничество участвующих в уголовном судопроизводстве органов с общественными организациями, а не с "общественностью."

В настоящее время еще не представляется возможным более подробно регламентировать привлечение общественности к расследованию преступлений, т.к. не накоплен соответствующий опыт и проблемы участия общественности на предварительном следствии слабо разработаны в юридической литературе.

Основываясь на всем изложенном, можно *de lege ferenda* предложить следующую, более точную редакцию статьи 143 УПК ЛССР.

"Проводя расследование, следователь может использовать помощь общественности в порядке и пределах не противоречащих настоящему закону".

Однако представляется наиболее целесообразным предусмотреть принцип участия общественности в уголовном судопроизводстве в разделе "Общие положения" Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, дополнив ст. 14 /соответственно ст. 19 УПК ЛССР/ следующей частью: "Суд, прокурор, следователь и лицо, проводящее дознание, могут использовать помощь общественности в целях установления истины по делу, для обнаружения лиц, совершивших преступление, и вещественных доказательств, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления".

Порядок, методы, форма привлечения общественности к расследованию законом не определены. И это вполне понятно. Характерным признаком советского законодательства, всегда была разработка норм с учетом сложившейся практики и требованиями жизни. Участие общественности в стадии предварительного расследования впервые зафиксировано уголовно-процессуальным законом.

Участие общественности в уголовном судопроизводстве имеет первостепенное значение. Осуществление задач судопроизводства по укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития, возложено не только на суд, прокуратуру и органы дознания, но и на общественность в той мере, насколько она участвует в уголовном процессе. В порядке дальнейшего совершенствования уголовного судопроизводства вопросы участия общественности должны быть далее разработаны.

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. установили основания и порядок задержания подозреваемого /ст.32/ и применения к нему меры пресечения /ст.33/. В Основах указаны также условия, при которых возможно появление подозреваемого в уголовном процессе. В уголовно-процессуальных кодексах РСФСР /ст.52/, Азербайджанской ССР /ст.120/, Литовской ССР /ст.59/ и Латвийской ССР /ст. 121/ имеются специальные статьи, посвященные подозреваемому. Эти нормы по существу воспроизводят положения статей 32 и 33 Основ и в них отсутствуют указания на некоторые существенные моменты, характеризующие подозреваемого как участника уголовно-процессуальной деятельности. По нашему мнению, существенное значение имеет уяснение того, что является основанием для возникновения такой фигуры в уголовном процессе.

Предпосылкой возникновения подозреваемого в уголовном процессе является наличие фактических данных /доказательств/ о причастности конкретного лица к совершенному преступлению. Фактические данные, свидетельствующие о причастности лица к совершенному преступлению, являются также предпосылкой привлечения лица в качестве обвиняемого. Подозреваемый, в отличие от обвиняемого, может появиться в деле лишь в тех случаях, если собранных доказательств недостаточно для достоверного вывода о виновности лица в совершенном преступлении. Наличие фактических данных о причастности лица к совершенному преступлению делает его подозреваемым в мнении следователя, т.е. лицо становится подозреваемым лишь в китейском смысле этого слова. Возникшее у следователя подозрение еще не порождает процессуальной фигуры подозреваемого.

Для того, чтобы какое-либо лицо стало участником процесса, органы, ведущие процесс, должны произвести определенные процессуальные действия. Так, наличие доказательств, достаточных для вынесения постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого еще не превращает его в обвиняемого. Обвиняемым является лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого /ч.1 ст.95 УПК Латв.ССР/. То же самое можно сказать и о появлении в деле потерпевшего как участника процесса /ч.1 и 2 ст. 100 УПК Латв.ССР/. Необходимым условием его появления в процессе является наличие вынесенного постановления /определения/ о признании данного лица потерпевшим.

Если появление в деле обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика уголовно-процессуальный закон связывает с вынесением соответствующего постановления /определения/, то в отношении подозреваемого предусмотрен другой порядок. По УПК Латвийской ССР лицо становится подозреваемым, если к нему применено задержание /ст. 120 УПК Латв.ССР/ или применена мера пресечения до предъявления ему обвинения /ст.70 УПК Латв.ССР/.

Иными словами, подозреваемый появляется в уголовном процессе только в том случае, если, имеются фактические данные, свидетельствующие о причастности его к совершенному преступлению, но недостаточные для вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и, кроме того, к нему применены задержание /ст. 120 УПК Латв.ССР/ или мера пресечения до предъявления обвинения /ст.70 УПК Латв.ССР/.

В юридической литературе высказывается мнение, что подозреваемый может появиться только в стадии предварительного расследования.¹ Вряд ли с таким взглядом можно согла-

¹ Строгович И.С. Курс советского уголовного процесса, т. I М., 1968, стр.238; Баженов С.П., Матвиенко Б.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе, Минск, 1968, стр.35; Научно-практический комментарий уголовно-процессуального кодекса РСФСР, под ред. Смирнова Л.Н., М., 1970, стр. 80

ситься. Представляется более убедительной позиция В.Н. Шпилева, который считает, что подозреваемый может появиться не только в стадии предварительного расследования, но и в некоторых других стадиях. Судебно-следственной практике известны случаи задержания подозреваемого в порядке ст. 120 УПК Латв.ССР и в стадии возбуждения уголовного дела. При постановлении приговора суд вправе возбудить уголовное дело и избрать меру пресечения к лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело /ст. 257 УПК Латв.ССР/. Таким образом, подозреваемый может появиться не только в стадии предварительного расследования, но также в стадиях возбуждения уголовного дела судебного разбирательства. Поэтому, на наш взгляд, статья, посвященная подозреваемому, должна быть включена в главу XI УПК Латв. ССР "Участники процесса, их права и обязанности", а не в главу "Дознание".

Появление подозреваемого в каждой из названных стадий процесса имеет свои особенности. Каковы эти особенности покажут будущие исследования в этой области. В настоящей статье мы обращаемся лишь к некоторым вопросам появления подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела.

Во многих отношениях спорным до сих пор остается вопрос, связанный с определением начального момента задержания, а в конечном счете связанный с исчислением сроков задержания. В соответствии со ст.122 УПК Латв. ССР максимальный срок задержания составляет 72 часа. При этом орган дознания должен в течение 24 часов с момента задержания сообщить прокурору о произведенном задержании. Существенным пробелом действующего законодательства является то, что оно не содержит каких-либо указаний на исчисление начального момента задержания.

¹ Шпилев В.П. Участники уголовного процесса, изд. БГУ им. В.И. Ленина, Минск, 1970, стр. 88-89

В процессуальной литературе по этому вопросу нет единства мнений. Некоторые процессуалисты считают, что этот срок должен исчисляться с момента фактического задержания.¹

Существуют и другие точки зрения: одни авторы начальным моментом задержания считают доставку подозреваемого в органы внутренних дел², другие - начальным моментом задержания считают составление протокола задержания, третьи - таким исходным моментом называют водворение подозреваемого в камеру предварительного заключения.⁴ Свообразную позицию в этом вопросе занимает А.Чувилев, который сделал попытку разграничить административное и процессуальное задержание. А.Чувилев считает, что исчисление срока задержания зависит от того, имело ли место задержание по указанию лица, производящего расследование по делу, или же оно произведено работником милиции, установившим признаки преступления при осуществлении функций по охране общественного порядка. В последнем случае, по мнению А.Чувилева, действия работников милиции /постовых милиционеров, работников ГАИ, патрульных подразделений/ не носят процессуального характера, т.к. данные работники в своей деятельности руководствуются нормами административного права.⁵

-
- 1 Мариупольский Л. Некоторые правовые вопросы института задержания, Труды ВШ МВД СССР, вып. 3, 1958, стр. 99; В.А.Стремовский, Участники предварительного следствия, Ростов, 1966, стр. 96; Галкин И.С., Кочетов В.Г. Процессуальное положение подозреваемого, М., 1968, стр. 31
- 2 Шатило К.Д. Процессуальные основания и порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений. "Вопросы криминалистики", № 8-9, 1963, стр. 126
- 3 Векешко С.П., Матвиенко Е.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе, Минск, 1969, стр. 101
- 4 Морозов В.С. Обеспечение законности в деятельности милиции по задержанию подозреваемых в совершении преступления. Республиканская межвузовская научная конференция. Тезисы докладов, Львов, 1967, стр. 259
- 5 Чувилев А.А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе. Кандидатская диссертация, М., 1968, стр. 104

Рассуждения А.А.Чувилева сводятся к тому, что при задержании подозреваемого исчисление сроков задержания производится двояким способом, при котором определяющее значение имеет должностное и процессуальное положение лица, которое осуществило фактическое задержание. Подобные предложения об исчислении сроков задержания не основаны на законе и на практике могут привести к необоснованному увеличению сроков задержания.

Правильное решение указанного вопроса, на наш взгляд, связано с уяснением механизма процесса задержания. Задержание как процессуальное действие состоит из ряда следующих друг за другом действий: захват /фактическое задержание / подозреваемого, доставление его в органы предварительного расследования/ обычно в органы внутренних дел/, составление протокола задержания и, наконец, водворение в КПЗ. Промежуток времени между начальным и конечным этапами может быть значительным в силу целого ряда обстоятельств, например, при доставлении задержанного в районный центр. Если исчислять время задержания с момента доставления лица в орган внутренних дел или даже с момента составления протокола задержания или, наконец, с момента водворения в КПЗ, срок задержания соответственно значительно возрастает. Это может привести к тому, что фактическое ограничение свободы подозреваемого лица превзойдет предусмотренный законом максимальный срок - 72 часа.

Поэтому, на наш взгляд, если фактическое задержание /захват/ произведено прокурором, следователем, лицом, производящим дознание или любым другим штатным сотрудником органов внутренних дел, исчисление срока процессуального задержания должно начинаться с момента фактического ограничения свободы лица. Иное решение данного вопроса может привести к необоснованному ущемлению прав и законных интересов советских граждан.

Свои особенности имеет задержание граждан, производимое членами добровольных народных дружин. Согласно ст. 2 раздела IV "Положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка", действующего на территории Латвийской ССР, члены ДНД имеют право "доставлять в случаях необходимости граждан, нарушающих общественный порядок, в штаб дружины, милицию, в ближайшие сельский и поселковый Совести". Задержание, производимое членами ДНД, по своему характеру является мерой общественного воздействия на нарушителя общественного порядка. Такое задержание граждан нельзя отождествлять с уголовно-процессуальным задержанием. Члены ДНД; как правило, имеют дело с лицами-нарушителями общественного порядка, к которым в дальнейшем применяются меры административно-правового или общественного воздействия. В случае задержания лица, совершившего преступление, члены ДНД должны немедленно известить орган внутренних дел о произведенном задержании или доставить немедленно задержанного в орган внутренних дел. Только работники органов внутренних дел, наделенные правом производства дознания, могут решить вопрос о применении или неприменении к лицам, доставленным членами ДНД, задержания в порядке ст. 120 УПК Латв.ССР. В таких случаях, на наш взгляд, сроки задержания должны исчисляться с момента доставления правонарушителя в орган внутренних дел или с момента передачи его сотруднику этого органа /например, в штабе ДНД, на улице/.

Аналогично должен быть исчислен начальный момент срока задержания при задержании правонарушителя гражданами, не являющимися членами ДНД.

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, регламентирующих права и обязанности граждан, задерживающих лиц в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения. Представляется правильным решение этого вопроса в ряде социалистических стран Европы. Так, в УПК Германской Демократической Республики

/1968 г./ в. ч. I § 125 установлено: "Если кто-либо пойман на месте преступления или при попытке скрыться с места преступления, то любое лицо вправе временно задержать его без приказа судьи об аресте, если он подозревается в побеге или его личность не может быть немедленно удостоверена."

Более детально этот вопрос решен в УПК Польской Народной Республики /1950 г./ и УПК Чехословацкой Социалистической Республики /1961 г./. В части 2 § 76 УПК ЧССР также предусмотрено право любого гражданина задержать лицо, застигнутое на месте преступления, если это необходимо для установления личности задержанного, предотвращения побега или получения доказательств. Но он обязан немедленно доставить задержанного прокурору, органу следствия или органу Национальной безопасности. Однако, если задержанного доставить невозможно, задержавший обязан немедленно сообщить о задержании одному из перечисленных органов. В части 3 того же § 76 определено как должен действовать орган государственной власти в случаях доставления гражданами лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Следовало бы ввести и в наше уголовно-процессуальное законодательство соответствующую норму, регламентирующую права и обязанности граждан при задержании лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Не решенным в процессуальной литературе и вызывающим затруднения в следственной практике, является вопрос о задержании подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела. В практической деятельности органов дознания и следствия имеют место случаи задержания подозреваемого до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Это связано с тем, что лицо задерживается в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения работниками органов внутренних дел при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка.

В процессуальной литературе нет единого мнения по этому вопросу. Еще до принятия Основ 1958 г. и УПК союзных республик Р.Д.Рахунов писал, что постановление о возбуждении уголовного дела только санкционирует уже начатое дело, если этому предшествовало задержание лица.¹

М.С.Строгович отодвигал составление протокола задержания до возбуждения уголовного дела с фактическим возбуждением уголовного дела.²

Принятые в 1958 году Основы, а в последующем и УПК союзных республик, не предусматривают возможность задержания подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела. В.А.Иванов, комментируя ст. 122 УПК РСФСР, пишет, что "задержание возможно не только после, но и до возбуждения уголовного дела".³ Н.В.Жогин и Ф.Н.Фаткуллин считают, что ныне действующий закон не допускает возможности задержания подозреваемого до возбуждения уголовного дела и поэтому предлагают внести в закон соответствующие изменения, допустив в порядке исключения задержание и сопутствующие ему следственные действия/освидетельствование и личный обыск/ до возбуждения уголовного дела.⁴

Можно согласиться с Н.В. Жогиним и Ф.Н.Фаткуллиным в той части, что этот вопрос должен быть решен законодательным путем. Однако, если пойти по пути, предложенному названными авторами, то окажется, что до возбуждения уголовного дела и без его последующего возбуждения, в стадии

¹ Рахунов Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе, М., 1954, стр. 68-69.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 266.

³ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. 1960 г., Л., 1962, стр. 123.

⁴ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965, стр. 23-24.

возбуждения уголовного дела будет производиться целый комплекс следственных действий. Эти действия, в свою очередь, могут создать необходимость произвести ряд других следственных действий / обыск, допрос и др./ . Данная позиция представляется непоследовательной, не способной внести ясность в рассматриваемый вопрос.

Задержание самым непосредственным образом затрагивает права и законные интересы граждан. Если к лицу применено задержание, то такое лицо уже является подозреваемым. Подозреваемый должен быть допрошен в течение 24-х часов с момента задержания /ст. 123 УПК Латв.ССР/. Показания подозреваемого являются не только источником доказательств, но и средством защиты против выдвинутого подозрения. Фактически показания подозреваемого после его задержания являются единственным средством, с помощью которого задержанное лицо может защитить себя от выдвинутого подозрения. При отсутствии возбужденного уголовного дела не может состояться и допрос подозреваемого.

При этом нельзя забывать и моральную сторону этого вопроса. Задержание затрагивает не только права и законные интересы подозреваемого, но и создает определенное мнение в окружающем данное лицо производственном коллективе и семье подозреваемого. Если подозрения отпали и задержание признано необоснованным, то в стадии возбуждения уголовного дела практически невозможно реабилитировать данное лицо. Только при прекращении уголовного дела /полностью или в части/ ранее задержанное лицо может быть полностью реабилитировано и получить официальный документ с указанием оснований прекращения дела /п.5 ст.212 УПК Латв.ССР/.

Опасения, что в таком случае увеличилось бы число прекращенных уголовных дел, не может поколебать отстаиваемую нами позицию, которая не допускает оставление граждан в неопределенном положении.

На наш взгляд, необходимо дополнить ст. 120 УПК Латв. ССР следующей частью: "В случаях, не терпящих отлагательства, задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, может быть произведено до возбуждения уголовного дела. В этих случаях уголовное дело возбуждается немедленно после задержания лица, подозреваемого в совершении преступления". Таковым, как представляется, должно быть решение рассмотренных нами, наиболее острых и спорных вопросов задержания подозреваемого в советском уголовном процессе.

Р. Домбровский

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В разные периоды полувековой истории советской криминалистики в отношении ее предмета высказывались различные взгляды. При всем разнообразии подходов к определению предмета науки все авторы едины в одном: криминалистика как наука имеет дело с определенными приемами и методами расследования преступлений. В последние годы с несколько иных позиций и определении предмета науки подходит Р.С. Белкин, считающий, что предметом криминалистики являются не только приемы и методы расследования преступлений, но и определенные закономерности на которых основаны эти приемы и методы.

Понятия "прием" и "метод" прочно вошли в криминалистическую литературу и обычно не сопровождаются какими-либо пояснениями. Однако, как можно судить по отдельным высказываниям, этим понятиям придается два значения. В одних случаях под понятием "прием" понимают отдельное действие, элемент какого-либо процесса, работы, деятельности¹, либо наиболее целесообразную в данных условиях линию поведения лица, осуществляющего процессуальное действие;² таковыми, например, являются приемы, применяемые для отыскания на месте происшествия невидимых пальцевых отпечатков или даже совокупность действий, как-то последовательность предъявления доказательств при допросе обвиняемого с целью получить правдивые показания. В этом значении понятие "прием" означает практическую деятельность или ее отдельные элементы.

¹ Колпаков В.П. О теоретических основах систематизации методов, приемов и средств советской криминалистики, "Правоведение", 1965, № 4, стр. 118.

² Белкин Р.С. Предмет, система, задачи и методы советской криминалистики, Криминалистическая экспертиза, вып. I, М., 1966, стр. 9.

В других случаях под понятие "прием" понимает какое-то правило, рекомендацию т.е. не само практическое действие, а его мысленную, идеальную модель. "Тактический прием, - пишет А.Н.Васильев, - это научная рекомендация ..."¹

То же самое можно сказать и о понятии "метод", которое "включает в себя систему приемов"², и которое также имеет два значения. "Метод - это форма теоретического и практического освоения действительности... Иными словами, метод - это путь, способ научного исследования и практического действия", - отмечает Г.В.Платонов.³

Приемы и методы в своей совокупности составляют соответственно криминалистическую технику, криминалистическую тактику и криминалистическую методiku. Поскольку понятия "прием" и "метод" имеют два значения, постольку и понятия "криминалистическая техника", "криминалистическая тактика" и "криминалистическая методика" также имеют два значения: этими понятиями обозначаются как практические действия, практическая деятельность так и совокупность научных положений, составляющих раздел науки криминалистики.

"Под криминалистической техникой, - пишет В.Я.Колдин, - понимается раздел советской криминалистики, разрабатывающий научно-технические приемы и средства расследования и предупреждения преступлений. Под криминалистической техникой понимается также и совокупность самих научно-технических приемов и средств".⁴ Эта мысль высказывается многими

¹ Васильев А.Н. Следственная тактика /общие положения/, Криминалистика, под ред. А.Н.Васильева, изд. МГУ, 1971, стр. 251.

² Колмаков В.П. указ. работа, стр. 118.

³ Сб. "Марксистско-ленинская философия как методология общественных и естественных наук", изд. МГУ, 1972, стр. 26.

⁴ Колдин В.Я. Криминалистическая техника /общие положения/, Криминалистика, под ред. А.Н.Васильева, изд. МГУ, 1963, стр. 22.

криминалистами¹. Таким образом, криминалистическая техника — это совокупность физических действий, практических приемов и, во-вторых, — это раздел науки, система правил применения научно-технических средств, мысленная модель практического действия, руководство к действию.

То же самое можно сказать и о криминалистической тактике. Чаще применяют понятие "криминалистическая тактика" в значении раздела науки как системы научных положений, но некоторые авторы специально подчеркивают и другое значение понятия "криминалистическая тактика". Так М.П.Шаламов рассматривает тактику как практическую деятельность², а Г.Г. Зуйков обращает внимание на то, что следует различать тактику как форму практической деятельности и тактику как раздел науки криминалистики, изучавшей эту сторону практической деятельности.³

Криминалистическая методика является совокупностью научно-технических и тактических приемов применительно к отдельным видам преступлений, т.е. также представляет собой как совокупность практических действий, осуществляемых в процессе расследования, так и систему научных положений, раздел науки.

Исходя из двойного значения понятий "криминалистическая техника", "криминалистическая тактика" и "криминалистическая методика" следует прийти к выводу, что понятием "криминалистика" также обозначается не только определенная

¹ Крылов И.Ф. Криминалистическая техника и ее предмет. Тезисы докладов на межвузовской конференции по криминалистике 20-22 декабря 1960, М., 1960, стр.1 Н.А.Селиванов, Научно-технические средства расследования преступлений, докторская диссертация, т.1, М., 1965, стр.19-20.

Белкин Р.С. Предмет, система и задачи советской криминалистики, Криминалистика, т.1, под ред. Р.С.Белкина и Г.Г.Зуйкова, М., 1969, стр.10-11.

² Шаламов М.П. Следственная тактика/общие положения/, Криминалистика, под ред. С.П.Митричева и М.П.Шаламова, "Юридическая литература", М., 1966, стр. 276.

³ Зуйков Г.Г. Понятие и сущность криминалистической тактики, Криминалистика, т.2, под ред. Р.С.Белкина и Г.Г.Зуйкова, М., 1970, стр.8.

область знания, наука, но и определенная практическая деятельность. Обычно в специальной литературе понятие "криминалистика" рассматривается лишь в одном значении, в значении науки, которая изучает технические и тактические приемы и методы как формы практической деятельности. Но если существуют определенные криминалистические приемы /в значении практической деятельности/, то в своей совокупности эти приемы составляют определенную деятельность. Любая деятельность, с точки зрения ее структуры, представляет собой совокупность отдельных приемов, отдельных действий. "Совокупность действий, которые объединены общей целью и выполняют определенную общественную функцию, составляют деятельность"¹

Таким образом, по моему мнению, криминалистика как практическая деятельность может определяться или посредством понятий "прием" и "метод" или посредством понятия "деятельность". Все зависит от того, в какой плоскости, в каком плане рассматривать криминалистику как практическую деятельность. При рассмотрении криминалистики изолированно от других видов деятельности, с точки зрения ее структуры, криминалистика может быть определена как совокупность определенных действий - научно-технических и тактических приемов и методов расследования преступлений. Но если соотносить криминалистику с другими видами деятельности в сфере борьбы с преступностью, если соотносить ее с процессуальной или оперативно-розыскной деятельностью, то здесь уже следует отвлечься от ее структуры и рассматривать криминалистику как нечто целое и единое, как определенный вид практической деятельности, отличный от других видов деятельности. Чтобы быть последовательным, необходимо дать название для этой деятельности. Вполне логично рассматриваемую дея-

¹ Психология под ред. А.Г.Ковалева, А.А.Степанова, С.Н.Шабалина, "Просвещение", М., 1966, стр. 426.

тельность именовать криминалистической деятельностью.

Изложенное означает, что понятия "криминалистика" и "криминалистическая деятельность" в одном отношении тождественны, этими понятиями обозначается определенный вид практической деятельности. Но в то же время понятие "криминалистика" шире понятия "криминалистическая деятельность", ибо понятие "криминалистика" имеет значение не только практической деятельности, но имеет и второе значение - значение науки. Аналогичное положение складывается при анализе понятий "уголовный процесс" и "уголовно-процессуальная деятельность".

Введение понятия "криминалистическая деятельность" вызвано следующими соображениями. В настоящее время практическая деятельность по расследованию преступлений в процессуальной и криминалистической литературе рассматривается как процессуальная деятельность, иными словами, понятия "деятельность по расследованию преступлений" и "процессуальная деятельность" рассматриваются как абсолютно тождественные. При этом криминалистические приемы и методы рассматриваются как часть, как элементы процессуальной деятельности. Например, С.В. Бородин пишет, что "многие тактические и методические рекомендации криминалистики являются детализацией следственных и судебных действий, регламентированных уголовно-процессуальным правом".¹ По мнению М.С. Строговича тактические приемы и методы расследования составляют продолжение или специальный курс уголовного процесса".² В работах криминалистов высказывается та же мысль. Криминалистика как наука, - отмечает А.Н. Васильев, - "как бы дополняет и развивает процессуальные положения, своеобразно восполняет промежутки между предусмотренными законом основ-

¹ Бородин С.В. Сущность и задачи советского уголовного процесса, Уголовный процесс, под ред. Б.А. Викторова, "Юридическая литература", М., 1970, стр. 24.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, "Наука", т.1, М., 1968, стр. 102.

ными чертами - этапами того или иного следственного действия, создавая тем самым цельный процесс его производства".¹ С.П. Митричев также указывает на то, что положения криминалистики "являются составной частью уголовно-процессуальной деятельности".²

В данном случае мы отвлекаемся от того, что некоторые авторы не проводят различия между определенными практическими действиями и правилами проведения этих действий, положениями науки т.е. мыслительным материалом. На наш взгляд, нельзя сопоставлять рекомендации криминалистики и процессуальные действия как это делает С.В. Бородин, т.к. сопоставлять между собой можно лишь одни действия с другими действиями или положениями одной науки с положениями другой науки.

Представляется, что приведенное выше соотношение криминалистики и уголовного процесса не является убедительным. Если вся деятельность по расследованию преступлений является процессуальной, то на каком основании отдельные приемы, составляющие эту деятельность, именуется криминалистическими, а другие - процессуальными? Такое соотношение криминалистики и уголовного процесса является результатом того, что уголовный процесс определяется обычно посредством понятия "деятельность", а криминалистика - посредством понятия "прием". Чтобы устранить указанное противоречие необходимо оба понятия "криминалистика" и "уголовный процесс" при их сопоставлении "привести к общему знаменателю", т.е. сделать их в каком-то отношении сопоставимыми. Это по существу и делают те авторы, которые сопоставляют криминалистику и уголовный процесс. В частности, М.С. Строгович при сопоставле-

¹ Васильев А.Н. Введение в курс советской криминалистики, Криминалистика, под ред. А.Н. Васильева, изд. МГУ, 1963, стр. 6.

² Митричев С.П. Предмет и задачи советской криминалистики, Криминалистика, под ред. С.П. Митричева и М.П. Шаламова, "Юридическая литература" М., 1963, стр. 9.

нии криминалистики и уголовного процесса говорит о процессуальных и криминалистических приемах.¹ Общим понятием, позволяющим сопоставить криминалистику и уголовный процесс здесь является понятие "прием". Таким же образом поступают и другие авторы и сопоставляют между собой процессуальные и криминалистические приемы.²

На наш взгляд, таким общим знаменателем, позволяющим сопоставить между собой криминалистику и уголовный процесс должно быть понятие "деятельность", т.е. криминалистика и уголовный процесс при их сопоставлении должны рассматриваться как различные виды деятельности.

Отсюда следует признать, что понятие "деятельность" по расследованию преступлений не равнозначно понятию "процессуальная деятельность", первое из них значительно шире и включает в себя различные виды деятельности, в том числе и процессуальную и криминалистическую. Однако, было бы неправильным представлять деятельность по расследованию преступлений как механическое соединение, как сумму отдельных друг от друга, различных видов деятельности.

Более точно выдвигаемое нами положение можно выразить следующим образом: различные виды деятельности - процессуальная, криминалистическая, оперативно-розыскная /в той ее части, которая направлена на раскрытие совершенного преступления/ и другие являются лишь аспектами, сторонами, формами проявления единой деятельности по расследованию преступлений.

Каждая вещь, каждое явление, учит диалектика, обладает многими свойствами. В языке эти свойства выражаются прилагательными. Прилагательные "процессуальная", "криминалистическая", "оперативно-розыскная" относятся к одному

¹ Строгович М.С. Предмет криминалистики и ее соотношение с уголовным процессом, "Труды Военно-юридической академии Красной Армии", Ашхабад, 1942, стр. 20.

² Шавер Б. Предмет и метод советской криминалистики, "Социалистическая законность", 1938, № 6, стр. 66 и послед.
Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия, М., 1971, стр. 64.

и тому же - деятельности по расследованию преступлений. А свойство, в соответствии с диалектикой, проявляется в отношении. Это значит, что деятельность по расследованию преступлений в одном отношении является процессуальной, в другом - криминалистической, в третьем - оперативно-розыскной и т.д. Все зависит от того, в каком аспекте, в каком отношении рассматривается деятельность по расследованию преступлений. На наш взгляд, вполне допустимо говорить о процессуальной, криминалистической, оперативно-розыскной, этической, психологической деятельности в сфере борьбы с преступностью, но с известной долей условности, т.к. в "чистом" виде, отдельно и самостоятельно не существует ни одного из названных видов деятельности. Существует одна единая деятельность по расследованию преступлений, лишь мысленно она расчленяется на различного рода деятельности.

В свое время Б.М.Шавер различал в расследовании правовые, т.е. процессуальные, и неправовые, т.е. криминалистические, приемы расследования.¹ Эта точка зрения не была воспринята другими криминалистами. Нежизненность этого воззрения заключается в том, что Б.М.Шавер предварительное расследование представлял себе как механическое соединение различных приемов расследования. Н.А.Якубович также различает процессуальные и криминалистические приемы расследования, однако, по сравнению с Б.М.Шавером, она делает определенный шаг вперед, она не рассматривает криминалистические и процессуальные приемы как отдельные, стоящие рядом. Н.А.Якубович процессуальные и криминалистические приемы рассма-

¹ Шавер Б. Предмет и метод советской криминалистики, "Социалистическая законность", 1938, № 6, стр. 67.

тривает как различные стороны одного и того же следственного действия¹, т.е. с одной стороны следственное действие выступает как криминалистический прием, с другой — как процессуальный. В принципе такое подразделение верно.

В соответствии с отстаиваемой нами точкой зрения, следует сопоставлять не криминалистические и процессуальные приемы, а совокупности этих приемов — криминалистическую и процессуальную деятельности как стороны, аспекты единой деятельности по расследованию преступлений.

В неразвитом виде подобные мысли можно встретить как в процессуальной так и криминалистической литературе. Применительно к стадии предварительного расследования М.С.Строгович в своем "Курсе советского уголовного процесса" пишет, что он ограничивается рассмотрением лишь процессуальных аспектов ведения следствия и указывает на то, что криминалистические аспекты он не затрагивает.² Еще более точно эту же мысль выразил А.А.Эйسمан, который отмечает: "Расследование преступлений представляет многогранную и сложную деятельность, которую приходится изучать в разных аспектах".³ Далее А.А.Эйسمан пишет, что процесс расследования изучается под различными углами и криминалистикой и процессуальной наукой.

¹ Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия, М., 1971, стр. 66. В этой работе Н.А.Якубович допускает неточность и сопоставляет процессуальные правила и криминалистические приемы. Параграф 3 второй главы так и назван "Соотношение процессуальных правил и криминалистических приемов расследования". Однако уже в тексте она исправляет эту ошибку и пишет о соотношении процессуальных и криминалистических приемов расследования /стр. 64/.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т.2, изд. "Наука", 1970, стр. 100.

³ Эйسمан А.А. Проблемы логики следствия, Проблемы криминалистики. Тезисы докладов научной конференции /Харьков, май 1969 г./, М., 1969, стр. 19.

С этих позиций представляется неправильным утверждение о том, что уголовный процесс изучается с разных сторон и разными науками, в том числе и криминалистикой.¹ С разных сторон и разными науками изучается не уголовный процесс, а деятельность по расследованию преступлений. Уголовный процесс - лишь одна из сторон, один из аспектов этой деятельности. Выражаясь философским языком, деятельность по расследованию преступлений является субстанцией, основой, а все вышеназванные виды деятельности суть формы ее проявления. Вне этих форм проявления деятельность по расследованию преступлений ничто, пустая абстракция.

Изложенное позволяет взглянуть на деятельность по расследованию преступлений в ином плане. Расследование преступлений теперь выступает как одна из областей общественной жизни, как совокупность общественных отношений: уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, нравственных, психологических и некоторых других.

Расследование преступлений, рассматриваемое в одном отношении, является криминалистикой, в другом - уголовным процессом и т.д., т.е. криминалистика является совокупностью общественных отношений, уголовный процесс - совокупность других общественных отношений и т.д.

Постановка вопроса в такой плоскости предполагает, что, во-первых, расследование преступлений представляет собой совокупность общественных отношений /как правовых так и неправовых/ и что, во-вторых, каждая область однородных общественных отношений изучается определенной областью знания, в частности, науками уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной этики, судебной психологии.

¹ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания, М., 1969, стр. 8.

Применительно к одним наукам это положение никем не оспаривается. К предмету науки уголовного процесса относят определенную область общественных /уголовно-процессуальных/ отношений. Что касается других наук, то указание на то, что данная наука изучает определенную область отношений; можно найти не во многих высказываниях. Но мысль о том, что та или иная наука в сфере борьбы с преступностью изучает определенную область отношений, все более проникает в сознание ученых.

А.В. Дулов, обращаясь к предмету судебной психологии, предметом науки называет психические отношения.¹

Л.Д. Кокорев предпринял интересную попытку исследовать нравственные отношения применительно к процессуальной деятельности. Эти отношения он отнес к уголовно-процессуальным отношениям.² В рецензии на книгу Л.Д. Кокорева В.И. Каминская, по нашему мнению, совершенно справедливо упрекает автора за то, что он нравственные отношения отождествил с процессуальными, придал им правовой характер.³

¹ Дулов А.В. Введение в судебную психологию, изд. "Юридическая литература", М., 1970, стр. 55. Дулов А.В. к предмету науки относит как психические явления, так и психические отношения. Подобное "удвоение" предмета науки неправомерно, т.к. указание на психологические отношения предполагает и психические явления, различия между ними в степени углубления в предмет науки. Следует отметить, что более правильно эти отношения именовать психологическими, как это делают советские философы применительно к науке социальной психологии, см. Е.С. Кузьмин, Основы социальной психологии, изд. ЛГУ, 1967. Судебная психология как разновидность социальной психологии изучает психологические отношения.

² Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971.

³ Каминская В. Рецензия на работу Л.Д. Кокорева, "Социалистическая законность", 1972, № 1, стр. 92.

Следует признать правильной мысль о том, что нравственные отношения, возникающие в сфере борьбы с преступностью, не являются правовыми. Эти отношения, как и другие отношения в рассматриваемой сфере, относительно самостоятельны и должны, как представляется, составить предмет науки судебной этики.

Применительно к оперативно-розыскной деятельности также сделана попытка обосновать наличие особых, оперативно-розыскных отношений. Об оперативно-розыскных отношениях пишут А.Ф.Возный¹, а также В.К.Стальгевич.² На наш взгляд, такой подход к определению предмета науки оперативно-розыскной деятельности как науки перспективен. Другое дело насколько правомерно оперативно-розыскные отношения относить к правовым отношениям, как это делают некоторые авторы. Повидимому этот вопрос еще подлежит обсуждению.

Приведенные высказывания характерны одним: общепризнанное положение исторического материализма о том, что каждая наука изучает определенную область отношений, постепенно проникает в сферу наук, изучающих борьбу с преступностью,

Столь же логично признать и наличие такой области общественных отношений как криминалистические отношения. Понятие "криминалистические отношения" неизвестно нашей литературе, хотя вопрос в такой плоскости впервые был поставлен еще в 1938 году Б.М.Шавером, который высказал мысль о том, что криминалистика изучает определенную область отношений. В расследовании преступлений он различал правовые и неправовые отношения, последние он относил к криминалистике.³ Б.М.Шавер в дальнейшем не возвращался к этой мысли и не развил далее выдвинутой им идеи об определенных отношениях, изучаемых криминалистикой.

¹ Возный А.Ф. Оперативно-розыскная деятельность и уголовно-правовое отношение "Сборник статей адъюнктов и соискателей ВШ МООП СССР" М. 1968, ст.131.

² Стальгевич А.К. Некоторые вопросы общей теории права, "Труды ВШ МВД СССР", вып.28, 1971, стр. 215-216.

³ Шавер Б. Предмет, метод и система советской криминалистики, "Социалистическая законность", 1938, № 6, стр. 67.

А.И. Винберг, исходя из общепринятого положения о том, что каждая общественная наука изучает определенную область общественных отношений, применительно к криминалистике, не без доли сомнения отмечает: криминалистика изучает правовые отношения, в частности, процессуально-правовые, а также частично административные и гражданско-правовые.¹ С А.И. Винбергом можно согласиться в той части, что криминалистика изучает какие-то общественные отношения, но нельзя признать правильным утверждение, что ими являются правоотношения, ибо этим самым нарушается логический строй подразделения наук. Криминалистика только тогда может быть признана самостоятельной наукой, если она изучает определенную область действительности, определенную область общественных отношений, не изучаемых другими науками.

Выдвигаемый тезис о наличии особых, криминалистических отношений может вызвать следующие возражения: общественные отношения всегда являются отношениями между двумя лицами - субъектами этих отношений. Предположим, скажет такой оппонент, что применительно к тактике и методике еще можно говорить о каких-то отношениях между субъектами, но где же эти отношения применительно к разделу криминалистической техника? Ведь в данном случае следователь имеет дело с материальной средой, предметами, могущими быть вещественными доказательствами. Именно таким образом рассуждал в 30-ые годы М.С. Строгович. Процессуальное действие, указывал он, всегда проводится в отношении какого-то лица, а криминалистическое² - в отношении различных следов и вещественных доказательств. Отсюда наука уголовного процесса в 30-ые годы объявлялась правовой, общественной наукой, а криминалистика - технической.

¹ Винберг А.И. Вопросы криминалистики в зарубежных социалистических странах, М., 1968, стр. 16.
² Строгович М.С. Основные вопросы уголовного процесса, сб. "Материалы учебной конференции следователей в прокуратуре Союза ССР", изд. НКД СССР, М., 1937, стр. 27.

Такой взгляд на криминалистику давно уже преодолен. Однако в вопросе о криминалистической технике, как разделе науки, еще остается много неясного. Даже в 50-е и 60-е годы некоторые авторы считали "противоестественным" соединение в одной науке технического и общественного и предлагали разделить криминалистику на две науки - судебную технику как техническую науку и тактику и методику как общественную науку.

Эти предложения вызвали справедливую и серьезную критику, а криминалистика продолжает успешно развиваться в единстве всех ее трех частей, техники, тактики и методики. Это объясняется тем, что так называемое "техническое" отношение само является общественным отношением. Обоснование этому можно найти в ряде работ советских философов, которые пришли к выводу, что технические или технологические отношения являются особой формой общественных отношений.²

Применительно к криминалистике это положение требует более глубокой аргументации, что связано с анализом понятия "общественные отношения".

В работах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина можно найти указания на два вида отношений - внешние и внутренние. Внешние отношения К.Маркс и Ф.Энгельс называли "эмпирическими, реальными", "фактическими отношениями"³. Что означает эмпирическое, фактическое, реальное отношение? Это какое-то действие индивида. Индивид проявляет себя тем, что каким-то образом действует, а "воздействовать - значит уже находиться в отношениях" - писал Г.В.Плеханов.⁵

1 Тарасов-Родионов П.И. Советская криминалистика, "Социалистическая законность", 1951, № 7, М.М. Выдря, М.Н. Дубарский, Место криминалистики в системе юридических наук, сб. "Вопросы советской криминалистики", Алма-Ата, 1959.

2 Волков И.Н. Социология науки, изд. "Политическая литература", М., 1968, стр. 26. О.В. Лармин. О структуре общественных отношений, сб. "Очерки методологии познания общественных явлений", изд. "Мысль", М., 1970, стр. 54 и др.

3 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, стр. 265.

4 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, стр. 336.

5 Плеханов Г.В. Избранные философские сочинения, т. 2, Госполитиздат, М., 1956, стр. 340.

Делая такое чувственно воспринимаемое действие предметом своего мышления теоретик преобразовывает его мысленно в отношение, названное К.Марксом и Ф.Энгельсом эмпирическим, реальным, фактическим отношением. Но теоретик не ограничивается поверхностным взглядом на фактические отношения с которыми он имеет дело на начальном этапе исследования. Теоретическое мышление каждое фактическое, реальное отношение рассматривает как явление и пытается найти связь этого явления с другими явлениями. Этим самым осуществляется переход к внутренним отношениям, устойчивым, необходимым связям между явлениями, постигаемыми как сущность. Эти внутренние, необходимые связи и отношения и являются общественными отношениями, а реальные, фактические отношения - лишь форма проявления их. Общественное отношение, - подчеркивал К.Маркс, - "это не отношение одного индивида к другому",¹ т.е. реальное, фактическое отношение не может быть признано общественным отношением, это лишь форма общественного отношения. При общественном отношении существуют две стороны, которые воздействуют друг на друга.

Индивид и его действие /т.е. фактическое отношение/ - это лишь одна сторона общественного отношения. Для наличия общественного отношения необходимо обратное воздействие второй стороны, что означает: общественное отношение - это отношение между взаимными действиями двух сторон, единство действий двух индивидов. В "Немецкой идеологии" К.Маркс и Ф.Энгельс писали, что "... именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу создало и повсеместно воссоздает существующие отношения".²

В.И. Ленин указывал, что общественные отношения - "продукт деятельности живых личностей",³ "из действий которых и складываются эти отношения".⁴

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т.4, стр. 125.

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т.3, стр. 440.

3 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, стр. 427.

4 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, стр. 424.

Исходя из этого можно подойти к понятию криминалистических отношений.

Применительно к криминалистической технике следует признать, что она как раздел науки изучает не приборы и инструменты, а приемы работы с ними, т.е. определенные действия лица, расследующего преступление, и заключающиеся в обнаружении, фиксации и изъятии материальных следов преступления. Если признать, что криминалистическая техника как раздел науки изучает те или иные приборы т.е. научно-технические средства, то этим самым нужно было бы признать, что предметом этого раздела науки являются те процессы, которые протекают в приборах при их применении. Но криминалистическая техника как раздел науки не изучает, скажем, процессы преобразования невидимых лучей спектра в видимые в электронно-оптическом преобразователе, подобно тому как не изучает те физико-химические процессы, которые протекают в эмульсионном слое фотографического материала под воздействием на него света.

Если рассматривать криминалистическую технику как совокупность приборов и инструментов, то неизбежен вывод: криминалистическая техника как раздел науки, изучая эти приборы, превращается в комплекс естественных и технических наук, на основе достижений которых сконструированы эти приборы. С этим, конечно, нельзя согласиться.

Криминалистическая техника как раздел науки изучает не приборы, инструменты, приспособления, а приемы работы с ними, приемы, именуемые в криминалистике научно-техническими приемами. Но этим предмет раздела науки — криминалистической техники — еще не раскрыт полностью.

Совершение преступления представляет известную физическую деятельность правонарушителя, его взаимодействие с материальной средой. К собственно преступным действиям правонарушителя, составляющим объективную сторону преступления, примы-

карт другие его действия: подготовка к совершению преступления, сокрытие следов и т.п. Налицо определенная деятельность правонарушителя, отобразившаяся в виде различных материальных следов.

Этой деятельности правонарушителя в дальнейшем противостоит деятельность следователя, который по оставленным следам стремится познать личность правонарушителя и его действия. Различного рода материальные следы лишь потому оказываются в сфере внимания следователя, что они являются средством к познанию события прошлого.

Поэтому можно и должно различать, с одной стороны, способы совершения преступления, технику совершения преступления, с другой стороны, научно-технические приемы расследования, технику расследования преступлений. И те и другие действия можно рассматривать как реальные, фактические отношения, как предмет криминалистической техники. Между этими реальными, фактическими отношениями существует определенная связь, определенное общественное отношение, являющееся предметом криминалистической тактики. Отсюда видна неразрывная связь техники и тактики, технические приемы выступают как форма проявления тактики. Какое-то действие следователя, взятое само по себе, является техническим приемом, то же действие по отношению к правонарушителю выступает уже как тактический прием. Не меняет существа дела то обстоятельство, что между действиями правонарушителя и действиями следователя может быть разрыв во времени и отсутствие непосредственного контакта, ибо одна из особенностей общественных отношений состоит в том, что они "не сводятся к непосредственному присутствию индивидов /физическому контакту между ними/"¹.

Это положение помогает, на наш взгляд, уяснить и уточнить предмет криминалистической техники и криминалистической

¹ Плетников В.К. О природе социальной формы движения, изд. изд. МГУ, 1971, стр. 44.

тактики и криминалистики в целом. Распространенная точка зрения об отнесении к предмету криминалистики лишь приемов и методов расследования преступлений т.е. действий следователя или суда страдает тем недостатком, что она оставляет в стороне, в тени вторую взаимодействующую сторону - действия правонарушителя т.е. приемы приготовления к преступлению, способы его совершения и способы его укрытия. В то же время дальнейшее развитие и совершенствование технических и тактических приемов и методов немислимо без изучения и обобщения способов совершения преступлений. Г.Г.Зуйков совершенно справедливо отмечает, что в последние годы незаслуженно забыто изучение способов совершения преступлений. "Криминалистическое значение способа совершения преступления, - отмечает он, - заключается главным образом в том, что на основе его изучения создаются и используются средства, приемы, методы обнаружения, фиксации и исследования доказательств в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений".¹ Высказанная Г.Г.Зуйковым мысль предельно ясна: криминалистическая рекомендация применение того или иного приема всегда связывает с линией поведения лица совершившего преступление или пытавшегося скрыть его следы. Способы совершения преступления, способы его укрытия влекут за собой применение лицом, производящим расследование по делу, определенных приемов расследования.

А.С.Мартирозов, обобщая высказывания И.Н.Якимова, С.А.Голунского, Б.М.Шавера, В.Д.Зотова и других криминалистов по этому вопросу, также приходит к выводу, что "разработка методики расследования преступлений идет от способов их совершения к способам раскрытия".² Следовательно, в конечном итоге криминалистика изучает не только действия

¹ Зуйков Г.Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления, "Труды ВШ МВД СССР", в 15, М., 1967, стр. 57.

² Мартирозов А.С. К вопросу о понятии способа совершения грабежа и разбоя, "Труды Высшей следственной школы МВД СССР", вып. 3, Волгоград, 1970, стр. 116.

правонарушителя и действия следователя, но связывает эти действия между собой, что позволяет в конечном счете определить предмет криминалистики как особые общественные отношения, названные нами криминалистическими.

Нами высказано два суждения относительно предмета криминалистики. В одном случае предметом криминалистики названа криминалистическая деятельность, во втором - криминалистические отношения. Возникает вопрос о соотношении понятий "криминалистическая деятельность" и "криминалистические отношения", другими словами, - что является предметом науки: деятельность или отношения?

Ранее нами было отмечено, что обычно к предмету криминалистики относятся технические и тактические приемы и методы расследования, т.е. то, что нами было обозначено как криминалистическая деятельность. Это положение в целом верно. Однако, как было также показано, такой подход к предмету криминалистики односторонен, ибо он содержит указание лишь на одну из двух взаимодействующих сторон, указывает на действия лица, производящего расследование по делу, но не показывает, почему следователь действует так, а не иначе. Чтобы устранить подобную односторонность, необходимо включить в предмет науки действия и другой стороны, т.е. способы подготовки, совершения и укрытия преступлений.

Чтобы уяснить связь между способами совершения преступлений и способами, приемами их расследования, и то и другое нужно рассматривать как два момента, две стороны одного и того же, чего-то единого.

Эмпирические методы познания здесь уже неприменимы, ибо на эмпирической ступени познания все явления, изучаемые наукой, рассматриваются изолированно, одно после другого. Логический или теоретический метод мышления предполагает рассмотрение явлений в движении, в развитии, в переходе одного явления в другое, каковыми в данном случае являются способы

совершения преступлений и способы их раскрытия. На теоретической ступени познания та же область действительности выступает уже не как действие, деятельность, а как отношение. "Понять объект как совокупность отношений — одно из важнейших требований диалектической логики".¹ Советский философ В.И.Чернов, характеризуя подход К.Маркса к изучению общества, подмечает, что "К.Маркс переплавил общество в общественные отношения для анализа развития общества",² что "посредством понятия отношения Маркс перешел от эмпирической непосредственности к его сущности".³

На эмпирическом уровне исследования криминалистика имеет дело с явлениями — приемами совершения преступлений и приемами их расследования, на теоретическом — центр тяжести перемещается с самих явлений, рассматриваемых ранее изолированно, на связи между ними, на те внутренние, необходимые отношения, посредством которых одно явление переходит в другое. Кажущаяся двойственность предмета криминалистика — деятельность и отношения — получает свое объяснение: на эмпирической ступени научного познания предметом криминалистики является деятельность, на теоретическом уровне — определенная область отношений.

Близкую к выдвигаемой нами точку зрения отстаивает Р.С.Белкин, который к предмету криминалистики относит как приемы расследования и судебного разбирательства преступлений /именуемые им приемами, методиками собирания, исследования, оценки и использования доказательств/, так и закономерности возникновения, обнаружения, исследования, оценки и использования доказательств. В данном случае мы отвлекаемся от того, с какими закономерностями имеет дело криминалистика, т.н. это предмет специального исследования.⁴ Мы обращаем

¹ Чернов В.И. Анализ философских понятий/некоторые вопросы теории/, "Наука", М., 1966, стр. 139.

² Указ. работа, стр. 138.

³ Указ. работа, стр. 137.

⁴ Мы присоединяемся к мнению тех ученых — М.С.Брайнина, М.С. Строговича, А.Н.Висильева и др., что отнесение к предмету

внимание пока что лишь на принципиальную схему теоретического построения, предложенную Р.С.Белкиным. Названные приемы и методы он обозначает категорией "явление", а закономерности - категорией "сущность".¹ Относя к предмету криминалистики и приемы и методы расследования, а также и определенные закономерности, Р.С.Белкин, на наш взгляд, допускает некоторое удвоение предмета науки, т.е. в даваемом криминалистике определении указания на закономерности, т.е. на сущность криминалистики, уже предполагает те явления, между которыми эти закономерности существуют. Следует согласиться с высказываемым в советской философской литературе взглядом, что "определение общества как системы различных видов деятельности людей и определение общества как системы отношений людей по сути дела представляют собой два определения одного и того же объекта".²

Однако то, что к предмету криминалистики Р.С.Белкин относит определенные закономерности - мысль, несомненно заслуживающая внимания. Р.С.Белкин, отстаивая это положение, высказанное еще в 1938 году в самых общих чертах Б.М.Шавером, во многом развил его и доказывает это путем обращения к марксистской диалектике. Понятие предмета науки, - пишет Р.С.Белкин, - должно отражать его сущность, а такой сущностью является закон. Закон - это связь явлений.³ С точки

криминалистики закономерностей возникновения, обнаружения, исследования, оценки и использования доказательств ведет к отождествлению криминалистики и теории доказательств - составной частью науки уголовного процесса является теория доказательств.

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики, М., 1970, стр. 33.

² Приписнов В.И. Законы и деятельность или ... законы деятельности, "Вопросы исторического материализма", Душанбе, 1970, стр. 63.

³ Белкин Р.С. Указ. сочинение, стр. 33.

зрения диалектики здесь все правильно, однако применительно к криминалистике Р.С.Белкин не показывает те явления, отношения между которыми и составляют предмет данной науки, а поэтому правильные в своей основе рассуждения отчасти теряют свою ясность и убедительность.

Отстаиваемая нами точка зрения устраняет этот пробел. Такими явлениями, с которых начинается исследование предмета криминалистики, как было указано, являются способы совершения преступлений, с одной стороны, и способы расследования, с другой. Криминалистика в конечном счете изучает связи между этими явлениями. В этой части наша позиция по существу совпадает с позицией Р.С.Белкина, ибо то, что им названо закономерностями, нами определено, как общественные отношения. И то и другое с позиций диалектики является существенной, необходимой связью, скрытой за явлениями.

Закономерность — более широкая категория, чем общественное отношение / разновидностью которых являются криминалистические отношения/, ибо первая охватывает существенные связи как в природе, так и в обществе, а вторая — применима только к обществу. Поэтому мы отдаем предпочтение второй категории и предметом науки называем определенную область общественных отношений, а не закономерности. Это вполне согласуется при сопоставлении предмета криминалистики с предметом других наук в сфере борьбы с преступностью, т.к. другие науки своим предметом называют определенные общественные отношения. Р.С.Белкин, чтобы согласовать свою позицию с позицией авторов других областей знания, пытается сформулировать определения наук уголовного права, судебной статистики, криминологии, уголовного процесса таким образом, чтобы в эти определения вошло слово "закономерности"¹. Но как бы

¹ Белкин Р.С. указ. работа, стр. 36-40.

ни формулировалось определение науки уголовного права или процесса, ученые, работающие в соответствующих областях знания, предметом данных наук называют все же определенные отношения - правоотношения, а не закономерности.

В заключение необходимо отметить следующее. Мы сознаем, что выдвигаемые нами положения не бесспорны и могут вызвать известные возражения. Со своей стороны отметим, что отстаиваемые нами положения не противоречат существующим воззрениям, они лишь, по нашему мнению, являются непосредственным продолжением существующих взглядов и вызваны стремлением развить далее положения науки криминалистики, обосновать ее теоретические основы и тем самым способствовать искоренению односторонних представлений о криминалистике как исключительно прикладной области знания.

Автор в данном случае не ставил перед собой задачу определить предмет криминалистики, т.е. показать, что это за криминалистические отношения и чем они отличаются от других общественных отношений. Его задача более скромна: определить пути подхода к выявлению предмета данной области знания. Это предполагает дальнейшие исследования, которые позволили бы выявить специфику криминалистических отношений, их отличие от других отношений, а тем самым определить и предмет криминалистики.

Э. Стумбина, доктор юридических наук

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ АДВОКАТУРЫ В ЛАТВИИ

В 1972 г. исполнилось полвека существования советской адвокатуры-органа, призванного охранять права и законные интересы граждан, содействовать укреплению социалистической законности и правопорядка.

Днем создания советской адвокатуры считается 26 мая 1922 г. - день, когда 111 сессия ВЦИК IX созыва утвердила Положение об адвокатуре. Это Положение стало не только законодательной основой адвокатуры в РСФСР, но и послужило образцом для всех других республик. Все Положения об адвокатуре, принятые в нашей стране в последующие годы, повторяли и развивали основные идеи об организации адвокатуры, закрепленные в Положении 1922 г. Но в мае 1922 г., когда было утверждено первое Положение об адвокатуре, советская государственность подходила уже к своей пятой годовщине, к пятой годовщине подходил и советский суд. Значит ли это, что на протяжении четырех с половиной лет в советском суде гражданам не обеспечивалось права иметь защитника по уголовным делам и получать юридическую помощь по гражданским делам? Как могло совместиться такое положение с задачами советского суда, с его демократизмом? Чтобы ответить на этот вопрос, надо сделать небольшой экскурс в историю, перелистав сборники нормативных актов и пожелтевшие страницы архивных дел. И тогда перед нашим взором встанет, если можно так выразиться, "предистория" советской адвокатуры.

Сделать это требует не только долг перед историей советского института защиты, не только долг перед первыми советскими защитниками, но и необходимость правильно оценить некоторые отголоски событий и споров тех далеких дней, которые нет-нет да можно услышать и сегодня, когда решаются как

теоретические, так и практические вопросы организации и деятельности адвокатуры.

В историческом Декрете о суде № I (ст.3), регламентировавшем организацию советской судебной системы, было записано: "Упразднить донинде существовавшие... институты присяжной и частной адвокатуры". Совершенно ясно почему именно так решалась судьба этих институтов: адвокатура являлась составной частью буржуазной судебной системы, которая в ходе социалистической революции должна была быть ликвидирована и заменена новой - вместе со всем аппаратом старой государственной власти.

Однако Декрет о суде № I не ограничился требованием упразднения этих институтов. Упразднив старую форму - институты присяжной и частной адвокатуры, с их совершенно определенной классовой направленностью, он не упразднил защиту в суде как таковую. В той же статье Декрета было записано, что "в роли ... обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам - поверенными, допускаются все неопороченные граждане обоюбого пола, пользующиеся гражданскими правами"¹.

Следовательно, по идее декрета, а среди его авторов, так известно, кроме В.И. Ленина, было еще двое выдающихся юристов - П.Стучка и Ю.Козловский, которые прекрасно знали все отрицательные стороны адвокатуры в царской России, - защита, как и обвинение, подлежали передаче целиком в руки общественности. Безусловно, это было очень демократичное решение вопроса, но неполное, поскольку не была определена организационная форма, в которую институт защиты следовало бы облечь.

¹ Стучка П.И. "Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права", Рига, 1964, стр. 698

Суды стали допускать в качестве защитников и поверенных любого неопороченного гражданина, что на практике привело к тому, что ими являлись, как правило, или дореволюционные активно антисоветски настроенные адвокаты, или различные дельцы, главным стремлением которых было обогащение. Они, по существу, мешали работе судов, подрывали их авторитет.

Таким образом, конкретные исторические условия, острота классовой борьбы, гражданская война, обусловили необходимость изменить форму защиты, чтобы этот институт не мог быть, в частности, "средством агитации против советского строя".¹ Показательно, что речь шла именно об изменении формы, а не об отмене института защиты. Ибо руководители советских органов юстиции прекрасно понимали, что, - как говорил Д.И. Курский, - "человек, который попадает на суд, нуждается в защите, и для всех ясно, что это особенно необходимо в крупном деле, когда предъявляется обвинение со стороны государственной власти и когда обвиняемый лишен возможности сказать что-нибудь, потому, что не имеет защитника. Если существует официальный обвинитель, то нужно быть и защитнику".²

И вот, в марте 1918 г., новая форма была предложена. Декрет о суде № 2 установил, что при Советах депутатов должны быть созданы Коллегии правозаступников. Их членов избирали и отзывали исполкомы Советов, при которых они создавались. Теперь уже в качестве защитников (обвинителей) и поверенных в судах выступали, главным образом, члены коллегий правозаступников. В 1918 г. коллегии правозаступников несколько раз подвергались реорганизации, главным направлением которой являлось более строгое определение круга лиц, имеющих право выступать в суде. В конце концов, этот круг был ограничен только членами "Коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе". Коллегии

¹ Курский Д. И. "Избранные статьи и речи", М., 1948, стр. 65-66.

² Там же, стр. 46.

стали органами должностной защиты. Их члены избирались исполкомами местных Советов, получали равную с народными судьями заработную плату.

Понять сегодня, что особенно волновало Советы и органы судебного управления при определении организационной формы защиты, помогают материалы съездов и совещаний работников юстиции тех лет, материалы обсуждений проектов принимавшихся нормативных актов. Интересны в этом отношении речи Д.И. Курского, в частности, его речь на заседании ВЦИКа, посвященная проекту декрета "О народном суде РСФСР", который был принят 30 ноября 1918 г. Вот что он сказал, характеризуя организацию коллегий правозащитников: "Самым большим вопросом этой организации был вопрос о том, будут ли эти правозащитники советскими работниками или это - старое адвокатское учреждение при советской власти. Опыт были проделаны во многих местах. В Саратове, например, сначала пробовали сконструировать коллегия правозащитников так: Совет выбрал несколько десятков человек, дал им советскую марку, а в остальном предоставил правозащитникам по собственному усмотрению вступать в соглашения с клиентами, ничем не регламентируя эти соглашения. Выяснилось в ближайшее же время, что при такой организации получился старый институт адвокатуры. Правозащитники открыли приемные, стали принимать клиентов, появилась вывеска, и возродилась адвокатура в самой нежелательной форме, туда попали маленькие люди, которые открыли лавочку, и стали торговать правосудием... Если коллегия правозащитников будет правильно организована, она окажет самую существенную помощь народному суду. Правозащитники должны быть помощниками народных судей, должны выяснять все обстоятельства дела... Нормы эти - не плод кабинетного творчества, они подсказаны практикой..."¹

¹ Курский Д.И. "Избранные статьи и речи", М., 1948, стр. 46.

Так развивался институт защиты в РСФСР. В других советских республиках в его развитии были некоторые отличия и особенности.

В Советской Латвии, например, практика строительства советской судебной системы в 1917-18 г.г., отказавшись от институтов присяжной и частной адвокатуры, не восприняла и такого института как коллегии правозаступников.

Коллегии стали создаваться только в 1919 г. после победы советской власти на всей латвийской территории - в Социалистической Советской Республике Латвии. Но и здесь в самый первый период процесса становления судебной системы в декабре 1918- январе 1919 г. не было создано коллегий правозаступников, продолжали действовать, вопреки официальному запрещению, частные поверенные и ходатаи по судебным делам.

Уездные Советы рабочих депутатов считали их деятельность по "торговле правосудием" противозаконной и старались пресечь ее. Меры, принимаемые уездными Советами в этом направлении, хорошо отражает Распоряжение юридического отдела Рижского уездного Совета от 20 февраля 1919 г., в котором, в частности, было записано, что за дачу юридических советов, изготовление за плату прошений, копий и т.д., за публикации в газетах объявлений бывших присяжных и частных поверенных и различных юридических бюро виновные "будут привлекаться к строгой ответственности и преданы рев(олюционному) трибуналу."¹ А в это же время в восточных уездах республики, в частности в Даугавпилском, где Советская власть была установлена раньше, чем в центральных и западных уездах, уже начали создаваться коллегии правозаступников. Уездные Советы рабочих депутатов руководствовались при этом Положением о народном суде РСФСР.

¹ "Известия Социалистического Советского Правительства Латвии", 1919, № 2

Одновременно Комиссариат юстиции ССРЛ, убедившись, что без органа, осуществляющего в суде защиту и представительство сторон, обойтись невозможно, 31 января 1919 г. издал распоряжение о создании на всей территории республики коллегий правозащитников.

Одной из первых коллегий, созданных в соответствии с этим распоряжением, была коллегия правозащитников при исполкоме Совета рабочих депутатов г.Риги и Рижского уезда.¹

В ее состав входило 9 человек.

В основном это были молодые люди - бывшие частные поверенные и студенты-юристы.

Их утверждал исполком Рижского Совета; они состояли на советской государственной службе и получали зарплату, равную, как и в РСФСР, зарплате народного судьи.

Комиссариат юстиции принял постановление о вознаграждении защитников, в котором определялись размеры вознаграждения и устанавливалось, что все деньги, уплачиваемые гражданами за участие защитников в судебных делах и т.д. шли в бюджет республики.²

Рижской коллегией руководил президиум из 4-х человек во главе с председателем.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Латв.ССР удалось найти материалы, показывавшие, как коллегия работала. Каждую неделю происходили заседания, на которых, кроме обязательного утверждения протокола предыдущего заседания коллегии обсуждались различные организационные вопросы и назначались защитники по конкретным уголовным и гражданским делам. Назначенные на этих заседаниях защитники вели уголовные и гражданские дела.

¹ ЦГАОР Латв.ССР, ф. 12, оп. I, д.127

² "Известия Социалистического Советского Правительства Латвии", 1919, № 3

Февраль - начало марта 1919 г. в ССРЛ были наиболее мирным периодом. Тогда особенно энергично шло создание советского госаппарата, в том числе и судебной системы. Одновременно развернулась подготовка к первому республиканскому совещанию работников юстиции, назначенному на 14 марта.

Рижская коллегия правозащитников тоже готовилась к этому совещанию: чуть ли ни ежедневно обсуждала, какие вопросы следует выдвинуть на решение этого совещания. Накануне совещания, 13 марта, Коллегия решила послать на совещание председателя Коллегии и поручить ему, как записано в протоколе, "отстаивать... следующее: право на защиту на предварительном следствии; ... защищать создание коллегий защитников вне Риги, а пока таких нет - право выезжать в другие места членам Рижской коллегии насколько это фактически возможно".¹

Нужно сказать, что перед председателем Коллегии стояла весьма ответственная задача: убедить работников юридических отделов, революционных трибуналов и судов, многие из которых были настроены против создания в ССРЛ коллегий правозащитников, в необходимости повсеместного создания таковых.

Это отрицательное отношение к коллегиям прозвучало и на открывшемся 14 марта совещании: и там раздавались отдельные голоса о ненужности коллегий правозащитников в пролетарском суде, который уже сам по себе является судом, призванным защищать интересы трудящихся.

Председатель Рижской коллегии правозащитников, как ему и было поручено, выступил с сообщением о деятельности коллегии, с весьма подробным объяснением ее задач и функций, а также с предложением о расширении прав.

Эти предложения на совещании работников юстиции были обсуждены, многие неясные и спорные вопросы - выяснены. Совещание приняло предложения Рижской коллегии о разрешении

¹ ЦГАОР Латв.ССР, ф.12, оп.1, д.127, л.л.12-13.

защитникам участвовать в уголовных делах со стадии предварительного следствия; о предоставлении членам коллегий Елгавы, Бауска и Даугавпилса права выступать в тех уездах, где при Советах рабочих депутатов еще не созданы коллегии правозащитников.

Одновременно Рижской коллегии правозащитников было предложено помочь Советам в организации коллегий в других уездах.¹

После совещания уездные юридические отделы и Комиссариат юстиции довольно энергично взялись за создание коллегий правозащитников. К началу мая они были созданы почти во всех уездах республики.

Каковы были функции этих коллегий в СССР, какими делами они занимались?

Коллегии действовали в основном как коллегии защитников, хотя в отдельных случаях их члены выступали и как обвинители. Интересно, что в латышском тексте актов, касающихся этих коллегий, они и назывались " aizstāvju kolēģija " т.е. " коллегия защитников " , а в русском тексте - коллегия правозащитников.

Отчитываясь о своей деятельности за период с 1 по 15 апреля 1919 г. , Рижская коллегия сообщала, что за эти две недели в нее на консультации обратилось 686 человек; 112 из них советы и консультации получили бесплатно; была осуществлена защита по 15 делам (в том числе в народном суде по 7 уголовным и 7 гражданским делам, по 1 - в Комиссариате Труда).²

Члены коллегий могли участвовать и в делах, рассматриваемых революционными трибуналами.

Порядок допуска правозащитников (защитников) участия в делах, рассматриваемых революционными трибуналами, определяли уездные юридические отделы. Обычно правозащитники (за-

¹ ЦГАОР Латв.ССР, ф.12, оп.1, д.127, л. 14

² ЦГАОР Латв. ССР, ф.12, оп.1, д.58, л. 25

щитники) могли участвовать во всех делах, рассматриваемых в открытых заседаниях.

Перечень дел, назначенных в революционных трибуналах к слушанию при открытых дверях, обычно, публиковался в газетах, в частности в газете "Сира", примерно один раз в неделю. После появления публикации обвиняемый мог заявить о своем защитнике, который после этого получал право ознакомиться с обвинительным актом и другими материалами.

Весной 1919 г. защитники участвовали во всех крупнейших процессах, прошедших в революционных трибуналах ССРЛ. В частности, в деле членов белогвардейской вооруженной "самоохраны" г. Елгавы во главе с бароном Д. фон Раппом (31 обвиняемый).¹

В народном суде ограничений для участия защитников вообще не было. Члены коллегий правозащитников (защитники и обвинители) должны были, как и в РСФСР, содействовать суду в наиболее полном исследовании обстоятельств дела, в вынесении справедливых и законных приговоров и решений.

Таким образом, коллегии правозаступников (защитников) в ССРЛ создавались и действовали при исполкомах уездных Советов рабочих депутатов и являлись органами должностной защиты.

Нужно сказать, что в архивных и других материалах нам не встретилось данных, свидетельствующих о том, что организация должностной защиты в ССРЛ себя не оправдывала, была нецелесообразной и т.д. Возможно, что это объясняется тем, что за короткий период ее существования недостатки такой организации еще не проявились достаточно ярко.

Как бы то ни было, коллегии правозаступников (защитников) в ССРЛ были созданы и действовали (в феврале-мае 1919 г. в большинство уездов, а в июне 1919 г. и январе 1920 г. - в восточных уездах) при уездных Советах рабочих депутатов как самостоятельные организации, подчинявшиеся соответ-

¹ ЦГАОР Латв.ССР, ф.12, оп.1, д.67, л.14. Интересно, что одним из членов революционного трибунала, рассматривавшего это дело, был Теодор Нетте.

вущему Совету и одновременно (по принципу двойного подчинения) Комиссариату Юстиции (но не суду, как это было до революции).

Коллегии правозаступников (защитников) не были объединены в отдельную систему, не имели своего общереспубликанского органа управления, помимо системы Советов и Комиссариата Юстиции.

Следовательно, организация института защиты в Советской Латвии (как и в РСФСР и в других советских республиках того периода) строилась на основе принципа организационной самостоятельности и полной независимости от суда. Институт защиты входил в систему органов Советов и по принципу двойного подчинения находился в ведении Комиссариата юстиции.

Институт защиты в советском суде, как таковой, существует с первых дней организации советского суда. На протяжении ряда лет шли поиски лучшей организационной формы этого института. И только в 1922 г. была создана адвокатура как самоуправляющаяся организация. На протяжении 50-ти лет происходит ее дальнейшее совершенствование. Процесс этот будет идти и в дальнейшем: все новые и новые проблемы выдвигает и будет выдвигать жизнь перед теоретиками и практиками адвокатуры, но проблема становления советской адвокатуры, формулирование основных принципов и определение закономерностей ее организации и деятельности не может устареть, потерять своей актуальности.

М.И.Блум
доцент, кандидат юридических
наук

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

I. Вопрос о месте совершения преступления в английском уголовном праве непосредственно связан с более общей проблемой пределов действия английского уголовного права в пространстве.

Четко определить территориальные пределы действия английского уголовного права довольно трудно из-за наличия множественности его источников, его казуистичности, неопределенности и запутанности.

"Английский закон, — писал Ф.Энгельс более ста тридцати лет тому назад, — есть или обычное право (common law), т.е. неписанное право, как оно существовало к тому времени, с которого начали собирать статуты, и позже было собрано юридическими авторитетами (это право, конечно, в главнейших своих статьях неопределенно и сомнительно), или статутное право (statute law), которое состоит из бесконечного ряда отдельных парламентских актов, собиравшихся в течение пятисот лет, которые взаимно себе противоречат и ставят на место "правового состояния" совершенно "бесправное состояние".¹

По мнению Б.С.Никифорова, одного из наиболее компетентных советских ученых в области английского уголовного права, неопределенность и сомнительность английского права, несмотря на издание ряда "консолидированных статутов", стали еще более значительными за последнее время, ибо "интенсивная законодательная деятельность парламента и правотворческая работа судов усложнили картину, нарисованную Энгельсом, десятками и сотнями новых законов и новых прецедентов"², в результате чего "путанная и сложная структура источников английского общего права... обуславливает, наобичайные трудности в деле установления действующей нормы."³

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. II, стр. 587

2. Никифоров Б. Вступительная статья к книге К.Кенни "Основы уголовного права". Изд-во иностранной литературы. М. 1949, с. VI

3. там же, с. VI и VII

В работах других советских ученых также дается весьма четкая характеристика английского уголовного права, показаны его архаичность, казуистичность формулировок, неопределенность содержания, наличие широкого простора для судебного усмотрения, отсутствие в нормах материального права даже формальных буржуазно-правовых гарантий личности от неосновательного привлечения к уголовной ответственности и осуждения.¹

Начиная с конца XIX века в системе источников английского права все более увеличивается удельный вес статутного права, однако до настоящего времени, как отмечает Б.С.Никифоров, судьи всякую неточность в формулировках статутов, как и само молчание закона стремятся истолковать в духе представлений общего права.²

Н.Н.Полинский отмечает две характерные особенности в развитии английского уголовного права. Во-первых, английские суды в деле создания и преобразования права конкурируют с парламентом; путем толкования "общих начал и принципов", они своими решениями изменяют и отменяют постановления законов. Во-вторых, происходит интенсивный процесс "исправления" и дополнения принятого парламентом уголовного законодательства подзаконными актами.³

Для того, чтобы установить территориальные пределы английского уголовного права, необходимо изучить положения общего и статутного права, при этом учитывая тот факт, что они не представляют собой различные системы права, а, наоборот, с трудом отделимы одно от другого, и что, с одной стороны, значительная часть постановлений статутного права полностью или в измененном виде воспроизводит нормы общего права, а, с другой стороны, статутному праву дается судебное толкование. Как указывает Б.С.Никифоров, на основе "чисто статутного" права возникает своеобразное "нео-общее" право и оба эти аспекта правовой нормы - "статутный" и "общий" - начинают затем вести двой-

1. См. П. Пионтковский. Предисловие к книге "Современное зарубежное уголовное право", т. III, Изд-во иностранной литературы, М., 1961, с. 10-12;
2. См. Б. Никифоров. цитир. работа, с. XII
3. См. Н.Н. Полинский. Уголовное право и уголовный суд в Англии. "Юридическая литература", М., 1959, с. 34-35 и 48

ное существование, в одно и то же время взаимосвязанное и раздельное, причем все более раздельное по мере того, как статутный аспект нормы не соответствует новым задачам уголовной политики, а потому статутные нормы подменяются нормами общего права.¹

2. По общему праву Англии (common law) пределы действия английского уголовного права и судебной власти английских уголовных судов определяются принципом территориальности.

Для применения уголовного права Англии территориальный принцип имеет гораздо большее значение, чем для применения уголовного права континентальных стран Европы. Это положение особо подчеркивается английскими авторами.²

Английское право ограничивает рамки уголовного правосудия лишь деяниями, которые совершаются в пределах Англии, т.е. распространяет его на английские территории, на британские морские суда и с некоторыми исключениями на британские самолеты.

Общее право Англии (common law) распространяется только на такие преступления, которые совершены на территории одного из графств Англии или Уэльса, независимо от того, являлись ли совершившие преступления лица британскими подданными или иностранцами, проживали ли они постоянно в Англии или находились в стране временно.

Однако, следует отметить, что фактическое содержание и объем территориального принципа в английском уголовном праве не совпадал с установленной общим правом карательной властью английских судов.

Юрисдикцию общего права (common law) дополняла

1. См. Б. Никифоров. цитиров. работа, с. XVI

2. См. Грэнхут. Английское уголовное право. В кн.: "Современное зарубежное уголовное право", Том третий. Изд-во иностранной литературы. М., 1961, с. 250; P. I. Fitzgerald. Criminal Law and Punishment. Oxford. 1962, p. 164-166; Archbold. Pleading, Evidence and Practice in Criminal Cases. Thirty fourth edition by T. R. Fitzwalter Butler and Marston Garcia. London, 1959, p. 29-30

юрисдикция адмиралтейства (Jurisdiction of the Admiralty)¹ которая предоставляла право специальным английским судам по морским делам (admiralty) преследовать и наказывать за преступления, совершенные на море, что общим правом не было предусмотрено. Эти специальные суды при адмиралтействе (суды по морским делам) были ликвидированы еще в начале XIX столетия.²

Однако, английская уголовно-правовая литература до сих пор пользуется понятием "адмиралтейской юрисдикции"³, ибо она сохранила свое значение как совокупность юрисдикционных норм, которые ограничивают карательную власть английских судов и устанавливают пределы действия английского материального уголовного права. В этом последнем смысле понятие "адмиралтейской юрисдикции" сохранило свое значение.

Без учета положений адмиралтейской юрисдикции невозможно установить пределы действия английского уголовного права. Адмиралтейская юрисдикция распространялась на все преступления, совершенные на борту британского судна, не взирая на национальную принадлежность виновного.⁴

Суды рассматривали в этом отношении британское судно в качестве плавающего острова.

Адмиралтейская юрисдикция распространялась на преступления, совершенные членами команды и пассажирами британского судна, и в том случае, если британское судно находилось не в открытом море, а в чужих территориальных водах. Однако английское правосудие признавало в этих случаях возможность конкурирующей юрисдикции со стороны государства, в

1. см. подробнее об адмиралтейской юрисдикции работу: Lothar Bergmann, *Der Begehungsort im internationalen Strafrecht Deutschlands, Englands und Vereinigten Staaten von America*. Walter de Gruyter und Co. Berlin, 1966, S.56-64.

2. Их деятельность была ограничена еще законом от 1834 года (Cetral Criminal Court Act) и законом от 1844 года (Admiralty Offences Act). Процесс ликвидации был завершен в 1861 году, когда целый ряд консолидационных законов отнесли большинство преступлений, совершенных на море, к компетенции судов общего права.

(см. Halsbury's Statutes of England, 2rd. Edition, Vol.5, p.p. 654, 727, 750, 779, 786)

3. C. Halsbury, *The Laws of England*, by the late Earl of Halsbury. 3rd Edition under the General Editorship of Viscount Simonds. Vol.10, p.319; Archbold, цитир. работа, с.33-34

4. Cm. Halsbury, *Laws*, Vol.10, p.319; Archbold, цитир. работа, с.34

территориальных водах которого находится это судно.¹

В соответствии с положениями адмиралтейской юрисдикции английское уголовное право распространяется на все английские территориальные воды, при этом не имеет значения, совершено ли преступление полностью или частично на борту британского судна и является ли виновный британским подданным или иностранцем.

Таким образом, признавалась неограниченная уголовная юрисдикция прибрежного государства. Однако, как указывает А.Д.Кейлин, декларировалось, что власти прибрежного государства воздерживаются от осуществления уголовной юрисдикции в отношении иностранных торговых судов в тех случаях, когда вмешательство прибрежных властей не вызывается интересами прибрежного государства, когда совершенные на борту иностранного торгового судна деяния не затрагивают интересов прибрежного государства.²

Правовым основанием для такого расширения пределов действия английских уголовных законов явился закон 1878 года (Territorial Waters Jurisdiction Act).³

Изданию этого закона предшествовало судебное дело в отношении Кейна, вызванное происшедшим в 1876 году столкновением между германским и английским судами.

Английское судно от полученных при столкновении пробоин затонуло, вследствие чего погиб один из пассажиров английского судна. Против капитана германского судна Кейна было возбуждено уголовное преследование. Английский уголовный суд большинством голосов не признал себя компетентным рассматривать какие-либо преступления, совершенные иностранцем на борту иностранного судна, находящегося в английских территориальных водах.

По данному делу большинство английских судей поддерживали три правила английского общего права. Первое состояло в том, что компетенция общего права, а также если специально

1. См. Archbold, цитир. работа, с. 34

2. См. А.Д.Кейлин, Советское морское право. Госуд. изд-во водного транспорта. М. 1954, с. 107

3. См. Halsbury's Statutes, Vol. 5, p. 892

не оговорено иное, и статутного права не распространяется за пределы границ территории государства; общему праву ничего не известно о территориальных водах. Второе правило заключалось в том, что уголовная юрисдикция английских судов не распространяется за пределы границ графств. Третье правило, которое предрешило исход дела Кейна, состояло в том, что юрисдикция адмиралтейства в открытом море не распространяется на преступления, совершенные иностранцами на борту иностранного судна.^{1.}

А.Д.Кейлин полагает, что решение английского суда было обусловлено внешнеполитическими установками английского правительства того времени, направленными на то, чтобы волячески побуждать иностранные государства ограничивать осуществление своей власти в территориальных водах.²

Решение по делу Кейна не отражало общую линию практики английских судов. Однако, правила общего права, на которые сослались судьи по делу Кейна, формально перестали существовать уже вскоре после 1876 года. Оба первых правила были изменены многими статутами, которые установили, что определенные деяния, совершенные на борту иностранного судна на море, являются преступлениями и по английскому праву, если они совершены на установленном расстоянии от берега Соединенного королевства. В то же время статуты определили также подсудность этой категории дел местным судам на основании той или иной фикции совершения преступления в Соединенном королевстве.

Третье правило было изменено законом 1878 года (Territorial Waters Jurisdiction Act, 1878), который, как уже говорилось, был принят в связи с делом Кейна. Он распространил юрисдикцию адмиралтейства на преследуемые по обвинительному акту преступления, совершенные любым лицом, включая и иностранцев на иностранном судне в пределах территориальных вод.

1. См. Geoffrey Marston, LL.M. "Crimes on Board Foreign Ships at Sea; section 685(1) of the Merchant Shipping Act 1894, The Criminal Law Review. London, 1971, September, p. 520-524.

2. См. А.Д.Кейлин, цитир. работа, с. 107-108

Однако этот закон о юрисдикции в территориальных водах подлежал применению к преступлениям, преследуемым по обвинительному акту, т.е. не относился ко всем английским судам, которые осуществляют уголовную юрисдикцию.

Эти пробелы были восполнены законом 1894 года (Merchant Shipping Act, 1894), в котором специальная статья была посвящена вопросам юрисдикции на судах, находящихся на расстоянии от берега (section 685(I)).¹

Однако профессор Г. Вильямс утверждает, что упомянутая статья закона 1894 года имеет ограниченное действие; она не распространяется на уголовное право.

Он полагает, что эта статья относится только к вопросам территориальной подсудности, к выбору суда для рассмотрения тех уголовных дел, которые в соответствии с положениями общего права не подсудны английским судам. Поэтому статья 685, по его мнению, не может быть применена к чужому судну, если статутное право содержит применительно к этим случаям иные положения, ясно выраженные или с необходимостью вытекающие в результате толкования соответствующих статутов.²

Следует также отметить, что законы торгового мореплавания 1894 и 1906 годов (Merchant Shipping Acts, 1894 and 1906) были теми законодательными актами, которые приравняли уголовно-наказуемые деяния против личности и личной собственности, совершенные офицерами или матросами британского судна в любом месте вне корабля, в том числе на чужом корабле или в иностранном портовом городе, к уголовно наказуемым деяниям, совершенным на борту британского корабля.³

Англия при осуществлении уголовной юрисдикции в отношении иностранных торговых судов избегала принимать связывающие ее обязательства.

Так, в конце XIX столетия на английском судне, находившемся в Риге, одним английским моряком был убит другой английский моряк. Русское правительство соглашалось выдать Англии арестованного при условии, что английское правительство

1. См. Geogrey Marston, цитир. работа, с. 523

2. См. Glanville Williams. "Venue and the Ambit of Criminal Law", Law Quaterly Review, 1965, 81, p. 410

3. См. Archbold. цитир. работа, с. 32-33

примет на себя обязательство поступать таким же образом в будущем с русскими судами и моряками. Английское правительство опротестовало арест английского моряка, однако условие русского правительства не приняло.¹

В официальном ответе английского правительства на вопрос, поставленный Лигой Наций в связи с подготовкой Гаагской конференции 1930 года о режиме территориальных вод, указывалось, что обычно в тех случаях, когда общественное спокойствие и порядок в порту не подвергаются риску быть нарушенными, английские власти вмешиваются в происшествия, имеющие место на борту иностранного торгового судна, лишь при наличии соответствующей просьбы об этом либо представителя государства, под флагом которого судно плавает, либо судовой администрации, либо лица, непосредственно потерпевшего.²

Однако практика свидетельствует о том, что просьбы потерпевшего не всегда принимаются во внимание, если у британских властей имеются иные соображения в отношении иностранного судна.

В соответствии с Женевской конвенцией о территориальном море 1960 года, вступившей в силу 10 сентября 1964 года, территориальное море было признано территорией прибрежного государства. Поэтому пределы действия английского уголовного права ("Common law" и "statute law") совпадают с границей территориальных вод. Английское уголовное право распространяется на всех лиц, совершивших преступления в английских территориальных водах, как британских поданных, так и иностранцев.

Вместе с этим перестала быть спорной проблема территориальной подсудности, ибо ст.19 Конвенции четко определила, при каких обстоятельствах уголовная юрисдикция прибрежного государства распространяется на иностранные суда, совершающие мирный проход через территориальные воды.

-
1. См. А. Д. Кейлин, цитир. работа, с. 108; также: Ф. Мартенс, Современное международное право цивилизованных народов, т. II, С-Петербург, 1905, с. 405
 2. См. А. Д. Кейлин, цитир. работа, с. 108

3. Законодательство Англии пошло по пути расширения применения территориального принципа (по сравнению с общим правом).

Случаи совершения преступлений на борту британских воздушных судов не попадали ни под юрисдикцию общего права, ни под адмиралтейскую юрисдикцию.

Этот вопрос был решен Законом о гражданской авиации от 24 ноября 1949 года (Civil Aviation Act, 1949).

В соответствии с этим законодательным актом, любое преступление, совершенное на британском воздушном судне, с точки зрения осуществления юрисдикции рассматривается как совершенное в том месте, где находился в этот момент виновный.

Текст статьи 62 этого закона^I вызвал много разногласий на практике.

Так, по делу о незаконной перевозке опиума-сырца, обнаруженного у служащих британской авиакомпании на борту воздушного судна, летевшего из Бахрейна в Сингапур, последние были привлечены к ответственности за это нарушение в соответствии с законом 1953 года (Dangerous Drugs Regulations Act).

Обвинение защищало мнение, что смысл статьи 62(1) упомянутого закона о гражданской авиации заключается в том, что английское воздушное судно по вопросам уголовной юрисдикции должно рассматриваться как часть британской государственной территории и в случаях совершения преступлений на борту британского воздушного судна должен быть применен территориальный принцип, ибо в противном случае вообще отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность за транспортировку опиума.

I. Статья 62 (1) этого закона гласит: "Any offence whatever committed on a British Aircraft shall, for the purpose of conferring jurisdiction, be deemed to have been committed in any place where the offender may for the time being be" (см. J.P. Honig. The legal status of Aircraft. S-Gravenhage Martinus Nijhoff, 1956, p.174).

Защита же дала по этому делу другое толкование этого закона, утверждая, что им устанавливается территориальная подсудность британским судам только за такие преступления, которые в Англии могут быть наказуемы и в том случае, если они совершены за границей.

Суд пришел к выводу, что английская юрисдикция распространяется на совершенные на борту британского самолета преступления, только если они посягают на правовые блага, представляющие ценность для всех цивилизованных государств, и если для уголовной ответственности не имеет решающего значения, где они совершены.

Однако это положение не распространяется на деяния, в отношении которых существует запрет только для Англии или ее части. К последним законам английский суд отнес упомянутый Dangerous Drugs Regulations, регламентирующий ответственность за нарушение порядка обращения с опасными наркотиками.¹

Иного мнения придерживается П.Фитцжеральд, который полагает, что английские уголовные законы распространяются на все преступные деяния, совершенные на британских самолетах.²

Такое же толкование английскому закону о гражданской авиации давалось и в советской юридической литературе.³

Великобритания является участницей всех международных конвенций по вопросам борьбы с преступлениями на борту воздушного судна: Токийской Конвенции о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту самолета, 1963 года,⁴ Гаагской Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов,⁵ Монреальской Конвенции о борьбе с незаконными

1. См. Archbold. цитир. работа, с. 37-38; также Anthony Lester, *Crimes on Aircraft*. "The new law journal", May 4, 1967, p. 497-498
2. См. P. J. Fitzgerald, цитир. работа, с. 165
3. Клименко Б. М. Право прохода через иностранную территорию "Международные отношения" М. 1967, с. 120
4. См. Convention on offences and certain other acts committed on board aircraft. The American Journal of international law with section of official documents. 1964, Volume 58, Number 2, p. 566-573.
5. См. Zdzisław Galicki. Konwencja o zwalczaniu bez prawnego, zawładnięcia statkami powietrznymi, Sprawy Międzynarodowe miesięcznik. Zeszyt 2 (227). Łyty 1971. Rok XXIV. Warszawa, 1. 58-68.

актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года.¹

Таким образом, вопросы уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту английского воздушного судна в настоящее время должны решаться в соответствии с принятыми Великобританией обязательствами.

4. Хотя английское право наиболее строго придерживалось и придерживается территориального принципа действия английского уголовного права в пространстве, оно в виде исключения допускает активный персональный и универсальный принципы.

Отклонения от территориального принципа юрисдикции допускаются в английском уголовном праве главным образом к таким совершенным за границей преступлениям как государственная измена и ему подобные преступления, заключающиеся в "нарушении норм верноподданства"² или в разглашении служебной тайны. Отклонение от территориального принципа допущено также по делам об убийствах и двоеженстве.

В соответствии с международным правом морской разбой ("piracy jure gentium") может караться английскими судами по английскому праву независимо от места совершения преступления и гражданства его участников.

Наиболее существенные отклонения от территориального принципа касаются преступлений, объединяемых понятием "тризн" (treason). Эти преступления только в какой-то мере соответствуют понятию государственной измены, как это преступление понимается в уголовном праве государств Европейского континента. По существу этим названием охватываются не только такие посягательства на внешнюю государственную безопасность как государственная измена, но и посягательства на личность короля, наследника престола, их супруг, старшей

1. См. Н. Остров, Ю. Колосов - Международное право на страже безопасности гражданской авиации, "Советская юстиция", 1971, № 24, с. 15-16

2. См. P. Fitzgerald, цитир. работа, с. 165-166

незамужней дочери короля и даже на некоторых высших должностных лиц.¹

Английское право не проводит различия между внутренней и внешней изменой, как это имеет место в буржуазном уголовном праве других государств; вообще не знает общего состава преступления государственной измены.

Грэнхут на основании действующих законов (Treason Act, 1795 и Treason Felony Act, 1848) определяет "тризн" (treason) как действия, целью которых является смерть или низложение короля, изнасилование королевы, ее старшей незамужней дочери или жены старшего сына, так и действия, заключающиеся в участии в гражданской войне, оказание содействия (aid and comfort) врагам короля, убийство канцлера, казначея или кого-либо из судей, а также посягательства на порядок престолонаследия.²

Юрисдикция английских судов распространялась также на британских граждан, совершивших преступления этой категории за границей, еще задолго до принятия закона в 1351 году (Treason Act, 1351).³ Это положение было установлено английским общим правом.

Персональный принцип ответственности за совершение данного преступления был расширен в 1946 году судом палаты лордов по делу Вильяма Джойса.⁴ Этим судом было признано, что иностранец может быть привлечен к уголовной ответственности английским судом за "тризн", совершенный за границей, если только к моменту совершения преступления он являлся владельцем английского паспорта.

По мнению суда палаты лордов, такое лицо может рассчитывать на защиту (protection) британской короны за границей, а это в свою очередь обязывает иностранца к лой-

1. См. Н. Н. Полянский. Уголовное право и уголовный суд Англии, "Юридическая литература", М. 1969, с. 71

2. См. Грэнхут, цитир. работа, с. 286-287

3. См. Archbold, цитир. работа, с. 29; Halsbury, Laws Vol. 10, p. 323; Russel on Crime, II th Ed. by J. W. Cecil Turner. London, 1958, Vol. I. p. 225

4. Вильям Джойс, гражданин США, до 1939 года проживал в Англии и имел английский паспорт. С 1939 по 1940 год он выступал по немецкому радио с пропагандой против Англии.

альности (allegiance), которая им может быть нарушена также и деянием, совершенным за границей.

По мнению Рассела, при отсутствии этой специальной связи, иностранцы за изменнические действия, совершенные за границей, не могут быть наказаны в Англии.¹

Гринхут полагает, что исполнителем деяний охватываемых понятием "тризз", может быть всякое лицо, претендующее на защиту со стороны короля. К этой категории лиц он причисляет, кроме британских граждан, которые являются гражданами Соединенного Королевства и его колоний, граждан доминиона, а также всякого чужестранца, если они проживают в Соединенном Королевстве или на время своего пребывания за границей оставили в Соединенном Королевстве свою семью и свое имущество или, хотя бы и не по праву, являются владельцами паспорта, гарантирующего защиту со стороны британской короны.²

Законы о служебной тайне (Official Secrets Acts 1911 and 1920) предусматривают ответственность за разглашение служебной тайны (использование документов, иных предметов и сведений в пользу чужой державы или во вред государственной безопасности, а также незаконная передача и сохранение этих предметов или неосторожное обращение с ними).

Законом 1911 года специально предусмотрена ответственность британских граждан перед английским судом за совершение этого преступления за границей.³

Согласно закону об ответственности за посягательства против личности (Offences against the Person Act, 1861) британские подданные, являющиеся гражданами Соединенного Королевства и его колоний, наказуемы за убийства, совершенные ими за границей, и за двоебрачие, даже если вступление во второй брак имело место за границей.

По английскому Закону 1956 года о половых преступлениях (Sexual Offences Act, 1956) наказуемо любое лицо, которое в Англии путем угрозы или обмана склонит женщину к внебрачному сожителюству "в какой бы то ни было части света".

1. См. Russel, цитир. работа, с. 225

2. См. Гринхут, цитир. работа, с. 286-287

3. См. Archbold, цитир. работа, с. 31

Английские суды компетентны рассматривать также дела о преступлениях, совершенных британскими гражданами, находящимися на службе короны в Соединенном Королевстве за границей, при исполнении служебных обязанностей (Criminal Justice Act, 1948).¹

Англия, как другие государства, подписала международные конвенции по борьбе с целым рядом преступлений, кроме пиратства, о котором уже здесь говорилось. Следует упомянуть и такие преступления как торговля наркотиками, подделка валюты и др. За эти преступления лица наказываются и в Англии с позиции универсального принципа-независимо от гражданства виновного и места совершения им преступления.

В английской литературе, однако, подчеркивается, что и эти преступления целесообразно рассматривать на месте их совершения, а потому следует на основании имеющихся договоров о выдаче преступников передавать их из государства, в которое они бежали, в государство, на территории которого было совершено преступление.²

1. См. Archbold, цитир. работа, с. 31

2. P. Fitzgerald, цитир. работа, с. 166

П.

5. Применение английского уголовного права в соответствии с территориальным принципом требует в каждом конкретном случае установить место совершения преступления, а для этого необходимо определить, что следует понимать под местом совершения преступления.

Надо учесть, что в английском уголовном праве место совершения преступления определяется широко с тем, чтобы наилучшим образом обеспечить защиту своего правопорядка от преступных посягательств, так как английским правом отвергнут реальный принцип или принцип защиты¹, широко применяемый в уголовном праве буржуазных государств Европейского континента.

Место совершения преступления в английском уголовном праве определяется с позиций территориальной подсудности. Это совершенно закономерно, ибо в английском праве не проводится четкой грани между определением юрисдикции английских судов и установлением пределов действия материального права. При решении вопросов подсудности одновременно решаются и вопросы действия материального уголовного права.

Как мы уже отметили, в английской судебной практике и в доктрине уголовного права² вопросы, связанные с определением территориальных пределов уголовного права, рассматриваются преимущественно с позиций юрисдикции английских судов (*limits of criminal jurisdiction*). При этом считается бесспорным, что если деяние подсудно английскому суду, то должно применяться английское материальное уголовное право.

Следует иметь в виду, что для английского законодательства в целом характерно, что нормы материального и процессуального права не отделены друг от друга, причем, как правило, нормы материального и процессуального права соединены в одних

1. См. F. Kitzinger. Ort und Zeit der Handlung. Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Allgemeiner Teil. I. Band. Berlin. 1908. s. 167.

2. Archbold, цитир. работа, с. 27-38 ; P. J. Fitzgerald, цитир. работа, с. 164-168 ; Halsbury, Laws, Vol. 10, с. 316-324; К. Кенни, цитир. работа, с. 464

и тех же законодательных актах.¹

Поэтому в некоторых трудах по английскому уголовному праву, например, в работах Расселля² и Г.Вильямса³ вопрос т.н. международного уголовного права⁴ вообще не рассматривается.

1. См. Н.Н. Полянский, цитир. работа, с. 51
2. См. Russel on Crime, IIth Ed. by J.W. Cecil Turner. 2. Vols. London, 1958
3. См. Williams Galnville. Criminal Law. The General Part. Second Edition. London. 1967.
4. Понятие "международное уголовное право" появилось со времен Дж. Бентама и им пользуются по сей день в науке уголовного и международного права почти всех зарубежных государств ("internationales Strafrecht", "droit penal international", "Derecho Penal Internacional").

Это понятие известно также науке советского уголовного права (См. М.Д. Шаргородский, Некоторые вопросы международного уголовного права. "Советское государство и право", 1947, № 3, с. 24-32) и науке советского международного права (См. Л.Н. Галенская, О понятии международного уголовного права, Советский ежегодник международного права, 1969, Изд-во "Наука", М. 1970, с. 241-260).

Понятие "международное уголовное право" многоплановое. В данном случае им обозначается положение национального законодательства о пределах применения материального уголовного права в случаях, когда совершенное лицом преступное деяние соприкасается с интересами иностранного государства или его граждан, т.е. в тех случаях, когда преступление полностью или частично совершено иностранцем на территории данной страны или когда гражданином данной страны или иностранцем совершено преступление полностью или частично за границей. Понятием "международное уголовное право" авторы в этом плане обозначают совокупность положений национального законодательства, назначение которых заключается в том, чтобы очертить пределы господства материального уголовного права данного государства, отграничить установленный им правопорядок от правопорядка, установленного уголовным правом других государств.

Таким образом, совокупность правоположений, обозначенных как "международное уголовное право" является результатом деятельности национального законодателя, а все эти положения являются составной частью национального права, т.е. права, действующего в данном государстве. Поэтому мы здесь и в дальнейшем говорим не о международном уголовном праве, а о "так называемом международном уголовном праве". Отказаться же от этого понятия в этом случае считаем невозможным, так как оно в течение десятилетий употребляется в определенном смысле в уголовно-правовой литературе всех государств.

Вся проблема локализации дистанционных преступлений в английском праве была вызвана именно необходимостью обосновать территориальную подсудность уголовных дел в тех случаях, когда преступление не было полностью совершено в пределах одного графства, а было осуществлено в пределах двух или нескольких графств.

Решение этой проблемы затем было перенесено также на дистанционные преступления, совершенные частично за пределами компетенции английских судов, т.е. за границей. Это те случаи, когда виновный действовал за границей, а посягал на правоохраняемые интересы в Англии, или наоборот, его преступная деятельность имела место в Англии, но вызвала вредные последствия за пределами Англии.

По этой причине при освещении вопросов, связанных с определением места совершения преступления по т.н. международному уголовному праву Англии, за основу берутся законодательные положения и правовые основы общего права относительно локализации внутрианглийских дистанционных преступлений.

6. В соответствии с английским общим правом местом совершения преступления для мисдиминоров (*misdemeanours*)^I если они являлись дистанционными преступлениями, считалось как то графство, где действовал виновный, так и то, где наступило последствие наказуемого деяния.

Мисдиминоры, состав преступления которых характеризуют несколько признаков, считаются совершенными везде, где осуществляется каждый из этих признаков, ибо в противном случае ни один из судов не может быть признан правомочным рассматривать дело и уголовное правосудие не может быть осуществлено.

Таким же образом был решен и вопрос о месте совершения сговора (*conspiracy*), который по общему праву относится к мисдиминорам.

I. Преступные деяния (*offences*), для которых установлен особый порядок преследования с обвинительным актом (*indictable*) до последнего времени делились на три группы: "тризн" (*treason*), "фелонию" (*felony*) и "мисдиминор" (*misdemeanor*). Различие между фелонией и мисдиминором только историческое. С 1 января 1968 года это деление упразднено. Уголовное судопроизводство осуществляется по правилам, предусмотренным ранее для мисдиминоров,

В этом случае признавался принцип убиквитентности или повсеместности: дело было подсудно суду каждого графства, в котором действовал хотя бы один из участников сговора.

"Тризн" (treason) рассматривался как совершенный в любом графстве, где имел место явный, очевидный поступок - " overt act"¹.

Если состав преступления реализовался отдельными актами, которые объединял единый изменнический умысел, и в совокупности составляли единое преступление, то местом совершения преступления признавалось каждое графство, где локализовался хотя бы один из актов, поступков.

Наиболее сложным для английского общего права был вопрос об обосновании территориальной подсудности felonии (felony). Для некоторых имущественных преступлений решение в общем праве было найдено таким образом, что один из актов наказуемого деяния признавался главным элементом преступления и решающим для локализации преступного деяния. Так, например, при мошенничестве (obtaining by false pretences) решающим признаком состава преступления для определения места совершения преступления считалось место получения материальных ценностей, а не место совершения обманных действий.

При присвоении вверенного имущества (embezzlement) служащим, который инкассировал деньги по заданию своего патрона в различных графствах и истратил там, местом совершения преступления для обоснования подсудности признавался тот город, где он был обязан отчитаться за инкассированные деньги, т.е. где он обманул своего патрона.²

Особая доктрина существовала в общем праве для обоснования места совершения такого преступления как ларсени (larceny).

1. Ф. Китцингер отмечает, что само понятие " overt act " а " нигде не было дано, но, по его мнению, само по себе последствие деяния к нему не причисляется. (цитир. работа, с. 168)

2. См. L. Bergmann, цитир. работа, с. 73-77

в какой-то мере соответствующего понятию похищения.¹

Это преступление, заключающееся во взятии и унесении (*taking and carrying away*) определенной вещи при наличии *animus furandi* , доктриной общего права² рассматривалось как длящееся преступление, которое заново реализуется в любом месте, куда совершившее похищение лицо приносит похищенное имущество, ибо право собственности (*legal possession*) у потерпевшего сохраняется и поэтому может быть заново уязвимо.³

Таким образом, местом совершения похищения (*larceny*) является территория любого графства, в котором находится или находился вор со своей добычей.

Однако это похищение относится только к простому похищению (*simple larceny*). Местом совершения тяжкого похищения, сопряженного со взломом или разбоем, признается только место фактического совершения взлома или разбоя, т.е. то место, где виновный изымает имущество из определенного помещения или где применяет насилие в отношении потерпевшего. В этом случае, однако, обосновывалось наличие дополнительного места совершения преступления для простой кражи, которой сопутствует взлом и разбой.⁴

-
1. Н.Н.Полянский перевел " *larceny* " русским термином "воровство", полагая, что оно имеет более широкое значение чем "кража" (цитир. работа, с.171). В переведенной на русский язык книге К.Кенни, "Основы уголовного права" под редакцией Б.С.Никифорова " *larceny* " переведено как "похищение" (цитир. работа, с.196 и сл.). В переведенной на русский язык книге "Современное зарубежное уголовное право" под редакцией А.А.Пионтковского " *larceny* " переведено как "кража" (цитир. работа, с.324-329).
 2. См. Blackstone, Sir William, *Commentaries on the Laws England. Adapted to the Present State of the Law*, By Robert Malcon Kerr. Third Edition. London. 1862, Vol.IV, pp.359-363; К.Кенни.цитир. работа, с.198-199
 3. См. East, Edward Hyde, *A Treatise of the Pleas of the Crown*. Vol.II. London. 1803, p.771
 4. См. East, цитир. работа с.772; также Hale, Matthew, *The History of the Pleas of the Crown*. A new Edition. London. 1803, Vol.I, p.507 and Vol.2, p.163

Отдельные законы содержали положения, которые расширяли территориальную подсудность английских судов. Существенную законодательную регламентацию территориальной подсудности содержал закон об уголовном праве 1826 года (Criminal Law Act, 1826)¹.

В соответствии с этим законом "фелония" и "мисдиминор"—если они являлись дистанционными преступлениями, которые начались в одном графстве, а закончились в другом, могли быть подсудны суду каждого из графств.

Для мисдиминора, как мы уже отмечали, это положение вытекало из общего права, а для фелонии это означало расширение принципа повсеместности по вопросу о территориальной подсудности. Трудности, которые возникли в связи с обоснованием местной подсудности английским судам при вынесении приговоров за преступления, совершенные в транспортных средствах во время их передвижения по территории нескольких графств, также были учтены упомянутым законом.

Ввиду того, что в некоторых случаях было почти невозможно ответить на вопрос, совершены ли фелония или мисдиминор на территории того или другого графства, если преступление совершалось в транспортном средстве, которое пересекает территорию нескольких графств, была узаконена фикция, что за уголовно наказуемое деяние виновный может быть осужден в каждом графстве, как если бы оно им фактически было там совершено.

Закон об уголовной юстиции 1925 года (Criminal Justice Act ,1925) значительно расширил пределы местной подсудности по уголовным делам.²

1. См. Halsbury 's Statutes, Vol.5, p.629

2. См. Halsbury's Statutes, Vol.14, p.935

7. Для т.н.международных дистанционных преступлений в случае, если преступные действия совершаются вне пределов Англии, в результате наступает в Англии, никакой общей законодательной регламентации нет. Имеются только отдельные разрозненные законоположения, регулирующие вопросы локализации отдельных преступлений, а также множество судебных решений.¹ Тем не менее до последнего времени в английской юридической литературе почти не предпринимались попытки фиксировать основные принципы для определения места совершения преступления т.н. международных дистанционных деликтов. Некоторые авторы только сопоставляют законоположения и судебные решения по этим вопросам,² но не указывают, придерживаются ли английские суды принципа ответственности по месту совершения самого деяния, принципа ответственности по месту наступления последствий или комбинированного принципа; не устанавливают, какой же элемент состава дистанционного преступления является решающим для определения места совершения преступления и вместе с этим для определения юрисдикции английских судов.

Наиболее выдающиеся труды по материальному уголовному праву вообще не касаются этого вопроса.³

Только в последнее время высказано мнение, что в английском уголовном праве признан принцип, согласно которому юрисдикция английских судов распространяется и на такие уголовно наказуемые деяния, которые начаты вне пределов Англии, а закончены в Англии.⁴

Однако для того, чтобы установить, действует ли данный принцип в отношении всех или хотя бы большинства преступлений, а не только в отношении отдельных категорий преступлений, например, таких, как убийство, необходимо исследовать этот вопрос применительно к различным категориям преступлений. То, что является бесспорным в отношении локализации убийства, может вовсе не быть обязательным для локализации

1. См. L.Bergmann, цитир. работа, с. 79

2. См. Archbold, цитир. работа, стн. 28-38; Halsbury, Laws, Vol. 10, pp. 317-319

3. См. Russel, цитир. работа; также G.Williams, цитр. работа

4. См. Fitzgerald, цитир. работа, с. 166

имущественных или иных преступлений. Только установив, что понимается под местом совершения преступления для различных категорий преступлений, можно сделать вывод о том, какое положение характерно для всего уголовного права Англии.

8. По общему праву до XVIII века местом совершения убийства не считалась территория Англии в том случае, если смерть потерпевшего наступила в Англии, но действия, вызвавшие смерть, были совершены вне пределов Англии. Также решался вопрос о причинении смерти в Англии действиями, совершенными в пределах адмиралтейской юрисдикции. Эти преступления также не считались совершенными в Англии.

Однако в то же время преступные действия на суше, повлекшие смерть лица на борту судна, рассматривались как совершенные на море и потому относились к адмиралтейской юрисдикции. Судьи поддерживали мнение о том, что смертельный удар или выстрел в правовом смысле (*in contemplation of law*) считается совершенным там, где он непосредственно воздействовал на жертву, где он достиг непосредственного эффекта (*where it actually takes effect*), т.е. удар или выстрел сопровождается умысел на убийство до момента причинения повреждения. В этом случае используется фикция присутствия виновного в том месте, где причинено первое повреждение (ущерб, вредные последствия), которое не совпадает с местом, где наступили последствия, предусмотренные составом преступления.^I

Это положение соответствует теории "удлиненной руки" (*verlangerten Hand*), широко распространенной в немецкой литературе конца XIX, начала XX веков.

Таким образом решался вопрос о деликтах, которые подпадали под действие двух разных, хотя и английских судов.

Это же положение признается в отношении определения места совершения дистанционного преступления и для т.н. международных дистанционных деликтов, когда речь идет об умышленном лишении жизни и исполнитель преступления совершает действия вне пределов английской юрисдикции, а достигает смертельного

результата в пределах действия английского общего права.¹

Применить положения общего права к этим случаям дала возможность весьма распространенная в английском праве теория конструктивного присутствия (*constructive presence*) преступника на месте совершения преступления, которая в известной мере ограничивала применение английского уголовного права своим особым пониманием последствий.²

Положение общего права об определении места совершения убийства, если наступившая в Англии смерть потерпевшего явилась последствием действий, совершенных из-за границы, были расширены законом о посягательствах против личности - *Offences against the Person Act, 1861*.³

В соответствии с этим законом оба вида убийств - мердэр (*murder*) и манслоатэр (*manslaughter*)⁴ - считаются в упомянутых ранее случаях совершенными в Англии и виновные в их совершении лица могут быть осуждены в том графстве, где жертва в результате преступного нападения умирает.⁵

Так, П. Фитцджералд утверждает, что если Х. с корабля, находящегося за пределами британских территориальных вод, стреляет и убивает У. на корабле, находящемся в территориальных водах, то убийство считается по английскому праву совершенным там, где находился убитый, когда на него было совершено нападение (*the homicide fore the purposes of jurisdiction is regarded as taking place where the deceases was when he was attacked*).

-
1. См. Halsbury Laws, с. 318; Archbold, цитир. работа, с. 29-30
 2. См. L. Bergmann, цитир. работа, с. 93-96
 3. Этим статутом был отменен "Offences against the Person Act, 1826".
 4. Н. Н. Полянский указывает, что "murder" только приблизительно можно перевести на русский язык как "умышленное убийство", а "manslaughter" - как "убийство по неосторожности", ибо неумышленное, хотя бы случайное лишение жизни, рассматривается как "murder", если оно сопутствовало другому тяжкому преступлению. (Н. Н. Полянский, цитир. работа, с. 159).
В переводе на русский язык книги К. Кенни "Основы уголовного права" "murder" переведено как "тяжкое убийство"; а "manslaughter" - как "простое убийство", цитир. работа, с. 122, 137.
 5. См. Halsbury, s Statutes, Vol. 5. p. 786

В подтверждение этого положения он приводит судебную практику.¹

Грюнхут на основе Закона от 1861 года приходит к выводу, что убийства подпадают под действие английского уголовного права, как в тех случаях, когда деяние совершено в Англии, а смерть наступила за границей, так и в тех случаях, когда деяние совершено за границей, а смерть наступила в Англии.²

9. Место наступления последствий имеет большое значение для локализации некоторых имущественных преступлений.

Так, "Larceny Act" 1916 года содержит специальный состав обмана, мошенничества (*obtaining by false pretences*), который, как мы показали, был известен и общему праву.

Поскольку это преступление состоит из обманных действий со стороны виновного (*false pretences statements*) и связанных с ними ответных действий имущественного характера со стороны потерпевших, которые в свою очередь влекут получение имущества виновным или третьим лицом (*obtaining*), то могут быть выделены два момента: преступное волеизъявление, с одной стороны, и его последствие соответствующее признаниям данного состава преступления, с другой стороны.

Если оба этих момента территориально разобщены, т.е. мошенничество только частично совершено в Англии, потому что виновный умышленно ввел другое лицо в заблуждение (обманул) за границей, а получение имущества виновным (*obtaining*) имело место в пределах осуществления английской юрисдикции, или наоборот, то должна быть решена проблема локализации такого дистанционного преступления. Место совершения преступления может быть определено в этом случае как с учетом места совершения определенного действия, так и с учетом места наступления последствий, и, наконец, с позиций теории повсеместности.

Английское право (общее и статуйное) решительно встало на путь признания местом совершения мошенничества место наступления последствий,

Место, где путем обмана получено имущество виновным

1. См. P. Fitzgerald, цитир. работа, с. 166

2. См. Грюнхут, цитир. работа, с. 251

или третьим лицом, признается местом совершения мошенничества, поэтому, если обманные действия имели место в Англии, а имущество получено за границей, преступление не считается совершенным в Англии.¹

По мнению П.Фитцджералда, английским судам подсудны все дела о преступных деяниях, совершенных за пределами Англии, если этими деяниями в Англии причиняется непосредственно физический вред или имущественный ущерб (physical harm or loss of property). В то же время П.Фитцджералд полагает, что дела об имевшей место за границей клевете, которая подорвала репутацию человека в Англии, не подсудны английским судам. В этом отношении, по его мнению, английское право соответствует международной практике,² причем он ссылается на широко известное дело Каттинга, гражданина США, которого в 1887 году преследовали в Мексике за то, что он опубликовал в Техасе статью, содержащую клевету на мексиканского гражданина. Протест США был широко поддержан большинством государств.

10. В английской литературе по уголовному праву особое внимание уделяется локализации преступлений, совершенных с использованием невинного посредника (innocent agent)³

Деятельность этого невинного посредника вменяется виновному в совершении преступления в качестве непосредственного исполнительства, как если бы он сам присутствовал при осуществлении преступления и участвовал в причинении вреда правоохраняемому благу. Присутствие виновного в месте совершения преступления мысленно конструируется.⁴

Однако понятием "innocent agent" охватываются не только лица, но и предметы (инструменты), которые могут вызвать определенное воздействие на расстоянии; к "innocent agents" причисляются также и животные, например, собака, обучен-

1. См. L. Bergmann, цитир. работа, с. 96-98

2. См. N. Fitzgerald. цитир. работа. с. 166, 167

3. В уголовном праве континентальных государств частично соответствует понятию посредственного причинения.

4. См. Hale, цитир. работа, Vol. I. p. 555;
К. Кенни, цитир. работа, с. 371, 467

ная "воровать" продукты.

Местом совершения преступления является, таким образом, то место, где "innocent agent" действовал, даже если виновный в совершении этого преступления находился вне сферы юрисдикции английских судов.¹

Особое внимание уделяется в английской литературе вопросам локализации преступлений, в которых в качестве "innocent agent" используются почта, телеграф или подобные средства перевозки или доставки документов или предметов.

Большинство авторов считает, что, если виновное лицо из-за границы посылает оскорбительное по содержанию письмо или письмо, содержащее угрозу, в Англию, это преступление должно рассматриваться как совершенное в Англии, ибо почта в качестве невинного посредника доставляет в Англию это письмо. В этом случае, по их мнению, имеет место конструктивное присутствие виновного в Англии.²

Так, К.Кенни приводит следующий пример совершения в Англии преступления руками невинного посредника: Французский гражданин сдает во Франции на почту письмо, содержащее пасквиль, или подложную телеграмму, которые почтовый служащий вручает в Лондоне адресату.

Если этот француз приедет в Англию, он, по мнению К.Кенни, может быть судим английским судом. К.Кенни утверждает также, сославшись на английскую судебную практику, что, если в письме из Англии в Голландию будут посланы деньги, полученные в Англии в результате мошенничества, такое деяние подоудно английским судом. Голландский преступник использовал должностное лицо английского почтового ведомства в качестве своего агента для пересылки письма.

Или наоборот, лицо, которое, не покидая Англии, посылает за границу поддельные векселя, может быть признано виновным в использовании их за границей. Такое лицо, по мнению К.Кенни, может быть даже выдано как "скрывающийся преступник" для суда над ним за границей.³

1. См. Halsbury, Laws, Vol. 10, p. 296

2. См. К.Кенни, цитир. работа, стр. 467; Russel, Vol. I, p. 136

3. См. Кенни, цитир. работа, с. 467-468

Это же положение относится к случаям, когда из-за границы пересылаются в Англию отравленные продукты или взрывчатка с целью совершения убийства.

Таким образом, если последствия наступили на территории Англии, то по английскому праву соответствующее место в Англии рассматривается как место совершения преступления; если только присутствие исполнителя, фактически находящегося вне пределов Англии, может быть мысленно конструировано.

Таким образом на основании территориального принципа (*objective territorial principle*) имеется возможность рассматривать как совершенные в пределах Англии и такие уголовно наказуемые деяния, которые, будучи совершенными вне ее пределов, вызвали непосредственный результат в пределах юрисдикции английских судов.

Если же в пределах осуществления английской юрисдикции наступили предусмотренные составом преступления последствия, которые не могут быть отнесены к непосредственным последствиям преступного деяния, совершенного за границей, то английские ученые отвергают возможность применения английских законов.

II. Определенный интерес представляет вопрос о том, в каких случаях наказуемы в Англии такие дистанционные преступления, которые виновные совершают на территории Англии, а последствия которых, охватываемые признаками состава преступления, наступают вне пределов действия английского уголовного права.

Это вопрос о значении т.н. субъективного территориального принципа (*subjective territorial principle*)¹ в английском уголовном праве.

На этот вопрос не может быть дан однозначный ответ; он решается неодинаково применительно к различным категориям преступлений.

Наибольший интерес представляет решение этого вопроса по делам об убийстве.

Старое общее право отрицало возможность наказывать за убийство по английскому праву, если преступное деяние совершено в пределах осуществления английской юрисдикции, а его последствие наступило вне этих пределов. Эти вопросы решались

1. Правильнее было бы говорить о субъективном аспекте территориального принципа.

в общем праве, как уже было сказано, не с позиций т.н. международного уголовного права, а с позиций осуществления юрисдикции отдельных графств. Виновный не мог быть привлечен к ответственности в одном графстве, если смерть потерпевшего наступила в другом графстве, потому что дело считалось неподсудным суду первого графства.

Потому тем более бесспорным считалось, что нет оснований для применения английского права к случаям, когда смерть наступила вообще за пределами английской юрисдикции.¹

Такова же была позиция английской практики в отношении адмиралтейской юрисдикции. В случае совершения преступного деяния на суше, повлекшего наступление смерти на судне, конструировалось присутствие субъекта преступления на борту судна и обосновывалась подсудность адмиралтейскому суду.²

В более позднее время положение о том, что реализация преступной воли сама по себе ничего не означает для установления английской юрисдикции, было смягчено.

Стали признавать подсудность преступлений английским судам и в тех случаях, когда на борту английского судна виновным совершались деяния, которые повлекли смерть потерпевшего за пределами судна, например, в море. Признавалась компетентность английских судов рассматривать эти дела, как совершенные в Англии (речь шла об адмиралтейской юрисдикции).

Статьей 10 Закона о посягательствах против личности 1861 года (*Offences against the Person Act, 1861*) был решен вопрос о месте совершения преступления не только для случаев, когда само по себе последствие наступило в Англии, (уже вне зависимости от наличия "constructive presence" субъекта преступления), но и для случаев совершения деяния в Англии, когда его последствия-смерть потерпевшего наступила вне пределов Англии.³

Поэтому Грюнхут, как уже было сказано, утверждает, что убийство подпадает под действие английского права как

1. См. Clark⁸ Marshall, *A Treatise on the Law of Crimes*. 6 th Edition by Melvin F. Wingersky. Chicago. 1958, p.134

2. См. *Best Treatise*. Vol. I, p.367

3. См. Archbold, цитир. работа, с.30

в том случае, когда деяние совершено в Англии, а смерть наступила за границей, так и в обратном случае, когда смерть наступила в Англии, а само деяние совершено за границей.¹

Однако судебная практика ограничивает применение этого закона случаями совершения такого дистанционного убийства британскими гражданами. В литературе такая практика нашла поддержку.² Это означало, что совершенное в Англии деяние, направленное на причинение смерти вне ее пределов, не влечет ответственности по английским законам, если эти деяния совершили иностранцы. Таким образом путем толкования некоторых положений закона о посягательствах против личности для случаев совершения убийства утверждался персональный принцип действия английского уголовного закона.

Такое толкование ст. 10 Закона 1861 года приводит к тому положению, которое существовало в общем праве.³

12. Что касается имущественных преступлений, то общее английское право, как уже было сказано, не признавало местом совершения мошенничества (*obtaining by false pretence*) место совершения обманных действий, а только место причинения ущерба.

Английская практика в этих случаях отрицает субъективный аспект территориального принципа; локализацию преступления связывает с местом получения имущественных благ.

Местом совершения такого преступления как подлог считается Англия, даже если подложный документ с целью обмана посылается за границу.

Состав этого преступления (*forgery*) был известен еще общему праву Англии. Дальнейшее законодательное развитие он получил в 1913 году в консолидационном законе (*Forgery Act 1913*)⁴

Это преступление заключается в изготовлении подложного документа с тем, чтобы последний мог быть использован как

1. См. Гринхут, цитир. работа, с. 261

2. См. Archbold, цитир. работа, с. 30; Halsbury, Laws, Vol. 10, p. 317

3. См. L. Bergman, цитир. работа, с. 92-96

4. См. Halsbury, Laws, Vol. 10, p. 839

подлинный, или, подобным же образом, изготовление подложных печатей, штампов или отпечатков с них.

Сам факт подачи письма на почту в Англии, содержащего подложный документ, даже если это письмо адресовано за границу, составляет окончанный состав преступления, в поэтому наступивший за границей ущерб находится вне состава преступления.

Уголовно наказуемый сговор (conspiracy) заключается в действующем английском праве в сговоре двух или более лиц достигнуть противоправной цели или достигнуть непротивоправной цели противоправными средствами. Сговор с murder специально предусмотрен законом (Offences against the Person Act, 1861.с. 4), а в остальном уголовно наказуемый сговор является важнейшим составом преступления общего права.¹

К.Кенни определяет сговор (conspiracy) как соглашение двух или более лиц об осуществлении какого-либо противозаконного намерения, будь это конечной целью или только средством для достижения другой цели.²

Таким образом, сговор принадлежит к категории "preliminary" или "inchoate crimes"³, т.е.к таким деяниям, которые являются наказуемыми сами по себе, хотя и не наступили последствия в виде ущерба правоохраняемому благу, которые могли или должны были наступить. Состав преступления исчерпывается состоявшейся договоренностью, изъявлением намерения и принятием изъявленного намерения. Если договоренность имела место в пределах действия английского права, то состав преступления осуществлен и нет оснований для рассмотрения его с точки зрения т.н.международного уголовного права.

Уголовно наказуемый сговор, по мнению Гринхута, направлен против того правового блага, каким является "ненарушимость права в Англии", поэтому состоявшийся в Англии сговор с целью способствовать противоправному замыслу, под-

1. См.Гринхут.цитир.работа.с.293

2. См.К.Кенни,цитир.работа,с.318

3. имеется ввиду т.н.усеченные составы преступлений

лежащему осуществлению за границей, не создает основания требовать наказания за это в Англии.¹

Как уже говорилось, законодательное решение вопроса об ответственности за сговор о совершении убийства (murder) содержится в законе 1861 года.

Предусмотрено наказание Британских граждан, которые договариваются в Англии или за границей о совершении убийства вне пределов Англии. Таким образом иностранцы за аналогичное преступление не могут быть привлечены к ответственности и наказаны английскими судами по английским законам.

Из всего изложенного следует, что английское уголовное право в первую очередь и главным образом охраняет правопорядок, установленный в интересах господствующего класса, от причинения ущерба внутри страны.

13. Нами установлено, что, если последствия преступных деяний наступают за границей, виновное в совершении такого деяния лицо не может быть осуждено по английскому праву за совершение оконченного преступления.

Однако английское уголовное право предусматривает ответственность и за покушение на совершение преступления. Этот вопрос регулируется только общим правом. В статутном праве отсутствует положение о наказуемости покушения, поэтому нет общезначимого правила, определяющего понятие покушения. Однако для отдельных видов преступлений правила наказуемости покушения содержатся в соответствующих законах, например, в Законе о преступлениях против личности 1861 года (ст.ст. 15, 18, 21).

Встает вопрос о том, не может ли виновный в случае совершения им т.н. дистанционного преступления, повлекшего последствия за пределами Англии, быть привлечен к ответственности по английским законам за покушение на совершение преступления (criminal attempt).

Английская судебная практика и наука уголовного права дают на поставленный вопрос отрицательный ответ, потому что деяние и последствия, наступившие за границей, вместе взятые

не могут быть признаны окончанным составом преступления и повлечь наказание по английскому праву.¹

14. В английском уголовном праве, в судебной практике и доктрине значительное внимание уделяется определению места совершения преступления соучастниками.

Отдельные формы наказуемого соучастия (*participation*) в совершении уголовно наказуемого деяния были типизированы общим правом с различных точек зрения. Однако отсутствует четкое разграничение между исполнителем и прочими соучастниками, а также между подстрекательством и пособничеством. Рамки соучастия непомерно широки.

Поэтому рассмотрение вопроса о месте преступления, совершенного в соучастии, немислимо без рассмотрения специфических черт понятия и форм соучастия в английском уголовном праве.

Следует отметить, что в советской монографической литературе, посвященной институту соучастия и анализу английского права, дается правильная оценка этого института в английском уголовном праве.

Соучастники в английском праве различаются главные (*principals*) и дополнительные или акцессорные (*accessories*).

Различные формы уголовной ответственности в зависимости от степени участия виновного лица в совершении уголовно наказуемого деяния применялось только к преступлениям, обозначенным как фелонии (*felonies*). Для преступлений, относимых к категориям "тризн" и "мисдиминор", участники не делились на главных и акцессорных даже старым общим правом. Тризн (*treason*) признавался настолько тяжким преступлением, что вина каждого участника (даже при самом незначительном участии) настолько велика, что нет необходимости проводить разграничение между ними; каждый участник должен быть признан исполнителем (*principal*) и наравне с ним отвечать.

Мисдиминор (*misdemeanour*) признавался слишком незначительным преступлением, чтобы разграничивать отдельных участников по степени их опасности на "главных" (*principals*)

и "дополнительных" (accessories).

Это положение сохранилось в общем праве без изменения.¹

К.Кенни указывает, что только преступления, относящиеся к промежуточной группе-к группе фемоний, не представлялись ни настолько тяжкими, ни настолько малозначительными, чтобы признать бесполезным установление формальной градации степеней виновности в зависимости от форм участия обвиняемых в их совершении.²

Главные участники в свою очередь делятся на две степени: участник первой степени (principal in the first degree) и участник второй степени (principal in the second degree). Участниками первой степени признаются те лица, которые активно участвуют в осуществлении преступления и присутствуют в момент его совершения в месте его совершения. Личное присутствие может быть также конструировано, когда виновный использует невинного посредника для достижения желаемого результата, т.е. участниками первой степени считаются те лица, которые сами совершили преступное деяние или осуществили его с помощью невинного агента (непосредственный и посредственный исполнитель).

Участниками второй степени признаются те лица, которые также присутствуют при совершении преступления, но, в отличие от участников первой степени, сами не являются ни непосредственными и ни посредственными исполнителями этого преступления. Они оказывают помощь и содействие во время осуществления состава преступления самим своим присутствием или подстрекательством, иными словами, это пособники, присутствующие при совершении преступного деяния.³

Исключение предусмотрено только для убийства, совершенного путем отравления; тот, кто приготовил яд или положил его в питье, признается главным участником отравления, хотя бы он и не присутствовал при том, как другое лицо дало отравленный напиток жертве.⁴

1. См. G. Williams цитир. работа, с. 346; К.Кенни, цитир. работа, с. 91
2. См. К.Кенни, цитир. работа стр. 91. Следует, однако, иметь в виду, что значение деления преступлений, как уже было сказано, упразднено Законом об уголовном праве от 21 июля 1967 г., вступившем в силу 1 января 1968 г.
3. Они поэтому ранее именовались "accessories at the fact"
4. См. Н.Н.Полянский, цитир. работа, с. 91

Для всех дополнительных участников (accessories) характерно то, что они во время совершения самого преступления не находятся вместе совершения преступления.

Дополнительные участники это те лица, которые выполняют роль подстрекателя и пособника до совершения преступления или роль укрывателя после совершения преступления исполнителем, поэтому они делятся на две группы, соучастников до совершения преступления (accessories before the fact) и соучастников после совершения преступления (accessories after the fact)¹.

К последней группе относятся лица, которые, будучи осведомленными о совершенном другим лицом преступлении и его характере, предоставляют ему убежище, оказывают ему помощь или поддерживают его, чтобы обеспечить возможность избежать наказания.²

Грнхут этих лиц называет укрывателями после деяния.³

Положения о соучастии, разработанные английским общим правом⁴ не были изменены и английским законодательством. Так, изданный в 1861 году "Accessories and Abettors Act"⁵ просто обобщил существующее общее право.

Вопрос об определении территориальной подсудности преступлений, совершенных в соучастии, для Англии имел существенное значение в тех случаях, когда действия отдельных участников совершались на территории различных судебных участков.

-
1. От признания соучастия после совершения преступления давно уже отказались прочие капиталистические страны.
 2. См. Hale, цитир. работа, Vol. I, с. 618
 3. См. Грнхут, цитир. работа, с. 266
 4. См. подробнее об оценке института соучастия в английском уголовном праве в работах советских ученых: А. Н. Трайнин, "Учение о соучастии" М. 1941; А. Л. Пионтковский, "Учение о преступлении в советском уголовном праве", М. 1961; М. И. Ковалев, "Соучастие в преступлении", Свердловск, ч. I, 1960 г. ч. П, 1962 г.
 5. См. Halsbury, Statutes, Vol. 5, p. 724

Если лицо в качестве соучастника совершения преступления обеспечивает в одном графстве исполнителя орудием убийства или уговаривает исполнителя совершить убийство, которое последним совершается во втором графстве, то по английскому праву во втором графстве может быть осужден только сам исполнитель, но не соучастник (пособник или подстрекатель), деяние которого было совершено в первом графстве. По этим же соображениям исполнитель преступления не может быть осужден в первом графстве.

В английской литературе высказывалось мнение о том, что соучастие в дистанционном деликте, осуществленном таким образом, вообще не может быть наказуемо общему праву¹, однако имелась и иная точка зрения в литературе и в практике.

В 1548 году был принят статут, который установил территориальную подсудность деяний дополнительных участников преступления; они подлежали рассмотрению судом в том графстве, где соучастник осуществил свое деяние.

Законом от 1826 года (*Criminal Law Act, 1826*) был установлен принцип повсеместности для всех деяний, совершенных дополнительными участниками, т.е. участниками до совершения преступления и после его совершения. Для преступлений, совершенных в соучастии, была установлена территориальная подсудность тому суду, в пределах которого совершено основное деяние (действовал исполнитель), и, кроме того, территориальная подсудность тому суду, на территории которого совершил свое деяние соучастник (дополнительный участник).

Таким образом, вопрос о территориальной подсудности преступных деяний, совершенных участниками в различных графствах, был решен в законодательном порядке.²

Однако этот вопрос в законодательном порядке не был решен для дистанционных преступлений, в которых принявшие участие лица действовали частично в Англии и частично вне ее пределов.

Решение этого вопроса о позиций т.н. международного уголовного права в Англии давалось на основании общего права

1. См. Hales, цитир. работа,

2. См. подробнее L. Bergmann, цитир. работа, с. 107-108

с учетом имеющейся законодательной регламентации для отдельных составов преступлений.

По общему праву преступное действие дополнительного участника (*accessories*) вне пределов Англии может быть признано совершенным в Англии и подсудно английским судам только в том случае, когда возможно конструировать присутствие этого соучастника в Англии в месте деятельности основного исполнителя, когда есть основание считать, что этот соучастник действовал с помощью невиновного агента.

Это возможно, конечно, только в отношении дополнительного участника до совершения преступления, например, дополнительный участник оказывает содействие основному исполнителю преступления или подстрекает его к совершению преступления в письме, отправленном этим участником из-за границы исполнителю в Англию.

Если же не представляется возможным умозаключительно конструировать совершение соучастником деяния в Англии, то по общему праву не представляется возможным локализовать соучастие в Англии. Деяние соучастника в этих случаях не может быть наказуемо по английскому праву; это деяние вообще не признается преступным по английскому праву. Данное положение подтверждено и законодательным актом - *Larceny Act-om 1916* года.

Поэтому владение или получение вещей, похищенных за границей, является по статуту самостоятельным преступлением. ^I

Исключение, установленное в законе (в ст. 10 *Offences against the Person Act 1861* года) для случаев соучастия в убийстве, когда деяние совершено вне пределов Англии, а смерть наступила в Англии, или наоборот, когда потерпевший от деяния, совершенного в Англии, умирает вне его пределов, распространено только на британских граждан, т.е. только британские граждане, если они являлись соучастниками в убийстве за границей, могут быть привлечены к ответственности в Англии.

Если преступление основным исполнителем совершено полностью вне пределов Англии, тогда из-за требований, вытекаю-

I. См. Stephen, цитир. работа, Vol. II, c. 12-13

щих из аксессуарной природы соучастия, возникает значительные затруднения для признания совершенного в Англии подстрекательства или пособничества уголовно наказуемыми деяниями. Такие деяния не рассматриваются в качестве уголовно наказуемых в Англии.¹ Это обосновывается уже изложенным в данной работе положением, что деяние, совершенное в Англии, если оно вызвало предусмотренные составом преступления последствия вне пределов Англии, не признается уголовно наказуемым деянием по английскому праву.

Поэтому соучастие в преступлении, имевшее место в Англии, только тогда может быть наказуемо по английским законам, если основное деяние, совершенное исполнителем вне пределов Англии, может быть по английскому праву рассмотрено как уголовно наказуемое в Англии или если имеется специальное указание закона на этот счет.

Такое исключение вытекает, например, из закона 1887 года—*Merchandise Marks Act*², а также из закона 1920 года—*Dangerous Drugs Act*.³

Оба этих закона предусматривают наказание за имевшее место соучастие в Англии, хотя основное деяние совершено за границей. *Merchandise Marks Act* (ст. II) указывает, что этот закон не применим к основному деянию, совершенному за границей, а поэтому соучастие, совершенное в Англии, должно с позиций материального и процессуального права рассматриваться как самостоятельное преступление.

Dangerous Drugs Act в статье 13(I) указывает, что имевшее место в Англии соучастие рассматривается как самостоятельное преступление, если только основное преступление, совершенное вне пределов Англии, рассматривается уголовным правом соответствующего иностранного государства в качестве уголовно наказуемого деяния.⁵

1. См. Stephen, цитир. работа, Vol. II, с. 12

2. См. Halsbury, Statutes, Vol. 25, p. III 3

3. См. Halsbury, Statutes, Vol. 15, p. 237 seq.

4. Halsbury, Statutes, Vol. 25, p. III 3

5. См. Halsbury, Statutes, Vol. 15, p. 237

15. В литературе по английскому уголовному праву указывается на "подчеркнуто твердое соблюдение территориального принципа"¹ в английском праве и этим обосновывается необходимость далеко идущей выдачи преступников.

Уже в 1870 году был принят закон о выдаче (Extradition Act, 1870), неоднократно дополнявшийся. Установлены весьма широкие основания для выдачи и регламентированы условия ее и порядок. Принадлежность к числу британских граждан не исключает выдачи по английскому праву.²

Выдача в пределах Великобритании предусмотрена Законом о скрывающихся преступниках 1881 года (Fugitive Offenders Act, 1881).

Начиная с 1870 года, Англия заключила договоры о выдаче почти со всеми иностранными государствами. Большинство из них предусматривает взаимную выдачу, но не обязательную выдачу граждан выдающего государства.

Вопрос о выдаче преступников решается также международными конвенциями, в которых участвует Великобритания.

1. См. Грэнхут, цитир. работа, с. 252

2. См. Грэнхут, цитир. работа, с. 253

СО Д Е Р Ж А Н И Е

стр.

1. М.БЛУМ. Пределы действия советских уголовно-правовых норм	3
2. В.ЛИХОЛАЯ. Ответственность за угон средств механического транспорта по уголовному законодательству союзных республик	44
3. О.РУДЗИТИС. Ответственность за мошенничество по уголовному законодательству союзных республик и некоторых зарубежных социалистических стран	59
4. И.ИНДУЛЕН. Общественность в стадии предварительного расследования преступлений	71
5. Ю.ПЕКА. Некоторые спорные вопросы задержания подозреваемого	104
6. Р.ДОМБРОВСКИЙ. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения	114
7. Э.СТУМБИНА. Первые шаги советской адвокатуры в Латвии	137
8. М.БЛУМ. Место совершения преступления в английском уголовном праве	147

Ученые записки, том 188

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО И
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Редактор А. Лиеле
Технический редактор Л. Озола
Корректор А. Рейгасе

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1973

Подписано к печати 25.04.1973. ЯТ 19232 Зак. № 392.
Ф/б 60x84/16. Бумага №3. Физ.п.л. 12,0. Уч.-и.л. 9,0
Тираж 400 экз. Цена 57 коп.

Отпечатано на ротапринте, Рига-50, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки

LU bibliotēka

200023283

85 87 85 89 94

Цена 57 коп.

2533

P1-75

188

